

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ:
ЛИНГВИСТИКА**

2017 Том 21 № 2

Соредактор выпуска О.А. Леонтович

**Научный журнал
Издается с 1997 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) **Свидетельство о регистрации** ПИ № ФС 77-61212 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUSSIAN JOURNAL
OF LINGUISTICS**

2017 Volume 21 No. 2

Coeditor Olga Leontovich

**Founded in 1997
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать: 36436.

Цели и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика — периодическое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных лингвистических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала:

- ◆ способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными лингвистами, а также специалистами смежных областей;
- ◆ знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области лингвистических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- ◆ публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных лингвистических проблем междисциплинарного характера, раскрывающих взаимодействие языка, культуры, сознания и коммуникации;
- ◆ содействовать изучению развития и использования языка в различных социокультурных контекстах.

Журнал освещает функциональные и социокогнитивные аспекты различных языков и публикует результаты междисциплинарных исследований, в которых основное внимание уделяется влиянию социокультурных контекстов на развитие и использование языка. Этот особый подход позволяет представить в журнале исследования из широкого спектра междисциплинарных областей лингвистики, таких как язык и культура, сопоставительная лингвистика, социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, прагматика, дискурсивный анализ, межкультурная коммуникация, теория и практика перевода.

Отличительной особенностью журнала являются регулярные анонсированные тематические выпуски, посвященные наиболее значимым научным проблемам. Приглашенными соредакторами таких выпусков могут быть как российские, так и зарубежные ученые. Разностороннее глубокое изучение неоднозначных проблем лингвистики способствует уточнению позиций по спорным вопросам, комплексному представлению различных научных школ, выработке оптимальных принципов исследования.

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т.д.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 10.00.00 — филологические науки; Специальности научных работников: 10.02.01 — русский язык, 10.02.04 — германские языки, 10.02.05 — романские языки, 10.02.19 — теория языка, 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

4 issues per year

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

The Russian Journal of Linguistics is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Linguistics and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal:

- ◆ to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists and specialists in all subfield of linguistics;
- ◆ to disseminate theoretically grounded research and advance knowledge pertaining to the field of linguistics developed both in Russia and abroad;
- ◆ to publish results of original research on a broad range of interdisciplinary issues relating to language, culture, cognition and communication;
- ◆ to promote the development and understanding of language use in different sociocultural contexts.

The journal covers functional and socio-cognitive aspects of different languages and publishes a wide range of interdisciplinary studies that focus on the effect of sociocultural contexts on language development and use. This special approach allows the editors to publish research from a broad range of different linguistics subfields such as language and culture, comparative linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics, pragmatics, discourse analysis, intercultural communication, theory and practice of translation.

A distinctive feature of the journal is regular thematic issues devoted to the most significant linguistic problems. Invited co-editors of such issues can be both Russian and international scholars. A diverse and deep study of the ambiguous problems of linguistics by scholars from different countries and various linguistic schools contributes to the clarification of positions on contentious issues and the development of optimal research principles. In addition to research articles, the journal welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

Further information regarding notes for contributors, subscription, open access and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/linguistics>. E-mail: lingj@rudn.university; vestnik_linguistics@mail.ru.

Подписано в печать 18.04.2017. Выход в свет 25.04.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 25,11. Тираж 500 экз. Заказ № 602. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; E-mail: ipk@rudn.university

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.В. Ларина, РУДН, Россия. E-mail: larina_tv@rudn.university

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Иштван Кечкеш, Университет Штата Нью-Йорк, Олбани, США. E-mail: ikecskes@albany.edu

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А.С. Борисова, РУДН, Россия. E-mail: borisova_as@rudn.university

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Альба-Хуэс Лаура, Национальный университет дистанционного образования UNED (Мадрид, Испания)

Биби Стивен А., Университет штата Техас (Сан Маркос, США)

Богданова Людмила Ивановна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Гусман Тирадо Рафаэль, Гранадаский университет (Гранада, Испания)

Деваеле Жан-Марк, Лондонский университет (Лондон, Великобритания)

Дементьев Вадим Викторович, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)

Еленевская Мария, Технион — Израильский политехнический институт (Хайфа, Израиль)

Еслами Зохранэ, Техасский университет А&М в Катаре (Доха, Катар / Техас, США)

Жельвис Владимир Ильич, Ярославский государственный педагогический университет (Ярославль, Россия)

Зализняк Анна Андреевна, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Иванова Светлана Викторовна, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)

Ирисханова Ольга Камалудиновна, Московский государственный лингвистический университет, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Карасик Владимир Ильич, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Карбо Донал, Массачусетский университет (Амхерст, США)

Лассан Элеонора, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)

Леонтович Ольга Аркадьевна, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Миллс Сара, Университет Шеффилд Холлэм (Шеффилд, Великобритания)

Ойши Етсуко, Токийский исследовательский университет (Токио, Япония)

Павленко Анета, Университет Осло (Осло, Норвегия)

Понтон Дуглас Марк, Университет Катании (Катания, Италия)

Путц Мартин, Университет Кобленц-Ландау (Ландау, Германия)

Сифьяну Мария, Афинский национальный университет им. Каподистрии (Афины, Греция)

Сунь Юйхуа, Даляньский университет иностранных языков (Далянь, КНР)

Сурьянараян Нилакши, доктор, профессор, Делийский университет (Дели, Индия)

Шнайдер Клаус, Боннский университет (Бонн, Германия)

Эбзеева Юлия Николаевна, РУДН (Москва, Россия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: lingj@rudn.university; vestnik_linguistics@mail.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Tatiana Larina, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: larina_tv @ rudn.university

HONORARY EDITOR

Istvan Kecskes, State University of New York at Albany, USA. E-mail: ikecskes@albany.edu

EXECUTIVE SECRETARY

Anna Borisova, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: borisova_as@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Laura Alba-Juez, National Distance Education University (Madrid, Spain)

Steven A. Beebe, Texas State University (San Marcos, USA)

Liudmila Bogdanova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Donal Carbaugh, University of Massachusetts (Amherst, USA)

Vadim Dementyev, Saratov State University (Saratov, Russia)

Jean-Marc Dewaele, Birkbeck, University of London (London, UK)

Julia Ebzeeva, RUDN University (Moscow, Russia)

Zohreh Eslami, Texas A&M University at Qatar (Doha, Qatar / Texas, USA)

Rafael Guzman Tirado, University of Granada (Granada, Spain)

Olga Iriskhanova, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

Svetlana Ivanova, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia)

Vladimir Karasik, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

Eleonora Lissan, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)

Olga Leontovich, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

Sara Mills, Sheffield Hallam University (Sheffield, UK)

Etsuko Oishi, Tokyo University of Science (Tokyo, Japan)

Aneta Pavlenko, University of Oslo (Oslo, Norway)

Douglas Mark Ponton, University of Catania (Catania, Italy)

Martin Pütz, University of Koblenz-Landau (Landau, Germany)

Klaus Schneider, University of Bonn (Bonn, Germany)

Maria Sifianou, National and Kapodistrian University of Athens (Athens, Greece)

Sun Yuhua, Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China)

Neelakshi Suryanarayan, Delhi University (New Delhi, India)

Maria Yelenevskaya, Technion — Israel Institute of Technology (Haifa, Israel)

Anna Zalizniak, the Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Editor *Konstantin V. Zenkin*

Computer design *Ekaterina P. Dovgolevskaya*

Editorial office:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Tel.: +7 (495) 434-20-12;

e-mail: lingj@rudn.university; vestnik_linguistics@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Леонтович О.А. (Волгоград, Россия) «Зеркало, в котором каждый показывает свой лик»: дискурсивное конструирование идентичностей 247

ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОММУНИКАЦИИ

Franco Zappettini (Genoa, Italy) Transnationalism as an Index to Construct European Identities: an Analysis of ‘Transeuropean’ Discourses (Роль транснационализма в конструировании европейских идентичностей: анализ «транс-европейских» дискурсов) 260

Laura Hryniewicz & Jean-Marc Dewaele (London, UK) Exploring the Intercultural Identity of Slovak-Roma Schoolchildren in the UK (Исследование межкультурной идентичности рома-словацких школьников в Великобритании) 282

Etsuko Oishi (Tokyo, Japan) Discursive functions of Japanese Personal Pronouns (Дискурсивные функции японских личных местоимений) 305

Maria do Carmo Leite de Oliveira, Carla Mirelle de Oliveira Matos Lisboa (Rio de Janeiro, Brazil) Narratives about Displacement and Stigmatization of Identities (Нарративы об утрате социального статуса и стигматизации идентичности) 320

Barbara Loester (Winchester, UK) “A Significant Part of an Insignificant Identity”: the Re-Articulation of North-East Scots between Tradition and Globalization («Значительная часть незначительной идентичности»: позиционирование северо-восточного шотландского языка между традицией и глобализацией) 335

ТЕКСТ И ДИСКУРС

Хазагеров Г.Г. (Ростов-на-Дону, Россия) Коммуникативная культура в свете противопоставления полемического и проповеднического начал 348

Щирова И.А. (Санкт-Петербург, Россия) Текст как элемент интеграционного научного пространства 362

Marklen E. Konurbaev (Moscow, Russia) Redefining Neutrality in Language and Discourse (О разграничении нейтральности в языке и речи) 379

Alcina Sousa (Funchal, Portugal) A Discourse-Based View in Interdisciplinary Approaches to Fictional Text Analysis (Дискурсивно-ориентированные междисциплинарные подходы к анализу художественных текстов) 390

Которова Е.Г. (Зелёна-Гура, Польша / Томск, Россия) «Обещание» как модель речевого поведения: методика контрастивного анализа (на материале русского и немецкого языков) 405

Гладкая Н.В. (Донецк, Украина) Логоэпистемы в креолизованных текстах интернет-дискурса 424

ХРОНИКА

Рецензии

- Wayne Rimmer (Kent, UK)** Review of Marklen E. Konurbaev (2016) *The Style and Timbre of English Speech and Literature*. Palgrave MacMillan (Рецензия на книгу Marklen E. Konurbaev (2016) *The Style and Timbre of English Speech and Literature*. Palgrave MacMillan) 438

Конференции

- Carmen Santamaría-García (Alcalá, Spain), David Ferrer-Revull (Madrid, Spain)** International Conference on Language and Emotion, Madrid, Spain, 23—25 November, 2016 (Международная конференция «Язык и Эмоции». Мадрид, 23—25 Ноября, 2016 г.) 441

- Svetlana Kurteš, Zohreh Eslami (Doha, Qatar / Texas, USA)** The Fifth Liberal Arts International Conference: *Reinventing Ourselves: Innovation and the Liberal Arts*, Doha, Qatar, 29—31 January 2017 (Пятая международная конференция по гуманитарным наукам: «Переосмысление своего "я" и инновации в сфере гуманитарных наук», Доха, Катар, 29—31 января 2017 г.) 446

Памяти учителя

- О.А. Крылова (1937—2017) 451

CONTENTS

Olga Leontovich (Volgograd, Russia) “A Mirror in which Everyone Displays their Image”: Identity Construction in Discourse	247
--	-----

IDENTITY IN COMMUNICATION

Franco Zappettini (Genoa, Italy) Transnationalism as an Index to Construct European Identities: an Analysis of ‘Transeuropan’ Discourses	260
---	-----

Laura Hryniewicz and Jean-Marc Dewaele (London, UK) Exploring the Intercultural Identity of Slovak-Roma Schoolchildren in the UK	282
---	-----

Etsuko Oishi (Tokyo, Japan) Discursive functions of Japanese Personal Pronouns (Дискурсивные функции японских личных местоимений)	305
--	-----

Maria do Carmo Leite de Oliveira and Carla Mirelle de Oliveira Matos Lisboa (Rio de Janeiro, Brazil) Narratives about Displacement and Stigmatization of Identities	320
--	-----

Barbara Loester (Winchester, UK) “A Significant Part of an Insignificant Identity”: the Re-Articulation of North-East Scots between Tradition and Globalization	335
--	-----

TEXT AND DISCOURSE

Georgii G. Khazagerov (Rostov-on-Don, Russia) Cultivation of Communicative Space: Polemical Eloquence vs. Epideictic Eloquence	348
---	-----

Irina A. Schirova (St Petersburg, Russia) Text as an Element of Integrative Scientific Space	362
---	-----

Marklen E. Konurbaev (Moscow, Russia) Redefining Neutrality in Language and Discourse	379
--	-----

Alcina Sousa (Funchal, Portugal) A Discourse-Based View in Interdisciplinary Approaches to Fictional Text Analysis	390
---	-----

Elizaveta G. Kotorova (Zielona Góra, Poland / Tomsk, Russia) “Promise” as Speech Behavior Pattern: Method of Contrastive Analysis (Based on Russian and German Languages)	405
--	-----

Natalia V. Gladkaya (Donetsk, Ukraine) Logoepistems in Creolised Texts of Internet Discourse	424
---	-----

CHRONICLE

Book reviews

- Wayne Rimmer (Kent, UK)** Review of Marklen E. Konurbaev (2016) *The Style and Timbre of English Speech and Literature*. Palgrave MacMillan 438

Conferences

- Carmen Santamaría-García (Alcalá, Spain), David Ferrer-Revull (Madrid, Spain)** International Conference on Language and Emotion, Madrid, Spain, 23—25 November, 2016 441

- Svetlana Kurteš, Zohreh Eslami (Doha, Qatar / Texas, USA)** The Fifth Liberal Arts International Conference: *Reinventing Ourselves: Innovation and the Liberal Arts*, Doha, Qatar, 29—31 January 2017 446

In memoriam

- O.A. Krylova (1937—2017) 451

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-247-259

“A MIRROR IN WHICH EVERYONE DISPLAYS THEIR IMAGE”: IDENTITY CONSTRUCTION IN DISCOURSE

Olga A. Leontovich

Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenina prosp., 400066, Volgograd, Russia

«ЗЕРКАЛО, В КОТОРОМ КАЖДЫЙ ПОКАЗЫВАЕТ СВОЙ ЛИК»: ДИСКУРСИВНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

О.А. Леонтович

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400066, Волгоград, Россия, пр. им. В.И. Ленина, д. 27

If this issue of the journal were to be orchestrated, it would have two leading motives: identity and discourse. Identity grows out of communication and becomes a complex interplay of collective and individual personality features. Scholars emphasise the dialogical character of identity construction and view it as a result of negotiation and renegotiation in a social setting. The discursive construction of identity by means of language and other modes of interaction has to a certain extent been implemented in the Russian research paradigm through the notion of “linguistic personality”.

Due to the interest for interconnection and mutual influence of social practices and discourse, a number of papers in this issue produced by scholars from different countries and educational institutions draw upon Critical Discourse Analysis as a theoretical framework. CDA, which is rather a perspective than a coherent theory, goes back to the ideas of M. Foucault (Foucault 1977) who researched representational features of discourse as an instrument of power. The basic principles of CDA are formulated in the seminal book “Language and Control” (Fowler et al. 1979). The founders of CDA are a “quartet” of scholars who do not form one research school but each have their individual history: N. Fairclough (textually oriented discourse analysis), R. Wodak (discourse historical approach), T.A. van Dijk (text linguistics and cognitive linguistics) and P. Chilton (linguistics, semiotics and communication studies) (Blommaert 2005: 21).

The view of language as a social practice implies that discursive events and situations are dialectically linked to institutions and social structures which frame them (Fairclough, Wodak 1997). CDA scholars believe that it is not enough to reveal the social dimensions of language use — it is necessary to critically analyse social wrongs such as prejudice, unequal access to power, privileges, material and symbolic resources (Fairclough 2009), expose those who are responsible for the inequality (van Dijk 1986),

resist and counteract “enactments of power abuse as transmitted in private and public discourses” (Tenorio) and participate in forming and transforming different social structures (Fairclough, Wodak 1997).

Though the themes of identity and discourse are intertwined in the publications included in this issue, it is tentatively divided into two parts: “Identity in Communication” and “Text and Discourse”.

IDENTITY IN COMMUNICATION

Individuals possess features of big and small groups they are part of. They primarily belong to humanity capable of, according to G.I. Bogin’s expression, “appropriating language” (Bogin 1980: 3). Universal traits inherent in any person using language as a form of communication account for the unity of humankind. A. Wierzbicka indicates that if there were no common base uniting different cultures and societies, the conceptual worlds connected with different languages would be mutually impenetrable (Wierzbicka 1996: 320).

The optimal correlation between personal traits and those acquired as a requirement of a group, organisation, nation, etc. gives an individual the sense of identity which, on the one hand, does not stem from blind conformism and, on the other, creates the awareness of “self” existing in harmony with society. The multi-layered identity based on a combination of psychophysiological, social, ethnic, cultural and linguistic differences, becomes more complex as a person is included in bigger social units. Scholars compare modern personality conceptualization to a ‘Russian Doll’ where different identities are hierarchically stacked (Herrmann et al. 2004).

The modern world brings forth new identity forms and implementations. Geographic mobility, globalization, ethnic and cultural polyphony create multiple identities. V.S. Kurske defines them as “self-identification with <...> two or more ethnic cultures”: “alongside with traditional diasporas, such as Jews, Armenians, Greeks, Germans, etc., there emerge new ethnic groups with multilevel awareness, which integrates different elements of civilian, regional, confessional and ethnic identities” (Kurske 2011). Former demarcation of territories between different ethnic groups is substituted by the “de-territorialisation of communities” (Leung et al. 2009). In the context of contemporary cultural pluralism (multiculturalism, transnationalism) the best term to characterize the dynamics of personal and collective identity is “transformation”.

The paper by **Franco Zappettini** “Transnationalism as an Index to Construct European Identities: An Analysis of ‘Transeuropean’ Discourses” treats identities as “dynamic, multiple and fluid constructs”. The nature of transnationalism is elucidated through the research of the European Union and the complicated processes of “transformations of Europe(anness)”. The paper seeks to examine the new post-national identities and forms of belonging, which are of special interest for researchers because, according to the author, they emerge from discursive negotiation rather than exist in reified forms. Transnational discourses constructed on the levels of interpersonal, public and mass communication are investigated “from a bottom-up/grassroots perspective”.

The study explores the dialogical nature of this process and the role of linguistic devices and discursive strategies in the formation of new identities. The paper has an

overall focus on indexicality in the broad sense (e. g. regional accents, ideological and social connotations, different kinds of implicatures, temporal, spatial, personal and ideological positioning, etc.) and deixis in a narrower sense (pronouns, adverbs, labels, etc. that “signal (dis)alignment with one particular group identity”). The author discusses the ‘de-territorialisation’ of English as a tool used for intercultural communication and the evolution of its cultural and cognitive connotations, as well as the change of European identity under the influence of bilingualism. The world sees the emergence of ‘in-between’ identities of people who do not feel completely assimilated Europeans because of insufficient linguistic competency, differences in public and family discourses, struggle between the moral obligation to society and the affective dimension of groupness, etc. According to Zappettini, “nationhood becomes increasingly volatile” giving way to Europeanness as a form of transnationalism.

Zappettini’s ideas are in line with the work by **Jean-Marc Dewaele** and **Laura Hryniewicz** devoted to the intercultural identity of Slovak-Roma schoolchildren in the UK. The authors believe that in today’s globalised world the significance of “where you are ‘originally from’ <...> is becoming less and less straightforward”. Dewaele and Hryniewicz examine the impact of mobility, transnational migration and cultural pluralism on Slovak-Roma schoolchildren living in the UK. The readers of the journal will certainly appreciate the discussion of the ways in which identity is constructed in a multilingual society where the prestige and value of different languages, as well as their association with power, status and social roles, are believed to be unequal. There is voluminous linguistic literature devoted to the problems of cultural imperialism, language as a tool of domination and stereotyping, an object of discrimination, perception of individuals on the basis of their linguistic competency, absorption of minority languages by bigger ones and, as a consequence, death of languages. The loss of a language is closely associated with the loss of cultural identity, whereas bilingualism or polylingualism can perform different functions and highlight different aspects of personal and group identity.

In addition to ethnicity, Dewaele and Hryniewicz take into account such aspects of the Slovak-Roma identity as nationality, age and language practices. The term “Roma” (or Romani people) itself creates certain difficulties of interpretation as it does not include a homogeneous group of people but is an umbrella term for different subgroups. The life of the Slovak-Roma schoolchildren in the UK presupposes the use of English as the main language. The authors point out that the children “must negotiate between criticism from the dominant culture for not speaking English but perhaps even stronger criticism from their own ethnic in-group for speaking it”. By giving ‘voice’ to Slovak-Roma schoolchildren during interviews, Dewaele and Hryniewicz show that code-switching (in this case — switching of languages) can be done for the following reasons: 1) achievement of understanding with the interlocutor(s); 2) realisation of ingroup—outgroup dichotomy; 3) ability to live in the new communication environment.

The problem of deixis as an index of personal identity in the Japanese language is discussed in **Etsuko Oishi**’s article “Discursive Functions of Japanese Personal Pronouns”. The author grants that through identifying the functions of first- and second-person pronouns in an illocutionary act it is possible to consistently characterise com-

communicators from the point of view of their gender, social standing and the formality level of discourse. The Russian readers will be interested in the differentiation of the first-person male (*watakushi, watashi, boku* и *ore*) and female (*watakushi, watashi* и *atashi*) pronouns, which indicate how the speakers position themselves depending on the character of the discourse and social context. The second-person pronouns also indicate gender (male *anata, kimi, anta* and *omae*; female *anata* and *anta*), the positioning of communicators in time and space, as well as the degree of equality, status and power distance between them.

The paper “Narratives about Displacement and Stigmatization of Identities” by **Maria do Carmo Oliveira** and **Carla Mirelle Lisboa** examines the problem of individuals’ self-perception and their perception by others through their narratives, which results in alternative identities. It is well known that narrators possess great power — the ability to decide what to say and which information to withhold, in which order to present the events and how to explain the motives of their actions. The authors research the mechanism of constructing the narrator’s discursive identity through the narrative of a woman from the state of Rio de Janeiro who lost her house to heavy rainstorms and became homeless with her seven young children. The dominant themes of her discourse are motherhood and female fulfilment. At the same time she uses double standards evaluating her own and others’ life situations, “distances herself from the homeless category” and is critical of the deviant behaviour of people categorized as ‘homeless’.

Barbara Loester’s article “*A significant part of an insignificant identity: tradition, globalisation and the re-articulation of North-East Scots*” addresses a topic which was not thoroughly researched before but can shed light on the shaping of identity of minority language users — the status of Scots (a language, a dialect or a non-standard variety?). The main focus is on North-East Scots as “an important identity marker for its speakers”, especially in small towns and rural areas, where it is held in high esteem due to the belief that the varieties spoken there are “the most ‘uncorrupted’ and ‘pure’”. In the interviews carried out by the author the respondents argue that the status of the language and their identity can be preserved through the use of North-East Scots rather than English, the existence of printed materials and the study of literature in their native language.

TEXT AND DISCOURSE

The second part of the journal continues the discussion of discourse from the previous issues. In the context of the present publication discourse becomes an integrative factor which unites different researches and topics.

Georgii G. Khazagerov’s paper “Cultivation of Communicative Space: Polemical Eloquence vs. Epideictic Eloquence” differentiates the influence of polemic and epideictic genres on horizontal and vertical communication flows, as well as their contribution to culture. Epideictic discourses find new modes of realisation in propaganda, advertisement, didactics, etc.; polemic discourses, in their own turn, are investigated on the material of both dialogical and monological texts. The author reflects on the complexity of contemporary communicative space and the possibility of harmonious combination of polemic and non-polemic genres in modern society.

The paper by **Irina A. Schirova** “Text as an Element of Integrative Scientific Space” is devoted to the correlation of dichotomies *science* and *arts*, *scientific truth* and *artistic truth*, *scientific worldview* and *artistic worldview*, *scientific cognition* and *perceptual cognition*, *scientific information* and *aesthetic information* and their role in text production. The genre of essay, which, according to the author, is both a piece of art and science, is regarded as a combination of those oppositional characteristics, the borders between which are flexible and conceptually interconnected. The paper postulates a holistic approach towards texts, existing and functioning on the intersection of *emotio* and *ratio*.

Marklen E. Konurbaev’s work “Redefining Neutrality in Language and Discourse” deals with the communicative value of linguistic units against the background of contextual neutrality, which intensifies the aesthetic perception of stylistically marked elements and is viewed as the basis of stylistic variability. The author believes that different contexts influence the degree to which the semantic potential of linguistic units is realised. By using examples from texts belonging to different functional styles, Konurbaev shows how the zones of stylistic impact are created “molding the organic auditory and visual whole in a text”.

The article “A Discourse-Based View in Interdisciplinary Approaches to Fictional Text Analysis” by **Alcina Sousa** is devoted to pedagogical stylistics. The author uses CDA to show the potential impact of literary works in discursive and social contexts. She regards reading not as a mechanical exercise aimed at comprehension but as an integrative skill and a meaningful kind of dialogical activity in the teaching process. Due to this approach, discourse analysis can become a key to the creative perception of fictional text and an interactive process of meaning generation by writers and their reading audience.

Elizaveta G. Kotorova’s paper proposes an innovative approach to the comparative analysis of basic units of intra- and intercultural communication. She suggests employing *speech behaviour pattern* as the basic unit of communication and believes that its illocutionary content and general organization are universal, whereas its linguistic realization relies on a particular culture and may have significant variations from one language to another. The paper contains a detailed description of the pattern structure and illustrates the possibilities of its application on the example of the speech act “promise” in the Russian and German languages.

The issue is concluded by Natalia V. Gladkaya’s article “Logoepistems in Creolised Texts of Internet Discourse” based on the material of memes, demotivators, Internet comics and other specific Internet genres. Logoepistems are described as transformed precedent statements in Internet texts with an interplay of their verbal and visual components based on different meanings of one and the same lexeme. The author suggests a classification of logoepistemic units taking into account their culturally specific features and the audience’s background knowledge.

The discussion of sociolinguistic problems will be continued in the next issue of the journal devoted to the commodification of the Russian language, with the participation of Aneta Pavlenko (Oslo University) and Sebastian Muth (University of Fribourg, Switzerland).

RU

Лейтмотивом предлагаемого читателю нового выпуска журнала стала тема идентичности, теснейшим образом связанная с проблемами дискурса. Идентичность вырастает из коммуникации и выступает как сложное переплетение коллективного, преломляемого через призму индивидуальности, и индивидуального, вкрапленного в коллективное. Наибольший интерес для лингвистов представляет дискурсивное конструирование идентичности средствами языка и иных коммуникативных форм, в известной степени воплотившееся в российской научной парадигме посредством понятия языковой личности. Западные исследователи преимущественно пишут о формировании идентичности как результате переговорного процесса (*negotiation and renegotiation of identities*).

Личностная идентичность не может сложиться вне человеческого сообщества, ибо она предполагает отождествление себя с другими и анализ себя на фоне других. Именно вниманием к социальным процессам можно объяснить особый интерес исследователей, представляющих в настоящем выпуске журнала разные страны, научные школы и учебные заведения, к критическому дискурс-анализу (КДА). Эта научная парадигма и выросший из нее исследовательский метод восходят к идеям М. Фуко (Foucault 1977), который изучал репрезентационные свойства дискурса как инструмента власти. Основы КДА заложены в книге “Language and Control” (Fowler et al. 1979). Основные представители КДА — «квартет» ученых, которые не составляют единую исследовательскую группу, а каждый имеет свою индивидуальную историю: Н. Фэрклаф (системно-функциональная лингвистика), Р. Водак (интеракциональные исследования), Т.А. Ван Дейк (лингвистика текста и когнитивная лингвистика), П. Чилтон (лингвистика, семиотика, коммуникативистика) (Blommaert 2005: 21).

Внимание сторонников КДА сосредоточено на пересечении языка / дискурса / речи / социальной структуры. Н. Фэрклаф трактует дискурс как промежуточный уровень между *текстом как таковым* и *социальным контекстом*, осуществляющим связь между внутренними отношениями в тексте и его внешними отношениями (Fairclough 2003: 37). Дискурсы не только представляют мир в том виде, в котором он существует или видится нам, — они также проективны и изображают возможные миры, отличные от реального — такие, которые говорящие хотели бы создать (Там же: 124). Таким образом, к обозначенным выше признакам дискурса добавляется его способность конструировать социальный мир коммуникантов.

С точки зрения приверженцев КДА, недостаточно выявить социальные изменения использования языка — необходимо сделать их объектом моральной и политической оценки; их изучение должно влиять на общественные процессы: надеяться на власть тех, кто ею не обладает, давать право голоса тем, кто его лишен, вскрывать злоупотребления властью, поднимать людей на борьбу с социальной несправедливостью. Таким образом, критический дискурс-анализ должен способствовать активному вмешательству в социальные практики и давать рекомендации в отношении того, как это следует делать (Blommaert 2005: 25), играть роль в конструировании социальных структур и их трансформациях (Fairclough, Wodak 1997).

Хотя темы идентичности и дискурса органично переплетаются в представленных публикациях, выпуск журнала с достаточной степенью условности поделен на два раздела: «Идентичность в коммуникации» и «Текст и дискурс».

ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОММУНИКАЦИИ

Личность заключает в себе признаки больших и малых групп, в состав которых она входит. В первую очередь, это принадлежность к человечеству как единому целому, способному, по выражению Г. И. Богина, «присваивать язык» (Богин 1980: 3). Универсальные черты, присущие любому человеку, который владеет языком как средством коммуникации, обуславливают единство человечества на основе этого признака. А. Вежбицкая пишет о том, что если бы не существовало общей базы, объединяющей различные культуры и социумы, «различные понятийные миры, связанные с различными языками, были бы взаимонепроницаемы» (Вежбицкая 1996: 320).

Оптимальное соотношение между личностным началом и чертами, усвоенными как требование групповой, организационной, национальной и иной принадлежности, дает личности то сознание собственной идентичности, которое, не будучи следствием слепого конформизма, в то же время создает ощущение своего «я», гармонично сосуществующего с окружающей социальной средой. Многослойность личностной идентичности, базирующаяся на сложном сочетании психофизиологических, социальных, национально-культурных и языковых различий, возрастает по мере включения человека в более крупные культурно-языковые сообщества. Исследователи уподобляют современную концептуализацию идентичности русской матрешке, где одна идентичность входит в другую, составляя своего рода иерархическую структуру (Hertmann et al. 2004).

Типизированная лингвокультурная личность выступает как «носительница принятых норм и ценностей, доминирующих в определенном обществе», вписанная «в общую систему регуляции» и в результате предстающая «как фрагментарная и частичная личность, как носитель разных ролей, относящихся к разным сферам и типам культуры» (Ерасов 1997: 237—240).

В современном мире проблемы идентичности обретают новые формы и воплощения. Географическая мобильность, процессы глобализации, этническая и культурная полифония приводят к формированию так называемых множественных идентичностей, определяемых В.С. Курске как «отнесение себя <...> к двум и более этническим культурам»: «наряду с традиционными диаспорами, такими как евреи, армяне, греки, немцы и т. д., возникают новые этнические сообщества с многоуровневым самосознанием, в котором накладываются и интегрируются различные элементы гражданской, региональной, конфессиональной и этнической идентичностей» (Курске 2011). Существовавшие прежде проблемы территориальности, сопряженные с географическими границами проживания этнических групп (*demarcation of territories and identities*), заменяются проблемами «детерриторизации» сообществ (*de-territorialisation of communities*) (Leung et al. 2009).

В контексте культурного плюрализма (мультикультурализма, транснационализма) личностная идентичность предстает в новых ипостасях, где «трансформация» выступает как ключевой признак.

В статье Ф. Запеттини “*Transnationalism as an Index to Construct European Identities: An Analysis of ‘Transeuropean’ Discourses*” («Роль транснационализма в конструировании европейских идентичностей: анализ „транс-европейских“ дискурсов») процессы формирования новых идентичностей трактуются как многогранные динамические конструкторы. Транснационализм рассматривается на примере Европейского Союза, созданного сравнительно недавно и переживающего непростые времена — трансформацию европейской идентичности — “*transformations of Europe(anness)*”. Автор пишет о зарождающихся постнациональных идентичностях, новых формах принадлежности, которые интересны для исследователей дискурса именно тем, что являются не раз и навсегда устоявшейся данностью, а результатом переговорного — далеко не всегда гладкого и бесконфликтного — процесса. Транснациональные дискурсы развиваются снизу вверх и конструируются на уровне межличностной, публичной и массовой коммуникации.

Цель автора — показать диалогическую природу этого процесса и роль языковых приемов и дискурсивных стратегий в формировании новых форм идентичности. В центре его внимания — роль индексальности в широком смысле (например, регионального акцента, идеологических и социальных коннотаций, разного рода имплицатур, позиционирования себя во времени, пространстве, системе геополитических отношений) и дейксиса в более узком понимании (личных и указательных местоимений, наречий, ярлыков как показателей принадлежности к социальным группам и т. д.). Происходит отрыв английского языка как средства межкультурного общения от традиционно связываемых с ним географических территорий (*‘deterritorialisation’*), эволюционируют бытующие в нем культурные и когнитивные коннотации. Европейская идентичность меняется под воздействием двуязычия.

С другой стороны, возникают «промежуточные» идентичности людей, которые не чувствуют себя в полной степени ассимилированными европейцами в силу недостаточного владения языком страны проживания, различия между публичным и семейным дискурсом, разделения морального долга перед обществом и аффективной, ценностной принадлежности к «близкому кругу». По мнению Ф. Запеттини, национально-этническая принадлежность уходит, уступая место общеевропейской.

С работой Ф. Запеттини в известной степени перекликается статья Ж.-М. Деваеле и Л. Хриниевич, в которой речь идет о межкультурной идентичности ромасловацких школьников в Великобритании. Авторы также полагают, что в современных условиях значимость этнического происхождения размывается, уступая место глобальной идентичности. Следует, однако, заметить, что идентичность многолика и бытует в форме глобального, национального, этнического, регионального и «местечкового» самопозиционирования. По-прежнему существует стремление сохранить собственную этническую идентичность, о чем свидетельствуют многочисленные политические процессы в современной Европе и в мире в целом.

Ж.-М. Деваеле и Л. Хриниевич размышляют о роли этих процессов на примере достаточно малочисленной группы рома-словацких школьников, волею судьбы оказавшихся в Великобритании. Попадая в новое лингвокультурное пространство, экспатриант должен быть готов к тому, что его идентичность будет восприниматься иначе, чем в родной культуре. Для читателей данного журнала, чьи интересы в значительной степени сосредоточены на лингвистических проблемах, большой интерес может представлять конструирование идентичности в многоязычном обществе, где престиж и ценность разных языков оцениваются неодинаково и в разной степени ассоциируются с властью, статусом и другими показателями общественной жизни. В лингвистической литературе хорошо освещены проблемы языковой/культурной экспансии, языка как средства доминирования либо объекта дискриминации, формирования стереотипов из-за использования того или иного языка, восприятия личности на основе уровня ее языковой компетенции, поглощения одних языков другими и, как следствие, исчезновения языков. Потеря языка теснейшим образом ассоциируется с потерей идентичности. В условиях билингвизма или многоязычия различные языки могут выполнять разные функции и высвечивать разные стороны личностной и групповой идентичности.

Использование рома-словацких школьников в качестве объекта анализа позволяет на примерах проследить вышеуказанные процессы. Самоназвание этнической группы «рома» создает определенные трудности для интерпретации, так как оно включает в себя не только цыган, но и другие этногруппы (кале, синти и т.д.). С одной стороны, их проживание в Великобритании предполагает использование английского языка как основного. С другой стороны, утверждают авторы статьи, члены этнической группы могут восприниматься как «чужие», если они будут отдавать предпочтение английскому перед своим родным языком. Ж.-М. Деваеле (Dewaele 2010) полагает, что в процессе языковой адаптации, приспособления к новым языковым условиям может меняться и самовосприятие личности. Исследователи на основе анализа практического материала показывают, что переключение кодов (в данном случае речь идет о естественных языках) может происходить с целью: 1) достижения взаимопонимания с собеседником; 2) реализации дихотомии «свои — чужие»; 3) умения «существовать», «жить» в новом языковом пространстве.

Проблема дейксиса как показателя личностной идентичности в японском языке рассматривается в статье Етсуко Ойши “*Discursive functions of Japanese personal pronouns*” («Дискурсивные функции японских личных местоимений»). По мнению автора, идентификация функций местоимений первого и второго лица в иллокутивном акте позволяет последовательно охарактеризовать коммуникантов с точки зрения гендерной принадлежности, социальной ситуации, а также степени формальности во взаимоотношениях между ними. Для русского читателя чрезвычайно интересна дифференциация японских мужских (*watakushi*, *watashi*, *boku* и *ore*) и женских (*watakushi*, *watashi* и *atashi*) местоимений первого лица, определяющих самопозиционирование говорящего в зависимости от характера дискурса и социального контекста. Местоимения второго лица, в свою очередь, в дополнение

к гендеру (мужские *anata*, *kimi*, *anta* и *omae*; женские *anata* и *anta*), обозначают их позиционирование во времени и пространстве и степень равенства / иерархичности между собеседниками.

В статье М. Оливейра и К. Лисбоа “*Narratives about Displacement and Stigmatization of Identities*” («Нарративы об утрате социального статуса и стигматизации идентичности») рассматривается проблема самовосприятия личности и ее восприятия со стороны окружающих через повествование. Результатом становятся альтернативные идентичности. Как известно, нарратор обладает большой властью, решая, что и как рассказывать, в каком порядке выстроить события и как объяснить мотивы своих действий. Именно это показано в статье бразильских ученых, которые исследуют механизм конструирования дискурсивной идентичности нарратора на основе повествования женщины из штата Рио-де-Жанейро, потерявшей дом в результате стихийного бедствия и оказавшейся бездомной со своими восьмерыми детьми. Доминантой в ее дискурсе оказываются темы женской доли и материнства. При этом она не хочет ассоциировать себя с другими бездомными и критически относится к их асоциальному поведению, демонстрируя при этом двойные стандарты при оценке собственных и чужих жизненных обстоятельств.

Статья Б. Лоестер “*‘A significant part of an insignificant identity’: tradition, globalisation and the re-articulation of North-East Scots*” («„Значительная часть незначительной идентичности“: позиционирование северо-восточного шотландского языка между традицией и глобализацией») интересна для российского читателя тем, что в ней рассматривается не слишком часто обсуждаемая в отечественной лингвистике тема — статус шотландского языка «скотс» (диалект, региональный вариант или литературный язык?). Особое внимание уделяется северо-восточному шотландскому языку (*North-East Scots*) и конструированию идентичности его носителей, особенно в сельской местности и небольших городках, которая, по мнению автора, главным образом зиждется на сочетании их региональной и профессиональной принадлежности, а также ощущении своей исключительности по сравнению с носителями других диалектов и региональных вариантов. Проведенный автором опрос позволяет сделать выводы о том, что респонденты считают средствами сохранения статуса языка и своей идентичности использование шотландского языка в противовес английскому, наличие печатных материалов и изучение художественной литературы на этом языке.

ТЕКСТ И ДИСКУРС

Вторая часть журнала продолжает тему дискурса, поднятую в предыдущих выпусках. В контексте настоящего выпуска дискурс выступает как интегративный фактор, объединяющий различные по своей тематике исследования.

В статье Г.Г. Хазагерова «*Коммуникативная культура в свете противопоставления полемического и проповеднического начал*» дифференцируется влияние полемических и эпидейктических жанров на культивирование горизонтальных и вертикальных общественных связей, а также вклад этих жанров в культуру. Эпидейктические речи связываются с новыми разновидностями дискурсов в пропа-

ганде, рекламе, гомилетике и дидактике; полемическое начало рассматривается в отношении как диалогических, так и монологических текстов. Автор размышляет о сложности устройства современного коммуникативного пространства и возможностях гармоничного сочетания в обществе полемических и неполемических жанров.

Статья И.А. Щировой «*Текст как элемент интеграционного научного пространства*» посвящена соотношению в тексте таких дихотомий, как наука и искусство, научная и художественная истина, научная и художественная картины мира, рациональное и чувственное познание, научная и эстетическая информация. Эссе, которое, с точки зрения автора, является произведением искусства и науки, трактуется как сочетание этих оппозитивных характеристик. Таким образом, в статье постулируется холистический подход к тексту, в пространстве которого реализуются тесные концептуальные связи между обозначенными выше понятиями.

В работе М. Э. Конурбаева “*Redefining Neutrality in Language and Discourse*” («О разграничении нейтральности в языке и речи») нейтральная лексика рассматривается как «база стилистической вариативности», на фоне которой интенсифицируется эстетическое восприятие стилистически маркированных единиц речи. Автор полагает, что в различных контекстах языковые единицы в разной степени используют свой семантический потенциал. На примере отрывков из разнотипных текстов автор показывает, каким образом создаются зоны стилистического воздействия, составляющие визуальную и звуковую образность текста.

А. Соуса, автор статьи “*A discourse-based view in interdisciplinary approaches to fictional text analysis*” («Дискурсивно-ориентированные междисциплинарные подходы к анализу художественных текстов»), посвященной педагогической стилистике, прибегает к критическому дискурсу-анализу, чтобы показать потенциал воздействия литературных произведений в дискурсивном и социальном контекстах. Чтение трактуется не как механическое упражнение, нацеленное на понимание прочитанного, а как интегративное умение и значимый вид диалогической деятельности в условиях педагогического процесса. При таком подходе дискурс-анализ выступает как средство творческого интерактивного восприятия художественного текста, совместного творения смыслов писателем и читательской аудиторией.

В статье Е.Г. Которовой «„Обещание“ как модель речевого поведения: методика контрастного анализа (на материале русского и немецкого языков)» предложен инновационный подход к сопоставительному анализу базовых единиц внутри- и межкультурной коммуникации. Принимая за основную единицу коммуникации «модель речевого поведения», автор полагает, что ее иллокутивное содержание и общая организация универсальны, а языковая реализация культурно-специфична и может существенно различаться в разных языковых сообществах. В работе детально описана структура модели и проиллюстрированы возможности ее применения на примере речевого акта «обещание» в русском и немецком языках.

Выпуск завершает работа Н.В. Гладкой «Логоэпистемы в креолизованных текстах интернет-дискурса», написанная на материале мемов, демотиваторов, интернет-комиксов, эдвайсов и т. д. Логоэпистемы представляют собой трансформированные прецедентные высказывания в составе таких текстов, где вербальная и визуальная составляющая обыгрывают разные значения одной и той же лексической единицы. В статье предлагается классификация логоэпистемных единиц с учетом их национально-культурных особенностей и фоновых знаний адресатов.

Обсуждение социолингвистических проблем, а именно коммодификации русского языка, будет продолжено и в следующем выпуске журнала под редакцией Себастьяна Мута (Фрибурский университет, Швейцария) и с участием Анеты Павленко (Университет Осло).

© Olga A. Leontovich / О.А. Леонтович, 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Богин Г. И. *Современная лингводидактика*: Учеб. пособие. Калинин: КГУ, 1980 [Bogin, G.I. (1980) *Sovremennaja lingvodidaktika*. (Modern Linguodidactics). Kalinin: KGU (In Russ).]
- Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание*. М.: Рус. словари, 1996 [Wierzbicka, A. (1996) *Jazyk. Kultura. Poznanie*. (Language. Culture. Cognition.). Moscow: Rus. Slovari (In Russ).]
- Ерасов Б.С. *Социальная культурология*. М.: Аспект Пресс, 1997 [Erasov, B.S. (1997) *Social'naja kul'turologija*. (Social Cultural Studies). Moscow: Aspekt Press (In Russ).]
- Курске В.С. *Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования*. 20011 [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения 09.03.2017) [Kurske, V.S. (2011) *Mnozhestvennaja jetnicheskaja identichnost': teoreticheskie podhody i metodologija issledovanija*. (Multiple Ethnic Identity: Theoretical Approaches and Research Methodology). Available at: <http://www.dissercat.com/content/mnozhestvennaya-etnicheskaya-identichnost-teoreticheskie-podkhody-i-metodologiya-issledovani> (In Russ).]
- Blommaert, J. (2005) *Discourse. A Critical Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dewaele, J.-M. (2010) The perception of French by native speakers and advanced L2, L3 and L4 learners. In V. Regan & N. Chasaide (eds.), *Language Practices and Identity Construction in French*. Bern: Peter Lang, 133—156.
- Fairclough, N. (2003) *Analysing Discourse*. New York: Routledge.
- Fairclough, N. & Wodak, R. (1997) In T.A. van Dijk (ed.), *Discourse Studies. A Multidisciplinary Introduction, Vol. 2. Discourse as Social Interaction*. London: Sage, 58—84.
- Fowler R., Hodge B., Kress G., Trew T. (1979) *Language and Control*. London: Longman.
- Herrmann, R.K., Risse-Kappen, T. & Brewer, M.B. (2004) *Transnational identities: becoming European in the EU*. Oxford: Rowman & Littlefield.
- Leung, H., Hendley, M., Compton, R., & Haley, B. (eds.) (2009) *Imagining Globalisation: Languages, Identities and Boundaries*. New York: Palgrave Macmillan.

For citation:

Leontovich, O.A. (2017). "A Mirror in which Everyone Displays their Image": Identity Construction in Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2), 247—259.

Для цитирования:

Леонтович О.А. «Зеркало, в котором каждый показывает свой лик»: дискурсивное конструирование идентичностей // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 2. С. 247—259.

Bio Note:

Olga A. Leontovich, Dr, Professor at Volgograd State Socio-Pedagogical University, Chair of the Department of Intercultural Communication, Head of the Center of Communication Studies, Director of the American Studies Center, Volgograd State Pedagogical University, member of editorial board of *Russian Journal of Linguistics*. *Research Interests*: General Linguistics and US-Russian Intercultural Communication. *Contact information*: e-mail: olgaleo@list.ru

Сведения об авторах:

Ольга Аркадьевна Леонтович, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации ВГПУ, заведующая Лабораторией коммуникативных исследований, директор Центра американистики, член редколлегии журнала *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. Сфера научных интересов: общая теория коммуникации, межкультурная коммуникация между русскими и американцами. Контактная информация: e-mail: olgaleo@list.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-260-281

TRANSNATIONALISM AS AN INDEX TO CONSTRUCT EUROPEAN IDENTITIES: AN ANALYSIS OF ‘TRANSEUROPEAN’ DISCOURSES

Franco Zappettini

University of Genoa
5 Via Balbi, 16126 Genoa, Italy

Abstract. Transnationalism is a multifaceted phenomenon which has impacted on society and challenged, inter alia, the paradigm of national affiliations. The transnationalisation of the European field has arguably contributed to a political arena where embryonic post-national identities and new forms of belonging are being negotiated, challenged and legitimized. By investigating the discourses of members of a transnational NGO of ‘active’ citizens, this paper seeks to understand how current European identities are discursively constructed from bottom up in the public sphere. Appropriating CDA this paper offers insights into how discursive strategies and linguistic devices used by the speakers, and predicated on the indexicality of transnational frames, construct Europe and patterns of belonging to it. This paper suggests different conceptual dimensions of transnationalism enacted by members in discourse which are conveniently summarised as: nation-centric, Euro-centric, and cosmopolitan.

Keywords: *Transnationalism, discursive strategies, post-national identities, linguistic devices, public sphere*

1. INTRODUCTION

In the last two decades the growing complexity, diversification and context-dependency of European identities has been the focus of much academic interest in a number of disciplines including politics, sociology, psychology, philosophy, linguistics, critical and cultural studies (cf. for example Oberhuber 2007, Balibar 2004, Fligstein 2008, Delanty and Rumford 2005, Checkel and Katzenstein 2009, Cerutti and Lucarelli 2008, Friedman and Thiel 2012, Eder 2009, Herrmann et al. 2004, Mole 2007, Stråth 2010, Krzyżanowski 2010, Wodak 2004, Wodak and Weiss 2005, DeBardeleben 2011, Morin and Carta 2014). Although such body of literature has provided significant insights on the many fluid transformations of Europe(anness), very few studies have illuminated how European identities are being negotiated and transformed among social actors vis-à-vis global changes and increasingly transnationalised societies which “make obsolete conventional understandings of identity formation and its processes” (Haller 2005: 1183).

The general aim of this paper is thus to contribute to an interdisciplinary and transnational approach to the gamut of European identities emerging and transforming in ‘late modernity’. By focusing on the discourses of a transnational association of ‘active’ citizens, this paper strives to illuminate a specific locus of negotiation of Europeanness

where social imaginaries of Europe interplay with wider transnational discourses. Furthermore, this paper aims to provide qualitative insights on the construction of European-ness from a bottom-up/grassroots perspective subscribing to Kraus' view (2006: 205) that "a common European identity cannot simply be created 'from above'" and taking up Krzyżanowski's (2010) call for research to "turn to social action as the main force driving the dynamics of contemporary identities" (p. 201).

The paper is structured as follows. Firstly, it argues the case for exploring (European) identities from a transnational perspective in the wake of processes of 'late modernity'. It then provides some background on the organisation investigated and the methodology used. Secondly, it outlines a theoretical framework for the examination of European discourses that takes into account indexicality as an 'entry point' for the interpretation of different 'social imaginaries' of Europe and/in the world. Thirdly, the paper engages with a Critical Discourse Analysis of the data focusing on the illustrations of some linguistic realisations and suggesting their indexical valence in the construction of members' European-ness. It then introduces a taxonomy of European imaginaries constructed by members around different 'deictic centres'. This article will finally conclude with some considerations on the relevance and limitations of findings.

2. A TRANSNATIONAL¹ APPROACH TO IDENTITIES

Identity has been a major topic of investigation and debate in social sciences especially in the last few decades. Whilst social psychology has substantially conceptualised identity as a salient link between the individual and a social groups (Tajfel and Turner 1979, Jenkins 2004) or an 'imagined community' (Anderson 2006), social constructivism has underscored how identities should be accounted for as dynamic, multiple and fluid constructs that emerge, inter alia, from discursive negotiation rather than existing in reified forms (see for example Hall 1996a, Hall 1996b, Hall 1997). For most critical linguists, therefore, discourses of identity must be seen dialogically related with and mutually constitutive of social structures and their transformation (Fairclough and Wodak 1997). Whilst nation-states have represented a major source of identification in the last three centuries (Hobsbawm 1997) and, in some cases, they can still provide powerful identity anchoring (Wodak 2012), national affiliations should no longer be taken for granted as stable identitarian parameters in 'late modernity'. Beck et al. (1994) define late modernity as a socio-historical context characterized, inter alia, by processes of globalization, the expansion of networks, the decline of grand narratives and the emergence of post-national powers — including the EU — that have profoundly impacted on how individuals conceive the organization of social orders and political communities (cf. also Held 1999, Lyotard and Benjamin 1989, Habermas 2001, Castells 1997). In this vein

¹ Transnationalism is a multi-faceted phenomenon that comprises, inter alia, of cultural, political, and economic dimensions (Vertovec, 2009). In this paper I use the term transnationalism to conveniently refer to 'multiple ties and interactions linking people across the borders of nation-states' Vertovec (1999 p. 447) which have impacted on several dynamics of 'nationhood'. I acknowledge that terms such as transnationalism, post-nationalism and cosmopolitanism are not necessarily synonyms (see Roudometof (2005) for a distinction).

Beck (1996) has drawn attention to the emergence of a global or cosmopolitan reflexivity in modern polities contending that there is “a new dialectic of global and local questions which do not fit into national politics” (p. 29) and which can only be “properly posed, debated and resolved” (ibid) in a transnational framework which increasingly involves non-state actors.

In many cases the de-territorialisation of cultural practices has allowed for new forms/opportunities of membership, social solidarity and civic participation to emerge across unbounded ‘habitats of meaning’ (Hannerz 1996) which must take into account influences and variables brought about by multiple cultural and social contexts of ‘trans-locality’ and ‘glocal’ practices (Appadurai 1995). For example much literature has noted how *transnational social fields*² have redefined traditional referents of groupness (such as citizenship, ethnicity, language), established political actors (such as national institutions) and their roles in the imagination of civic and cultural communities and their solidarity ties (see for example Bauböck and Faist 2010, Sassen 1996, Kastoryano 2003, Albert 2001, Kastoryano 2002, Blommaert 2013).

Hence, in investigating (European) identities in ‘late modernity’ this paper recognizes the need to move away from ‘methodological nationalism’ (Wimmer and Schiller Glick 2002) and it aligns itself with a transnational perspective that makes sense of social interaction beyond the ‘container theory of society’ (Beck 2008). At the same time, transnational dynamics cannot be assumed as a linear process that will eventually lead to the formation of a unified world identity (Shani 2011, Rumford 2008). In fact the complexity of transnationalism lies in the interplay of global and local forces resulting in diversified ‘glocal’ instantiations of identity (Robertson 1992). To adequately capture the complexity of such dynamics Levitt and Schiller (2004: 1010) argue for the adoption of “a transnational social field approach to the study of social life that distinguishes between the existence of transnational social networks and the consciousness of being embedded in them”. Levitt and Glick-Schiller (ibid) suggest that it is possible for individuals in transnational fields to engage in a simultaneity of connections spanning from routines and daily activities, to the production of (cultural) identities that reflect their multiple locations. From this perspective Levitt and Glick-Schiller, define ways of being in social fields as opposed to ways of belonging referring to the former as “the actual social relations and practices that individuals engage in rather than to the identities associated with their actions” and to the latter as “practices that signal or enact an identity which demonstrates a conscious connection to a particular group [...] and an awareness of the kind of identity that action signifies”. Whilst for Levitt and Glick-Schiller local and transnational connections can occur simultaneously, ways of being and ways of belonging are often dependant on the specific context upon which they are enacted, and therefore they suggest that whilst individuals embedded in a social field have the potential to identify with any label associated with that field, not all choose to do so.

² For Levitt and Glick-Schiller (2004) a transnational field typically contains “institutions, organizations, and experiences, within their various levels, that generate categories of identity that are ascribed to or chosen by individuals or groups” (p. 1010).

2.1. Europe as a transnational social field and the European Public Sphere

Europe (inclusive of its geographical, social, political and economic aspects) represents a transnational field of its own where processes of transnationalisation have been significantly compounded by the post-national integration project started by the EU institutions. Such project has manifested itself at many different levels, for example in supranational forms of governance and the free circulation of goods, capital, services, and people within Member States. Moreover, as well as the site of incoming diaspora and exogenous migration patterns, Europe has become to represent a site of ‘desirable’ internal mobility for many EU citizens³. Whilst these practices have not necessarily resulted in a full post-national ‘consciousness’ at mass level, they have nonetheless contributed to a stratified society where transnational elements have filtered down to citizens differently (Hanquinet and Savage 2013). Moreover, whilst patterns of economic and political convergence have increased, the ‘European field’ has also amplified the antinomies between the ‘global’ and the ‘local’, the ‘universal’ and the ‘particular’ dimensions of the EU project (Wodak and Weiss 2005). These tensions are often reflected in multifarious, fragmented, and ‘in-between’ forms of European identifications which, as most recent ‘snapshots’ have highlighted, are emerging between agentive, structural, individual, and collective dimensions (Krzyżanowski 2010, McEntee-Atalianis and Zappettini 2014, Checkel and Katzenstein 2009, Biebuyck and Rumford 2011).

Following on Delanty’s (2013) suggestion that European identity “is best evidenced in specific sites of communication [such as] debates about Europe” (p. 265), this paper regards the European public sphere (EPS) as one significant locus of investigation for the emergence and negotiation of ‘new’ transnational European identities. Put succinctly, the public sphere is “a network for communicating information and points of view” (Habermas and Rehg 1998: 360), to discuss and deliberate on public issues which, in modern and deliberative democracies, is seen as a forum for civic participation and the formation of public opinion (Wodak and Koller 2008). Habermas sees the EPS as a transnational site of participation in the democratic debate on European issues which must exist for a European civic identity to emerge and for the European project to be fully legitimized. Although there is little consensus as to whether (and to which extent) the EPS exist in transnational forms (see, *inter alia*, Closa 2001, Salvatore et al. 2013, Eriksen and Fossum 2001, Splichal 2006, Triandafyllidou et al. 2009, Risse 2010), an increasing number of European social actors — such as non-governmental organizations (NGOs) and (in)formal networks — have emerged in recent years which are focused on transnational clusters of interests (Kaiser 2010, Della Porta and Tarrow 2005). It is to one of such organizations, called Democratic Change for Europe (DC4E)⁴, that this paper now turns to in order to investigate how its members make sense of their Europeaness in relation to transnational practices and their imagination of community.

³ However, see (Balibar, 2009) for a critique of ‘Fortress Europe’.

⁴ A pseudonym is used to protect the anonymity of informants.

3. FOCUS: BACKGROUND AND DATA

DC4E, which characterizes itself as a transnational association of citizens, has been campaigning since 2007⁵ to influence European policies beyond national remits and it is part of a larger umbrella of organizations of the civil society⁶. The organization has, to date, 19 local offices across Europe and is run on a voluntary basis by ordinary citizens⁷ who share an ideological commitment to the grassroots development of a ‘more just and open’ social Europe. Transnational meetings are held on a rotational basis and activities are run simultaneously across branches. Typical activities consist of (on and offline) campaigns, cultural events, seminars, debates, and proposals to the EU organs with recent activities including a citizens’ manifesto and several proposals under the Citizens’ initiative programme⁸. The salience of investigating DC4E lies therefore in the NGO’s cross-border set up and, most of all, in its advocacy for framing the debate over European issues within the construction of a transnational (civic) community. Taking *indexicality* (see section 4.1 below) as an ‘entry point’ for the investigation of members’ belonging to such an ‘imagined community’, the specific objective of this paper is to identify how European identities are represented, constructed, and negotiated in the member’s discourses and how the imagination of European and transnational affiliations interplay. The research questions are articulated as follows:

- ◆ Which frames do speakers construct and draw from in representing themselves as Europeans?
- ◆ How is transnationalism conceptualized in the discourses of members?
- ◆ What is the role of nationhood in members’ constructions of Europeaness?

Data was collected via four focus groups and nine individual interviews conducted with DC4E’s members in seven locations across Europe between 2010 and 2013 (see Appendix for details). The focus groups were moderated and attended by 17 participants in total. All interviews were conducted in English, except the focus group in Bologna (Italy) and Cluj (Romania) which were conducted in Italian and Romanian respectively and the interview with BE2 which was conducted in Italian⁹. All participants represent

⁵ DC4E originated in 2006 from the initiative of a few activists who received some funding under the ‘PLAN D for Democracy, Dialogue and Debate’. This scheme was launched by the Commission to address the ‘communication gap’ between institutions and citizens in the wake of the failed European Constitution in 2004/5. Since then DC4E has been increasingly reliant on private sponsors and membership fees.

⁶ see <http://euplus.org> for further details.

⁷ The physical location of branches is not necessarily correlated to members’ nationality (e.g. Italian, French, Germans, Turkish as well as British nationals are based at the London office).

⁸ Introduced under the Treaty of Lisbon the European Citizens’ initiative is a legal provision that allows EU citizens to put forward legislation proposals to the European Commission (for details and legal requirements see http://www.citizens-initiative.eu/?page_id=2). Accessed 13/3/2014.

⁹ All interviews in Romanian and Italian were translated in English. All excerpts presented later in the analysis are in the English version. All focus groups were conducted in situ at the local branch of DC4E. All individual interviews were conducted over Skype, except RO1 who was interviewed at DC4E Rome office and LO3 who was interviewed at a public location in London.

a self-selecting sample of members who responded to an initial call sent via each branch's gatekeepers. Due to mixed national make-up of each local group¹⁰ and the transnational approach to the design of this study, certain variables of participants (i.e. their nationality, residency and patterns of mobility) were not controlled. However participants were profiled for these and other socio demographics through a questionnaire distributed at the end of each interview (see Table 1 in Appendix for a summary of results). Group and individual discussions were initiated with open questions derived from the literature review on transnationalism and from familiarization with the organizational literature (e.g. newsletters, website, and Facebook pages). Examples of questions asked include: 'Do you consider yourself European?'; 'What does transnationalism mean to you?'; 'Can you describe Europe from a transnational perspective?'; 'What are your organizational/personal objectives as a member of DC4E?'. Furthermore, in some cases, members voluntarily initiated personal narratives through which they developed 'secondary' topics (Jones and Krzyżanowski, 2008) such as, for example, their own family history, experience abroad, and their engagement in other associations or with other interests.

4. THEORETICAL APPROACH TO THE ANALYSIS

The theoretical framework largely draws on Critical Discourse Analysis (CDA) that sees discourse and society as mutually constitutive (Fairclough and Wodak 1997). For CDA, language does more than the mere communication of information, for in and through discourses we also construct social meanings. In CDA discourses therefore describe the world as much as they constitute "*situations, objects of knowledge, and the social identities of and relationships between people and groups of people*" (Fairclough et al. 1997: 358). From this perspective, the construction of identities can be seen as enacted in and through discursive acts in which social actors articulate one's 'situatedness' (Hall 1997) by representing themselves and others. Trading on the dialogical nature of discourse, CDA sees linguistic resources used by speakers to construct their 'locations' encoding larger ideological stances on 'ways of being' in and 'ways of belonging' in the world. As Davies and Harre' (2001: 262) argue: "*[t]he words the speaker chooses inevitably contain images and metaphors which both assume and invoke the ways of being that the participants take themselves to be involved*".

In this sense, for example, linguistic realisations of national groupness can be achieved, inter alia, via metaphorical/metonymical inferences to 'family' and 'home', via the personification/agentification of nation as 'motherland/fatherland' and, furthermore, via the inclusiveness/exclusiveness of certain pronouns or possessive adjectives (e.g. *we/us/our*) (cf. Wodak et al., 2009). At the same time, these ways of talking about nationhood can crystallise in socially shared frames which become available for one to draw upon to discursively reproduce her nationality (Billig 1995).

¹⁰ Local groups across Europe are open to all EU and third-country citizens regardless of their nationality or residency. Geographical locations of branches therefore do not necessarily reflect members' variety.

With regards to the specific organisation examined in this study, McEntee-Atalianis and Zappettini (2014) have offered insights on members' metaphorical realisations suggesting how speakers often challenged established conceptualisations of nationhood. Instead (McEntee-Atalianis and Zappettini 2014) have suggested that members made sense of their Europeanness and their transnational activities through the metaphorical scenario of *spatial dynamics* and how such scenario represented a salient referent for members' sense of community, especially in relation to entailments of *network* and *interconnectedness*. Building on the insights of this previous study, this paper develops a further line of analysis which interprets the data through the tool of *indexicality* as explained in the section below.

4.1. Indexicality

Indexicality refers to the property of certain elements of language (called *deixis*¹¹) of 'pointing' to meanings like we would physically point our finger to objects (index is in fact the Latin word for finger). Deixis, more than other words, encode "the relation between objects and contexts" (Hanks, 1999: 124) as they can only be interpreted in relation to specific referents or situations. In a narrow sense, pronouns such as *I*, *she*, demonstrative such as *this*, *that*, and adverbs such as *here*, *now*, always exist in dual indexical forms (Kaplan 1979) or, in other words, as 'types' with semantic meaning and 'tokens' with denotational meaning. Furthermore, in broader terms, indexicality can be interpreted as "the pervasive context-dependency of natural language utterances" (Hanks 1999: 124) and it can be realised in discourse through different means. Whilst for example a regional accent can index a speaker's identity (Johnstone 2013), this can generate different orders of indexicalities (Silverstein 2003) if an ideological evaluation is associated with a social connotation (i.e. if the regional accent is associated with a specific social practice which then becomes to be regarded as an index of 'authenticity'). Further realisations of indexicality can be achieved through specific perspectivisation of a message (Renkema 2004), by means of labels, implicatures and epistemic orientations (Bucholtz and Hall 2005) which can reveal the speaker's stance towards 'objects' (e.g. a topic, a person or a relationship).

Chilton (2004) highlights how positioning and indexical anchoring can be typically realised along temporal spatial, personal, and ideological dimensions. For Chilton through deictic expressions speakers can metaphorically construct a 'deictic centre' that defines their ontological orientation to the world and their relationship with society. Indexical anchoring and positioning vis-à-vis the 'deictic centre' can ultimately be interpreted as the speaker's representation of their social identity through time, space and personal relations, i.e. their 'situatedness'. As noted earlier, the use of personal pronoun *we*, *us* and possessive adjective *our* can signal (dis)alignment with one particular group identity. At the same time, as they index inclusion/exclusion, personal deictics can point to a cognitive frame that encodes a "conventional shared understandings about the struc-

¹¹ Sometimes also referred to as *deictic* or *indexical expressions*.

ture of society, groups and relations with other societies” (ibid to: Chilton 2004: 56). Likewise, temporal deictic expressions such as ‘after the fall of the Berlin Wall’ can be understood in terms of a particular historical frame involving wider ideologies beyond the temporal event itself. Similar considerations apply to spatial representations where, for example, the adverb *here* and the demonstrative *this country* can symbolically embody a frame entertained by the speaker about geo-political relations rather than simply proximity.

Building on the theoretical framework outlined above, the analysis has been primarily concerned with: a) identifying and interpreting indexical expressions that could point to different frames of transnationalism; and b) developing insights on how such conceptualisations contributed to members’ identification as European. Decoding the indexical ‘value’ of certain utterances and linguistic items was achieved via contextual cues and operationalised at different levels of context as proposed by Wodak (2009: 67) namely: “ a) the immediate, language or text internal co-text; b) the intertextual and interdiscursive relationship between utterances, texts, genres and discourses; c) the extra-linguistic social/sociological variables and institutional frames of a specific ‘context of situation’; and d) the broader socio-political and historical contexts, within which the discursive practices are embedded”. For example the analysis has interpreted the indexicality of *now* in expressions such as ‘*let’s have a break now*’, ‘*now, this is the issue!*’ or ‘*it’s difficult to get a job anywhere in Europe now*’ on different contextual cues and it has consequently derived different insights into the temporal positioning of the speaker.

The next section will offer some examples of how different temporal, spatial, personal and ideological deixis were deployed by members in their discourses, focusing specifically on their indexical interplay with wider transnational discourses, as made relevant to this study in the two previous sections.

5. CONSTRUCTIONS OF EUROPEANNESS IN DISCOURSES OF TRANSNATIONALISM: USE OF TEMPORAL, SPATIAL, PERSONAL AND IDEOLOGICAL DEIXIS

The temporal dimension was conspicuous in the focus group conducted in Cluj, Romania, where the topic of mobility introduced by the moderator gave some members the opportunity to place much emphasis on the ‘freedom of movement’ that Romanians can now enjoy following their country joining the EU in 2007 as exemplified by the following extract:

Extract 1

Moderator: [...] would you define yourselves as Europeans? And if you could tell me what this means to each one of you?

CL3: The right we have now, I don’t know, well, I think, that we can travel more freely now, and somehow we were given more rights to do what we want, to do what we like [...] we took some distance from something that bound us, we are not bound anymore, it isn’t hard to dream of something anymore, like it used to be, now you can learn more easily, as you can be with people more easily, you can interact with strangers more easily, it’s more ... it’s more ok than before.

In this case the speaker constructs his Europeanness through a discursive frame revolving around Romania's accession to the EU in 2007, a key date that defines the now and before in his discourse and allows him to juxtapose his current status of European citizen¹² ('now') with what it used to be in the past ('before'). Significantly these temporal deixis point further to the historical frame of 'mobility in the Communist era'. Under the Communist regime (1947—1989) severe restrictions applied to Romanian citizens who wanted to travel abroad. Passports were held by the police and visas were subject to government approval. Furthermore citizens who applied to emigrate had their civic and economic rights revoked and they were systematically disparaged by authorities. The relevance of being able to travel freely therefore must be interpreted in the light of such political and historical contingencies. From this perspective, the speaker sees his new status of European as an opportunity to overcome the constraints of the past communist regime that kept Romanians 'captive' in an ideological 'container' bounded by the 'iron curtain' and limiting their civic rights. Becoming a European citizen for CL3 therefore seems to index the imagination of his emancipation from slavery ('we are not bound anymore') and his validation as a free citizen. In this sense for CL3 Europe (embodied by its institutions) represents a new salient referent for renegotiating his civic affiliation away from national institutions whilst claiming his Europeanness as his membership in a community of relevance.

A different use of temporal deixis emerged from the interview with RO1 (Rome, individual interview) when the speaker constructed an argument for using English in transnational communication in Europe:

Extract 2

RO1: "Well, I think that my dream, my vision is that Europe be united politically and for this to happen [...] we need to have a language in common [...] I'm really a fan of English not because I see this as a sort of cultural imperialism, because by now English has nothing to do with England any more or with the UK [...] I don't see it as an imposition of cultural imperatives from the Brits, you know, by now English is the language of Eur... by now, you know, if aliens came to the Earth, by now, they'd probably try and talk to us in English... it's the language of old England it is the language of the US but it is the language of the EU too..."

Appealing to the universality and modernity of English, RO1 realised his argument along a temporal axis (signalled by the expressions 'by now' and 'anymore') which allowed him to represent a socio-historical evolution of English language towards the 'deterritorialisation' and the decoupling of specific cultural/identitarian connotations from communicative functions in line with a 'quasi-diglossic' scenario envisaged for European languages by most members (cf. Zappettini and Comanaru, 2014). Furthermore RO1 appealed to a cognitive schema of universality of the English language through the hyperbolic and futuristic imagery of 'aliens' expected to be able to communicate with

¹² Following 2007 enlargement, Romanians and Bulgarians acquired European citizenship granting rights of movement and residence in any EU member states (albeit restrictions have been applied at different times by different states).

humans, an effective linguistic device that allowed him to contextualise issues of communication among Europeans in a global, indeed universal context of unbounded interaction.

In an individual interview conducted in Valencia (Spain), the speaker used temporal and spatial indexes to suggest the specific conditions of Spanish society and more generally of European youth:

VA1: for me belonging means not only a place you know (.) it's also belonging to a society belonging to a certain group of people that have similar values to yours (..) I mean I could say yeah I am Spanish [...] but this doesn't mean I belong to Spain (..) I don't know if I want to to grow my roots or something like that (..) I don't know if I want to stay here you know I don't know I don't know if I want to be in South America or in the north of Europe it's not only the city or the buildings but is also the people is what you give to this society with what you contribute you know (.) I don't know where I belong (...) if you ask me now I belong to my family at the moment and no at the moment I'm not independent yet (.) I don't have a job I don't have my own house and now I don't have more options than belonging here”.

Through her narrative VA1 reflexively positioned herself ‘in-between’ identities highlighting how her different sources of attachments had yet to fully develop into firmer feelings of belonging and groupness. VA1 represented her (European) identity as a process of ‘rooting’ herself in a wider social space, a process which, however she depicted as a struggle and somehow caught in-between personal choices and external constraints. VA1 constructed her difficulty to locate herself in relation to a meta-space comprising of different dimensions: a geographical dimension (specific world locations such as South/America/North Europe, or objects such buildings); an affective dimension (family, band); a social dimension of groupness (defined by the sharing of values and the moral obligation to give to society); and the historical difficult social-economic conjuncture of Spain (and more generally of Europe).

Amid this scenario the member used the spatial deictic ‘here’ and the temporal clause ‘at the moment’ to mark her precarious situatedness — a topic that VA1 discussed repeatedly in the interview and clearly echoed wider discourses of ‘social precariousness’¹³. It was thus inferable that for VA1 the contingencies of ‘here’ and ‘now’ (i.e. the lack of certainties about the future) were preventing her from emancipation and a full realization of meaningful social identities through firm ties undermining the ‘ontological security’ (Giddens 1991) of her identity. The gap between an ideal sense of belonging

¹³ In the last few years there have been different movements in Spain which have campaigned in support of the right to affordable housing (VdeVivienda) and against the lack of certainty (*precariedad*) in employment and social welfare (Precarios en movimiento); cf also *Juventud Sin Futuro* (Youth without a Future) which have campaigned under the slogan ‘no house, no job, no pension, no fear’. In general the deregulation of the job markets in the 1990’s and 2000s has resulted in more temporary jobs being available at the expense of long-term and fixed jobs and the emergence as the ‘Precariat’ as a new social class (Standing, 2011). DC4E has run a number of campaigns to demand radical changes to the current job situation and VA1 has been actively involved in these activities.

and the social and economic constraints was realized through the comparative “*I don't have more options than belonging here*” which presents her current choice of belongings in negative terms.

Personal deixes were also frequently deployed by members. ‘The pronoun *we* and *us* and the possessive adjective *our* for example were inferable in several different meanings. In some cases, the indexicality of ‘we’ pointed to the organizational groupness, whether at the level of the local branch or the whole organization (e.g. ‘our events’, ‘our work’). In a similar way, the ‘we-citizens’ (e.g. in the expressions ‘our institutions’) was often realised from the perspective of a local administration, the national apparatus, or the EU system. Furthermore, some members anchored the meaning of the ‘we-group’ to a generational belonging (e.g. ‘our generation), an awareness of a socio-historical condition (e.g. ‘our situation’) or simply the condition of being humans (e.g. ‘our emotions’). Of particular interest was the indexical use of pronouns as adjectives in representations of the interplay between Europeaness and national referents. For example, German national BE1 (Berlin individual interview) constructed her location ‘outside’ Germany via personal and spatial deixis as exemplified by the following extract:

Extract 3

BE1: yes I think for me I don't really identify as being German .. no not at all but this is also because of the German [...] history, they really don't have many good things to talk about .. [it] is quite strange because now, in the crisis it happens quite often that if you are German people say ‘come on, but you're in Germany, and you've got money, and you can find a good job, so come on’ but really, I can't be proud of it because I see the crisis from outside more than inside

BE1 used both personal and spatial deixis to distance herself from her Germanness and to invest into a transnational social location. Initially BE1 invokes the *topos of history* and, through the moral evaluation of the German past, she clearly dissociates herself from the negative connotations of ‘being German’. The speaker’s use of the pronoun *they* in this case suggest the negative perception of nationhood as a historical ‘other’. Moreover, the ‘otherization’ of nationhood was made discursively relevant by the speaker through the context of the current economic crisis. In this case, whilst the member could potentially identify with a positively connoted German referent, she chooses not to do so through her spatial positioning ‘outside’ the national-container perspective which suggests her alignment and empathy with other fellow Europeans.

In contrast to BE1, CA1 and CA3 (both from the Cardiff focus group) used personal and spatial deixis to construct more ambivalent interplay between national and European affiliations. CA1 drew on the *topos of Turkey straddling across continents/cultures* to position herself as (partly) non-European as a consequence of her Turkish identity. Likewise, CA3 invoked the *topos of the UK insularity* to constructing a metaphorical positioning of Britain on the edge of Europe and the ambivalent marginality of her own Europeaness.

Extract 4

CA1: I'm not a part of Europe because I'm from Turkey [rising tone] (.) actually it's both part of Europe and at the same time (..) it still isn't in the European Union and (..) yes,

I've always been keen on studying about Europe because of its diversity there's a lot of cultures a lot of languages [...] I think the common point is history, European history, European tradition, [...] and I think this is the point that makes us European, they share the same history

Extract 5

CA3: I like to think of Europe as...ehm ...yeah the experience of living in Europe as being transnational because I think it's very easy to move about and to exchange culture. I think living in the UK our experience is slightly different obviously being an island we are that much further away from it but I think by studying languages that, ehm that sort of distance is bridged because you spend a year abroad and obviously by speaking a foreign language you can sort of go and live in that country, and I think it becomes a lot easier [...] I think yeah certainly like the way the UK is concerned people that only speak English I think... there is definitely a distance that they don't feel European or even maybe they don't speak a foreign language but if they are sort of really interested in European culturesit's probably as well a political thing some people are very sort of anti-Europe I think it is based on you know the fact that we are separate and people are very keen to guard that whereas other people are much more open to integrating ourselves into Europe and I think in Europe we are also viewed differently [...] I think that the UK is in quite a unique position as being part of Europe I think.

In extract 4 the speaker realised her ambivalent European identity by simultaneously affiliating with and dissociating from the European group through the conflictual use of the pronouns *us* and *they* contextually referring to the generic 'Europeans'. CA1's extract highlights crucial tensions. In CA1's torn positioning in and out of the European space one can recognize wider discourses of inclusion and exclusion surrounding the long-debated Turkish membership of the EU and more generally of Turkish identity as Europe's historical 'other' (cf. Rumford 2011). These tensions appear to shape and constrain CA1's discourse and to be internalised by the speaker in an almost 'schizophrenic' pattern of binary belongings and shifting inclusiveness/exclusiveness. In this case, rather than compatibly integrated European and national identities were represented as intersecting whilst also functioning as antagonists.

A similarly ambivalent self-collocation in and out of Europe was achieved by CA3, a British national who characterized Europeanness primarily in relation to an understanding of transnationalism as mobility and intercultural encounters. Although she evaluated positively her engagement in transnational practices, in her discourse she appeared to index her belonging to national more than European referents. Her stance was signalled by her use of personal pronouns ('we/ourselves') and possessive adjectives ('our experience') that clearly suggest her main group affiliation as British and a general British-centric perspective of social interaction (cf. expressions such as 'a year abroad', 'a foreign language', and 'go and live in that country'). Furthermore through the *topos of the UK insularity*¹⁴ CA3 emphasized the geo-cultural 'uniqueness' of Britain and constructed a marginality of its relationship with Europe, appealing to both geographical and cul-

¹⁴ Cf. 'the myth of Anglo-Saxon exceptionalism' (Marcussen and Roscher, 2010).

tural arguments. The *topos of insularity* was further used by the speaker as a warrant for her representation of views of the European project in the British society split between what have often been characterized as ‘Euro-sceptic’ and ‘Europhile’ attitudes. Although CA3 offered a neutral representation of these two sides through the lexical choice of ‘people’, she consistently aligned her group membership with the British referent and its distinctiveness (her in-group positioning for example supported by the expression ‘we are viewed differently’). At the same time, in her final proposition, CA3, discursively placed the UK within Europe albeit through the disclaimer on its ‘uniqueness’, a representation that, in relation to the extract, seems to reinforce a metaphorically peripheral positioning of Britain in relation to Europe and the speaker’s own ambivalent location ‘on the edge’ of European identification.

5.1. Transnational Europe: Poly-Centric Social Imaginaries

Overall the data has suggested that members drew on (and the same time constructed) different conceptualisations of transnationalism. By and large these were oriented towards interpreting transnationalism as:

- ◆ An opportunity for the bottom-up (re)definition of civic/political community;
- ◆ The ‘natural’/historical process of the demise of nationhood;
- ◆ A site of global practices of consumption, mobility, cultural exchange, and (negative/positive) economic integration.

These transnational frames seemed to operate as ideological lenses that provided members with critical and reflexive perspectives on the meaning of their activities and their social locations. Amid these frames, spatial, temporal, personal, and ideological deixis were deployed by members to position themselves and negotiate ‘glocally’ their (European) identities. Furthermore, different imaginaries of Europe (related to different conceptualisations of transnationalism) were recognizable which were evoked by members in relation to discursive deictic centres. As a convenient conceptualisation three notable interpretations of how the transnational European field was imagined by members are suggested as follows: nation-centric; Euro-centric; and cosmopolitan.

5.1.1. Transnational Europe as a nation-centric field

From a nation-centric perspective (which was invoked by a minority of members) transnationalism is the ability to interconnect across borders through different practices of mobility, cultural exchange, and so on. Intra-state mobility and the ‘coming together’ of different peoples/cultures are valued positively however they mainly represent ‘ways of being’ whilst belonging remains primarily indexed to reproduction of national identities albeit projected on a European trajectory. In other words, this vision accepts/validates the world order of states and it conceives of EU-ropes as the sum of its parts that is a ‘Union of states’ or a ‘family of peoples’. In this respect the nation-centric vision of the transnational European field corroborates Risse’s (2010) findings on the ‘Europe-

anisation' of national identities, i.e. their recontextualisation at a European level. From a nation-centric perspective, the interplay between European and national affiliations in members' discourses was somewhat consistent with the 'Russian Doll' conceptualisation of hierarchically stacked identities (Herrmann et al., 2004) working in 'non zero-sum' dynamics.

5.1.2. Transnational Europe as a Euro-centric field

The imagination of Europe from a Euro-centric perspective supported ambivalent definition of the European field as an open/closed geopolitical and social container. On the one hand, internal (physical and ideological) borders were often discursively deconstructed by members who emphasized the unboundedness of the European *inside* and its interconnectedness with the *outside* thus suggesting an open and cosmopolitan interpretation of Europe (see below). On the other hand, however, some members invoked the (cultural, social, economic, and political) boundaries of Europe and its outside to construe Europeans as a cohesive group vis-à-vis other groups (typically the Americans) and to portray EU-urope as a political entity of its own, a geo-political body that pursues 'European' rather than national interests. For most members, identification as European occurred through interpretations of transnationalism as both a *way of being* and a *way of belonging*. Through the latter interpretation transnational practices such as mobility were often seen as indexes of emancipation from nationalistic ideologies and as positive social progress. Europeanness was often interpreted in its dual nature of 'brought along' heritage and as the transformation of ethnic/national identities into civic identities 'brought about' by the EU project. The Euro-centric perspective suggested an overall interplay of national and European identities whereby the former were seen as transiting into the latter in a 'zero sum' logic.

5.1.3. Transnational Europe as a cosmopolitan field

Finally, through the conceptualisation of the European field enacted from a cosmopolitan perspective, members conceived of transnational dynamics as a consequence of the 'natural' interconnectedness of the (social) world. They defined their European identities reflexively and emphatically through polycentric 'locations' and often rejected the 'container theory of society'. In this case Europeanness could be seen as a 'node' or a 'gateway' capable of interconnecting individuals with(in) a wider cosmopolitan 'network' of relations, an intermediate but not exclusive stage linking the local with the global. However, whilst in a cosmopolitan perspective Europeanness can represent a salient way of belonging, members appeared to relativise the overall salience of identities especially those derived from formal membership. Instead, for most members, the meaning of their Europeanness seemed to lay in their perception as social actors participating in a political experiment of transnational democracy that could eventually be expanded and replicated in the wider world.

6. CONCLUSIONS

Trading on a transnational perspective and on the indexicality of different linguistic realisations, this paper has provided insights on how DC4E members constructed their Europeanness. It has been argued that, rather than representing an identity *per se*, transnationalism operated as an overarching ideological lens through which members were able to negotiate global and local dimensions often (re)constructing multiple and overlapping affiliations with Europe. Furthermore, members evoked different ‘imaginar-ies’ of Europe through indexical expressions and through the construction of their social locations in relation to different ‘deictic centres’. These constructions were conveniently summarised as nation-centric, Euro-centric, and cosmopolitan conceptualisations of Europe as a transnational field. By and large, the nation-centric dimension conceives of Europe as a field of transnational practices more than of belonging. This perspective projects national identities on a European trajectory and corroborates finding on the Europeanisation of national identities in discourse. The Euro-centric conceptualization of transnationalism deconstructed Europe’s internal borders and reconstructed the European field as an internally open space of belonging. However such space was also defined in relation to its outer boundaries to assimilate its inside and dissimilate its outside. From a Euro-centric perspective, therefore, the European field emerged ambivalently conceived as an open/close space and was discursively associated/dissociated with the EU project. Finally, a cosmopolitan conceptualization of the transnational European field emerged in members’ discourses that, whilst rejecting nations as incongruous containers of social interaction, saw individuals networked worldwide and conceptualized the European space as immersed within a wider cosmopolitan frame. From this stance, Europe was interpreted as a site of political experimentation that could be replicated worldwide. Consequently, European identity was often seen by members as a ‘node’ interconnecting individuals with a cosmopolitan ‘network’ of practices and ties, seamlessly and simultaneously occurring at local and global levels.

The data has suggested that transnationalism can represent a powerful referent in the imagination of Europe as a space and as a community between various dimensions. Transnational narratives could drive the construction of Europeanness from bottom-up and towards postnational forms of membership alternative to institutional identity projects. The analysis has also suggested that, whilst national referents can still interplay in the imagination of Europeanness, nationhood becomes increasingly volatile as national identity referents were recontextualised, deterritorialised, represented in transition or rejected altogether by members. Of course, this study has only been able to draw a partial picture of the complex dynamics at play in the articulation of (European) identities and it would welcome further investigation on similar sites of production of Europeanness.

© Franco Zappettini, 2017

Summarising socio demographic data collected through questionnaires at focus groups

Focus Group	Cardiff – UK			Cluj – Romania						Bologna – Italy						London (pilot) UK	
Date	22/04/2012			14/09/2011						21/04/2011						06/04/2011	
Duration (mins)	65			84						70						36	
Participant Code	CA1	CA2	CA3	CL1	CL2	CL3	CL4	CL5	CL6	BO1	BO2	BO3	BO4	BO5	BO6	LO1	LO2
Age Group	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
25–34																	
35+																	
Male/Female	F	F	F	F	M	M	F	M	F	F	F	M	F	F	M	M	M
Occupation	Student	Student	Student	Student	Unemployed	Employee	Student	NGO Coordin.	Youth Worker/Student	Journalist	Researcher	Student	Student	Employee	Employee	Researcher	Employee
Nationality	Turkish	Romanian	British	Romanian	Hungarian	Romanian	Romanian	Romanian	Romanian	Italian	Italian	Italian	German/Russian	Italian	Italian/French	Italian	British
Current Country of Residence	UK	Wales	Wales	Romania	Romania	Romania	Romania	Romania	Romania	Italy	Italy	Italy	Germany	Italy	Italy	UK	UK
Lived Abroad	Cyprus 4 yrs; UK 2 yrs	Sweden 6 mths	France 9 mths	Belgium 7 mths; Greece 3 mths	Germany 3 mths; Netherlands 1 mth	Italy 8 mths	France 4 mths; Austria 3 wks			France 9 mths; Tanzania 3 mths	Spain 1 yr; Belgium 9 mths; UK 6 mths	Germany 1 mth	Russia 13 yrs; Spain 2 yrs; Italy 1 yr; Slovakia 1 mth	France 6 mths	UK 4 mths; Ireland 4 mths; France 9 mths	Ireland 1 mth; France 4 mths; USA 5 mths	France 1 yr; Spain 6 mths; Lebanon 1 yr
First Language	Turkish	Romanian	English	Romanian	Hungarian	Romanian	Romanian	Romanian	Romanian	Italian	Italian	Italian	Russian	Italian	Italian	Italian	English
Other Languages; Self Reported Proficiency	ENG 5 FR 3	ENG 5 SW 4 FR 1	FR 5	FR 5 ENG 4 GER 2.5 GR 2 IT 1	GER 5 ROM 5 ENG 4	ENG 3 IT 3	ENG 5 FR 5 IT 4 GR 2 HUN 1	FR 5 ENG 5 IT 4 SP 3 RU 2 GR 2	ENG 4 FR 2 SP 1	ENG 4 FR 3 SP 4	ENG 5 FR 3 SP 4	ENG 5 GER 1 FR 1	GER 5 SP 4 IT 4 ENG 3 POR 1	ENG 4 FR 4.5 SP 3	FR 5 ENG 3 FR 3	ENG 3 FR 3	GER 5 FR 4

LEGEND: ENG – English; FR – French; GER – German; GR – Greek; HUN – Hungarian; IT – Italian, POR – Portuguese; ROM – Romanian; RU – Russian; SP – Spanish; SW – Swedish.

Summary of socio demographic data collected through questionnaires at individual interviews

Interview	Rome – Italy	Berlin – Germany	Berlin – Germany	London – UK	Prague – Czech Republic	Prague – Czech Republic	Prague – Czech Republic	Sofia – Bulgaria	Valencia – Spain	Amsterdam – Netherlands
Date	20/04/2010	16/02/2013	08/02/2013	18/01/2013	24/01/2013	24/01/2013	27/01/2013	21/01/2013	24/01/2013	09/02/2013
Duration	36	52	41	45	65	65	42	61	56	80
Participant Code	RO1	BE1	BE2	LO3	PR1	PR1	PR2	SO1	VA1	AM1
Age Group										
18–24										
25–34	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
35+			X							
Male/Female	F	F	M	F	F	F	F	M	F	F
Occupation	NGO Worker	Unemployed	Cultural Manager	Student	Human Rights officer	Admin / education sector	Admin / education sector	PhD Student	Journalist	Temp clerk
Nationality	Italian	German	Italian	British	French	American	American	Bulgarian	Spanish	Dutch
Country of Residence	Italy/UK	Germany	Germany	UK	Czech Republic	Czech Republic	Czech Republic	Slovenia	Spain	Netherlands
Lived Abroad	Canada 2 yrs; UK 8 yrs; Spain 1 yr	Italy 9 mths	Spain 6 mths; Austria 3 yrs; Germany 7 yrs		Germany 3 yrs; UK 1 yr; Romania 8 mths; Czech Republic 2 yrs	Czech Republic 5 yrs	Czech Republic 5 yrs	Croatia 3 mths; Malta 6 mths; Macedonia 3 yrs	Netherlands 2 yrs; Hungary 1 mth; Russia 1 mth; Finland 1 mth	Sweden 1 yr; Australia 2 mths
First Language	Italian	German	Italian	English	French	French	English	Bulgarian	Spanish	Dutch
Other Languages;	ENG 5	ENG 4	ENG 4	GER 2	ENG 5	ENG 5	SP 3	ENG 5	ENG 3	ENG 5
Self Reported Proficiency	SP 5	IT 3	GER 3	FR 1	GER 5	GER 5	CZ 3	MAC 5	IT 1	GER 4
	POR 2	FR 2	SP 2	SP 1	ROM 3	ROM 3	ROM 3	SBCR 4	CAT 5	FR 2
		SP 1			IT 3	IT 3		RU 3		SP 1
		TUR 1			CZ 2	CZ 2				

LEGEND: CAT – Catalan; CZ – Czech; ENG – English; FR – French; GER – German; GR – Greek; HUN – Hungarian; IT – Italian; MAC – Macedonian POR – Portuguese; ROM – Romanian; RU – Russian; SB-CR – Serbo-Croatian; SP – Spanish; SW – Swedish; TUR – Turkish.

REFERENCES

- Albert, M. (2001) *Identities, Borders, Orders: Rethinking International Relations Theory*, Minneapolis, University of Minnesota Press.
- Anderson, B. (2006) *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*, New York, Verso.
- Appadurai, A. (1995) The production of locality. In Fardon, R. (ed.) *Counterworks: Managing the Diversity of Knowledge*. London; New York: Routledge.
- Balibar, E. (2004) *We, the People of Europe?: Reflections on Transnational Citizenship*, Princeton, New Jersey, Princeton University Press.
- Balibar, E. (2009) Europe as borderland. *Environment and Planning D: Society and Space*, 27, 190—215.
- Bauböck, R. & Faist, T. (2010) *Diaspora and Transnationalism: Concepts, Theories and Methods*, Amsterdam University Press.
- Beck, U. (1996) The Cosmopolitanism Manifesto. In Brown, G. W. & Held, D. (eds.) *The Cosmopolitanism Reader*. Cambridge, UK; Malden, MA: Polity.
- Beck, U. (2008) The cosmopolitan perspective: sociology of the second age of modernity. *The British Journal of Sociology*, 51, 79—105.
- Beck, U., Giddens, A. & Lash, S. (1994) *Reflexive modernization: politics, tradition and aesthetics in the modern social order*. Stanford, Calif., Stanford University Press.
- Biebuyck, W. & Rumford, C. (2011) Many Europes: Rethinking multiplicity. *European Journal of Social Theory*, 15, 3—20.
- Billig, M. (1995) *Banal Nationalism*, London, Sage.
- Blommaert, J. (2013) Citizenship, language and superdiversity: towards complexity *Tilburg Papers in Cultural Studies University of Tilburg*, February 2013.
- Castells, M. (1997) *End of Millenium*. Malden, Mass., Blackwell
- Cerutti, F. & Lucarelli, S. (2008) *The search for a European identity: values, policies and legitimacy of the European Union*. Abingdon, UK; New York, Routledge.
- Checkel, J.T. & Katzenstein, P.J. (2009) *European Identity*, Cambridge University Press.
- Chilton, P. (2004) *Analysing political discourse: theory and practice*. London; New York, Routledge.
- Closa, C. (2001) Requirements of a European Public Sphere. Civil Society, Self, and the Institutionalization of Citizenship. In Eder, K. & Giesen, B. (eds.) *European Citizenship between National Legacies and Postnational Projects*. Oxford, UK; New York: Oxford University Press.
- Davies, B. & Harre', R. (2001) Positioning: The Discursive Production of Selves. In Wetherell, M., Taylor, S. & Yates, S.J. (eds.) *Discourse Theory and Practice: A Reader*. London: Thousand Oaks: Sage: SAGE Publications.
- Debardeleben, J.H.A. (2011) *Transnational Europe: promise, paradox, limits*. Houndmills, Basingstoke, Hampshire, UK; New York, Palgrave Macmillan.
- Delanty, G. (2013) *Formations of European Modernity: A Historical and Political Sociology of Europe*. Palgrave Macmillan.
- Delanty, G. & Rumford, C. (2005) *Rethinking Europe: Social Theory and the Implications of Europeanization*. Abingdon, Oxford, Routledge.
- Della Porta, D. & Tarrow, S. G. (2005) *Transnational protest and global activism*. Lanham, MD, Rowman & Littlefield.

- Eder, K. (2009) A Theory of Collective Identity — Making Sense of the Debate on a 'European Identity' *European Journal of Social Theory*, 12, 427—447.
- Eriksen, E.O. & Fossum, J.E. (2001) Democracy through strong publics in the European Union? *ARENA Working Paper*, 01/16.
- Fairclough, N., Mulderrig, J. & WODAK, R. (1997) Critical Discourse Analysis. In Dijk, T.A.V. (ed.) *Discourse studies: a multidisciplinary introduction*. London; Thousand Oaks, Calif.: Sage Publications.
- Fairclough, N. & Wodak, R. (1997) 'Critical Discourse Analysis', in T. van Dijk (ed.) *Introduction to Discourse Analysis*.
- Fligstein, N. (2008) *Euroclash: The EU, European Identity, and the Future of Europe: The EU, European Identity, and the Future of Europe*. Oxford, Oxford University Press.
- Friedman, R. & Thiel, M. (2012) *European Identity and Culture: Narratives of Transnational Belongings*. Farnham, Ashgate.
- Habermas, J. (2001) *The postnational constellation political essays*. Cambridge, Mass.; London, MIT Press.
- Habermas, J. & Rehg, W. (1998) *Between facts and norms: contributions to a discourse theory of law and democracy*. Cambridge, Mass., MIT Press.
- Hall, S. (1996a) The Question of Cultural Identity. In Hall, S., Held, D., Hubert, D. & Thompson, K. (eds.) *Modernity: an introduction to modern societies*. Blackwell.
- Hall, S. (1996b) Who needs identity? In: Hall, S. & Du Gay, P. (eds.) *Questions of cultural identity*. London; Thousand Oaks, Calif.: Sage.
- Hall, S. (1997) *Representation: cultural representations and signifying practices*. London; thousand Oaks, Calif., Sage in association with the Open University.
- Haller, W.L.P. (2005) The transnational dimensions of identity formation: Adult children of immigrants in Miami. *Ethnic and Racial Studies*, 28, 1182—1214.
- Hanks, W. F. (1999) Indexicality. *Journal of Linguistic Anthropology*, 9, 124—126.
- Hannerz, U. (1996) *Transnational Connections: Culture, People, Places*. London; New York, Taylor & Francis Group.
- Hanquinet, L. & Savage, M. (2013) The Europeanisation of Everyday Life: Cross-Border Practices and Transnational Identifications among EU and Third-Country Citizens. *Eucross working papers series*, 6.
- Held, D. (1999) *Global Transformations: Politics, Economics and Culture*. Stanford University Press.
- Herrmann, R.K., Risse-Kappen, T. & Brewer, M.B. (2004) *Transnational identities: becoming European in the EU*. Oxford, Rowman & Littlefield.
- Hobsbawm, E. (1997) *Nations and nationalism since 1780: programme, myth, reality*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Jenkins, R. (2004) *Social Identity*, Routledge.
- Johnstone, B. (2013) *Speaking Pittsburghese : the story of a dialect*, New York, Oxford University Press.
- Jones, P. & Krzyżanowski, M. (2008) Identity, belonging and migration: Beyond Describing 'Others'. In: Delanty, G., Wodak, R. & Jones, P. (eds.) *Identity, belonging and migration*. Liverpool Liverpool University Press.
- Kaiser, W.L.B. G. M. (2010) *Transnational networks in regional integration: governing Europe 1945—83*. New York, Palgrave Macmillan.

- Kaplan, D. (1979) On the logic of demonstratives. *Journal of Philosophical Logic*, 8, 81—98.
- Kastoryano, R. (2003) Transnational Participation and Citizenship Immigrants in the European Union. *The Challenges of Immigration and Integration in the European Union and Australia*, 18—20 February 2003, University of Sydney.
- Kastoryano, R.H.B. (2002) *Negotiating identities*, Princeton, Princeton University Press.
- Kraus, P. (2006) Legitimacy, Democracy and Diversity in the European Union. *International Journal of Multicultural Societies*, 8, 203—224.
- Krzyżanowski, M. (2010) *The Discursive Construction of European Identities: A Multi-level Approach to Discourse and Identity in the Transforming European Union*, Frankfurt am Main, Peter Lang.
- Levitt, P. & Schiller, N.G. (2004) Conceptualizing Simultaneity: A Transnational Social Field Perspective on Society. *International Migration Review*, 38, 1002—1039.
- Liotard, J.F. & Benjamin, A.E. (1989) *The Lyotard reader*. Oxford, UK; Cambridge, Mass., USA, Blackwell.
- Marcussen, M. & Roscher, K. (2010) Europe and the Other and Europe as the Other. In Stråth, B. (ed.) *The Social Construction of "Europe": Life-cycles of Nation-State Identities in France, Germany and Great Britain*. Brussels: Peter Lang.
- Mcentee-Atalianis, L. & Zappettini, F. (2014) Networked Identities. *Critical Discourse Studies*, 11, 397—415.
- Mole, R.C.M. (2007) *Discursive constructions of identity in European politics*. Palgrave Macmillan.
- Morin, J.F. & Carta, C. (2014) *EU Foreign Policy through the Lens of Discourse Analysis: Making Sense of Diversity*. Aldershot; Farnham, Ashgate.
- Oberhuber, F. (2007) Legitimizing the European Union: The Contested Meanings of an EU Constitution. *EUI Working Papers RCAS 2007* [Online], 25. Available at: http://www.eui.eu/RSCAS/WP-Texts/07_25.pdf.
- Renkema, J. (2004) *Introduction to Discourse Studies*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins
- Risse, T. (2010) *A Community of Europeans?: Transnational Identities and Public Spheres*. Ithaca, New York, Cornell University Press.
- Robertson, R. (1992) *Globalization: social theory and global culture*. London Sage.
- Roudometof, V. (2005) Transnationalism, Cosmopolitanism and Glocalization. *Current Sociology*, 53, 113—135.
- Rumford, C. (2008) *Cosmopolitan Spaces: Europe, Globalization, Theory*. New York, Routledge.
- Rumford, C. (2011) Editorial: New Perspectives on Turkey—EU Relations. *Journal of Contemporary European Studies*, 19, 459—462.
- Salvatore, A., Schmidtke, O. & Trenz, H.J. (2013) *Struggling with the Concept of a Public Sphere*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.
- Sassen, S. (1996) *Losing Control?: Sovereignty in an Age of Globalization*. Columbia University Press.
- Shani, G. (2011) Identity-politics in the global age. In: Elliott, A. (ed.) *Routledge handbook of identity studies*. Abingdon, Oxon; New York, NY: Routledge.
- Silverstein, M. (2003) Indexical order and the dialectics of sociolinguistic life. *Language and Communication*, 23, 193—229.
- Splichal, S. (2006) In search of a strong European public sphere: some critical observations on conceptualizations of publicness and the (European) public sphere. *Media, Culture & Society*, 28, 695—714.

- Standing, G. (2011) *The precariat the new dangerous class*. London; New York, NY, Bloomsbury Academic.
- Stråth, B. (2010) *Europe and the Other and Europe as the Other*. Frankfurt am Mein, Peter Lang.
- Tajfel, H. & Turner, J. (1979) An Integrative Theory of Intergroup Conflict. In Austin, W.G. & Worchel, S. (eds.) *The Social psychology of intergroup relations*. The University of Michigan: Brooks/Cole Pub. Co.
- Triandafyllidou, A., Wodak, R. & Krzyżanowski, M. (2009) *The European public sphere and the media: Europe in crisis*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.
- Vertovec, S. (1999) Conceiving and researching transnationalism. *Ethnic and Racial Studies*, 22, 447—462.
- Vertovec, S. (2009) *Transnationalism*. Oxford; New York, Taylor & Francis.
- Wimmer, A. & Schiller Glick, N. (2002) Methodological nationalism and beyond: nation-state building, migration and the social sciences. *Global networks*, 2, 301—34.
- Wodak, R. (2004) National and Transnational identities: European and Other Identities Constructed in Interviews with EU Officials. In Herrmann, R.K., Risse-Kappen, T. & Brewer, M.B. (eds.) *Transnational identities: becoming European in the EU*. Rowman & Littlefield.
- Wodak, R. (2009) The discourse-historical approach In Wodak, R. & Meyer, M. (eds.) *Methods of Critical Discourse Analysis (2nd Edition)*. London: Sage.
- Wodak, R. (2012) Reinventing nationalism: recontextualising traditional themes in glocal politics *First International Conference on the Discourse of Identity*. Santiago de Compostela.
- Wodak, R., De Cillia, R., Reisigl, M. & Liebhart, K. (2009) *The discursive construction of national identity*. Edinburgh, Edinburgh University Press.
- Wodak, R. & Koller, V. (2008) *Handbook of Communication in the Public Sphere*. Berlin; New York, Mouton De Gruyter.
- Wodak, R. & Weiss, G. (2005) Analyzing European Union discourses: Theories and applications In Wodak, R. & Chilton, P. (eds.) *A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis: Theory, Methodology and Interdisciplinarity*. Amsterdam: J. Benjamins.
- Zappettini, F. & Comanaru, R. (2014) “Bottom-Up Perspectives on Multilingual Ideologies In The EU: The Case Of A Transnational NGO” *Journal of Contemporary European Research*, 10.

Article history:

Received: 12 December 2016

Revised: 01 February 2017

Accepted: 14 February 2017

For citation:

Zappettini, F. (2017). Transnationalism as an Index to Construct European Identities: An Analysis of ‘Transeuropean’ Discourses. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2), 260—281.

Bio Note:

Franco Zappettini, PhD in Applied Linguistics, Professor at University of Genoa. *Research Interests:* Critical Discourse Analysis, Cultural Identity, Multilingualism, Discourse, Language, Discourse Studies, Interpretation. *Contact information: e-mail:* franco.zappettini@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-260-281

РОЛЬ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМА В КОНСТРУИРОВАНИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: АНАЛИЗ «ТРАНС-ЕВРОПЕЙСКИХ» ДИСКУРСОВ

Франко Заппеттини

Университет Генуи
5 Via Balbi, 16126 Генуя, Италия

Транснационализм — это многогранное явление, оказывающее влияние на общество и ведущее к смене парадигмы национальной принадлежности. Транснационализация неоднозначно оценивается в контексте Европейского Союза, где обсуждаются, оспариваются и узакониваются новые общности и зарождающиеся пост-национальные идентичности. Данная статья — это попытка осмыслить происходящие процессы дискурсивного конструирования идентичностей в публичной сфере посредством анализа дискурсов членов неправительственной организации «активных» граждан. В работе используется критический дискурс-анализ (КДА), позволяющий показать, каким образом дискурсивные стратегии и языковые приемы, используемые говорящими и непосредственно связанные с указанием на транснациональные фреймы, конструируют модели принадлежности к современной Европе. В статье предлагается классификация параметров транснационализма, реализующихся в дискурсах и подразделяющихся на национально-центрический, евроцентрический и космополитический.

Ключевые слова: *транснационализация, дискурсивные стратегии, пост-национальные идентичности, языковые приемы, публичная сфера*

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 12 декабря 2016

Дата принятия к печати: 14 февраля 2017

Для цитирования:

Zappettini F. Transnationalism as an Index to Construct European Identities: an Analysis of ‘Transeuropean’ Discourses // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 2. С. 260—281.

Сведения об авторе:

Франко Заппеттини, доктор, профессор Университета Генуи (Италия). *Сфера научных интересов:* критический дискурс-анализ, культурная идентичность, мультилингвизм, теория дискурса, переводоведение. *Контактная информация:* franco.zappettini@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-282-304

EXPLORING THE INTERCULTURAL IDENTITY OF SLOVAK-ROMA SCHOOLCHILDREN IN THE UK

Laura Hryniewicz, Jean-Marc Dewaele

Birkbeck, University of London

26 Russell Square, WC1B 5DQ London, United Kingdom

Abstract. There is a significant body of literature about the Roma, but comparatively little exists in which their voices can be heard. This study takes an intercultural perspective to look at the identity negotiations of four self-identifying Roma-Slovak schoolchildren between the ages of 13–14 enrolled at a state academy in Kent. Interviews focused on the role of language in constructing their identities, the perceptions of others and the nature of possible conflicts. The qualitative analyses revealed five themes: Perception of Identity by Others, Adaptability, Aspirations, Self-Perceptions of Identity, and Conflict. Participants' identities were found to be far more dynamic than the traditional binarized view of the Roma as the 'other' (McGarry & Agarin 2014). There is a strong element of ascription by others in terms of the nature of participants' ethnicity and its relationship to their identity. Both their ethnic and national identity are central in the ways in which they see themselves.

Keywords: *identity construction, intercultural, Slovak-Roma, UK, schoolchildren, qualitative study*

1. INTRODUCTION

The negotiation between cultural identities is an increasingly widespread concern in contemporary society. Taking a performance narrative inquiry approach, O'Neill (2013) argues that today 'there is an increasing need for people to navigate linguistic and cultural borders' (p. 397) and this has a significant impact on the ways in which identities are constructed, maintained and revised. She concludes that under globalised conditions people must work to move beyond misunderstandings of identity and to reject negative stereotyping. It seems that developments in technology have meant that our ability to communicate has increased exponentially, and yet with this comes an increasing need to try to make ourselves understood. These complex transactions, Sharma notes, 'have necessarily involved negotiation and renegotiation of identities, and forging relationships with people, places and cultures.' (2011: 352). Zhu (2010) suggests that the younger generation have the capacity to autonomously construct new cultural and social identities through interactions, and that through language socialisation they have the capacity to actively bring about changes within their own communities. The aim of this study is to contribute to this emerging area of interest through semi-structured interviews with four Slovak Roma schoolchildren living in Medway.

2. LITERATURE REVIEW

An essentialist view of identity traditionally links the formation and maintenance of identity with a geographical place, in particular a specific country in which a particular language is spoken (Holliday et al. 2004). To ask where someone is from can be seen

as a way to measure cultural difference in a relational sense. Omoniyi highlights that borders have a clear relationship to the management of ‘in-group and out-group identities’ (2010: 123) which shows, at least historically, the way that the demarcation of a territory has been an indicator of identity; one could expect to encounter, within those bounds, a group of ideologically similar individuals. Similarly, Extra (2010) considers nationality as a collection of attributes shared by a distinct community which does not necessitate blood lineage and is in some way at least influenced by the geographical boundaries of a nation. However, a key feature of contemporary society is the de-territorialisation of communities (Leung et al. 2009) leading to questions about demarcation of identity. Within this debate Edwards (2009) draws attention to the concept of ‘boundaries’ suggesting that they provide a more enduring demarcation of identity which allows groups to prevail over long periods of time. However, as a greater number of people cross geographical boundaries, the question arises; what is the nature of the boundaries which are created and what are the implications for the maintenance or negotiation of identities?

The larger context for this study is the rise in global and transnational migration; specifically the European Union which allows free movement of EU nationals for labour purposes as per Article 45 (European Union 2014). Although it might end soon, it facilitated both mobility and migration (Huysmans 2006), resulting in both cultural pluralism through transitory economic mobility, and multiculturalism through the increased interaction of cultural groups making more permanent economic migrations. Under these conditions, there is a propensity to label individuals based on their geographical origins. However, despite Smith’s observation that ‘national identity is perhaps the most fundamental and inclusive (1999: 143), and Tracy’s (2002) categorisation of national identity as a ‘Master Identity’ it appears that under contemporary conditions the idea of where you are ‘originally from’ and therefore who you are, or are seen to be, is becoming less and less straightforward. As McGuigan states, we now live in a global ‘community of communities’ (2012: 58) and, building on Hall’s (1992) ideas about the fragmentation or multiplicity of identities, and Antaki and Widdicombe’s (1998) emphasis on the agency of an individual in the construction of their identity, Burgarski considers that identity ‘far from being a simple set of static givens, is now understood to be a highly complex, multi-layered and dynamic construct, whose many dimensions interact to constitute a variable whole (2012: 220). This is situated alongside warnings about the ‘pervasiveness of the discourses of banal nationalism’ (Piller 2011: 68) in which the tendency towards reductionist representations of national groups which emphasise homogeneity are still apparent, perhaps descended from the ‘grand discourses which constitute the ideological construction of nationhood [which] continue to be significant in the social construction of social exclusion.’ (Samers 1998: 123). The 2016 decision for Brexit proved how powerful the lure of nationalism remains in the UK.

One of the aims of the present study is to move away from grand discourses of identity and to take an intercultural approach to focus on the specific experiences of Slovak Roma school children in a specific area of Britain, taking into consideration the particularities of the negotiation of their identities within that setting. Such an increase in transnational movements can only lead to a greater number of more complex and less trans-

parent interactions (Blommaert 2005) which are perhaps unlikely to adhere to previous models of identity and interaction. Within this particular context Levinson and Hooley (2013: 13) point out that sometimes 'it is all too easy to acknowledge the heterogeneity of and fluidity of mainstream cultures, while viewing minority cultures as if they were both homogenous and static.' Paradoxically, it is often the minority culture which must demonstrate the most adaptability in order to assimilate into the norms of a larger culture.

One key area for concern is the question of how identity can be negotiated in a multilingual society, through linguistic practices, when some language forms carry significantly less prestige and value. Although the significance of national identity under contemporary global conditions has been called into question, there remains specific interest in the ways in which language and national identity are related. Language differences, according to Gumperz (1982: 6—7) 'play an important, positive role in signalling information as well as creating and maintaining the subtle boundaries of power, status, role and occupational specialization that make up the fabric of our social life. Migration is one of the key sites of identity negotiation, and whilst fluidity is a feature of this, there is also an element of struggle as an immigrant 'grapples with his or her place in the larger structures' (Bhatia & Ram 2009: 148). Diasporic communities have a number of challenges to face; in particular the negotiation of how far they preserve their traditional cultural practices and traditions, and how far they forge new identities for themselves in their new setting.

Feldman, Stone and Renderer (1990) pointed out that using a non-English language in an English-speaking country can result in discrimination, negative stereotypes and a range of other disadvantages for speakers, and that there is a clear expectation for those who are considered to occupy a subordinate position in society to converge to dominant linguistic norms. However Marlow and Giles (2010) found that speakers were also subject to in-group criticism when they elected to speak English rather than their mother tongue, raising interesting questions regarding the nature of conflict and the formation of identity within these language negotiations.

There is growing interest in the notion that individuals may be different in each of their languages. Previous studies (Pavlenko 2006; Koven 2007; Dewaele & Nakano 2012; Dewaele 2016, Panicacci & Dewaele 2017) have specifically addressed this emergent phenomenon. Koven (2007: 239) demonstrated that bilinguals used 'different speaker role perspectives' when telling stories in their two different languages and argued that this was the result of the persona the speaker felt able to adopt in each language, which suggests that the act of speaking a language influences our own perceptions of who we can and should be. Dewaele (2010) alludes to this when he suggests that the connotations of a language may be transferred to a speaker's self-perception when communicating. However, he also cautions that this is not a case of personality change, but an adjustment in the speaker's observed performance.

3. ROMA IDENTITY IN CONTEXT

The name 'Roma' itself presents a number of difficulties in terms of its usage. In the Romani language its denotation is a plural noun meaning 'people' (Miskovic 2009: 203). However, in western discourse the term is often conflated with 'Gypsy', both of which

work on an almost purely connotational level, acquiring pejorative meanings which ‘exist in other people’s mouths, serving other people’s intentions’ (Bahktin, in Hall, 1992: 235). Schneeweis feels that ‘the meanings associated with Gypsy and Roma are deployed and put to uses that fix such meanings into ‘truths’’ (2012: 676), suggesting a construction of identity which may not match the fabric of reality. Scollon and Scollon (2012: 271) caution against contexts in which one aspect of identity is ‘singled out for emphasis, given a positive or negative value, or treated as a full description of a “culture” or a person’; furthermore this approach, as Zhu points out, denies the multiplicity and complexity of identity and alerts us to the ways in which we see ourselves, and how we are seen, may be divergent (2014: 201). In the case of the discourses surrounding the Roma, what begins to emerge is the role of others in constructing representations of Roma identity, that which McGarry (2010) suggests is the ‘unwanted other’. There appears to have been an absence of opportunity for members of this culture to contribute actively to these discourses, something which this study hopes to begin to redress.

As Zhu (2014) points out, the concept of ‘cultural identity’ is an extremely difficult one with which to deal. In the case of the Roma, the question of ‘who they really are’ has been the subject of a number of studies (see McGarry & Agarín 2014; Levinson 2014). In an early attempt to differentiate between the various travelling subcultures, Vesey-Fitzgerald (1973) makes a clear distinction between Roma and Irish Travellers as two groups with markedly different attributes. Whilst this broad distinction still holds, evidenced by the Ethnicity Codes in use today in the UK, the term ‘Roma’ is used almost arbitrarily interchangeably with terms such as ‘Gypsy’ which is widely seen to be politically incorrect (Hancock 2002). European policy documents state that the term “Roma” is commonly used as an umbrella term encompassing other groups such as Gypsies, Travellers and Sinti, and GRT (Gypsy/Roma/Traveller) is currently the term used in UK policy documents (Levinson 2014) to represent communities which, although may be seen as similar, actually have quite distinctive origins, histories and cultural practices. To conflate these is surely an obfuscation of any inquiry into identity and yet, despite attempts to move away from it, this conflation perpetuates even in very contemporary writing. Murray points out the problematic nature of this political nomenclature in that an umbrella term “can assume a hierarchy (i.e. Travellers seen as a subgroup of Roma)” and that “if you are not named you can be excluded and marginalised within the very category in which you are identified” (2012: 570). It seems almost ironic that the political language used to address the minority status of the Roma has given rise to further misunderstanding and marginalisation of groups like the Roma. Further enquiry needs to address this paradigm shift in a way that “dissolves the classical rigidity of the Self/Other and more aptly reflects the specific conditions of globalisation in the twenty-first century” (de Burgh-Woodman 2014: 290). The use of umbrella language in the discourse of the Roma underpins the lack of focused enquiry into the various sub-groups commonly held under this term, and their specific and peculiar identities.

McGarry (2014: 758) cautions that “academics should be careful not to represent Roma as a coherent bloc” and that “Roma, like “the majority” is not a monolithic unit that thinks, acts and feels the same way” Zegarac’s (2008: 51) “epidemiological” perspective on culture suggests “it is cultural regularity, rather than cultural diversity, that

should be surprising”, which leads to questions as to why so much of the literature concerning the Roma presents them as a similar and amorphous group, with scant consideration of the country from which they originate or where they reside, or any other possible factors in the formation of their identity, such as the influences of age, gender, education or media. As Engebriksen (2011: 124) notes, it is “urgent” to take into consideration the variety between different Roma populations, and to pay attention to the ways in which they are a part of the majority society in which they live. It is one of the aims of this study to give close attention to the attitudes of Slovak-Roma schoolchildren in Britain and to create a space beyond the self/other dichotomy. Poststructuralist theory rejects notions of fixed or “essential” identity, preferring to look at “hybridity” and “third places” and “choice” which according to Block (2006: 37) “work far better... when it comes to making sense of the cases of individuals who have moved between and among qualitatively different sociocultural contexts.” The departure from the view of identity as something fixed is outlined by McGarry (2014: 758) as a “process, a performance”; Zhu (2014; 209) refers to the emergence of interculturality, rejecting the view of identity as something an individual “either has or does not have”. For both McGarry and Zhu identities are not taken *a priori* and the latter emphasises the role of language practices in their negotiation.

Much existing research into the Roma has been focused on dismantling the self/other dichotomy through examination of European education policy (see Miskovic 2009; Garaz 2014; Rostas & Kostka 2014; Nistor et al. 2014). Much of this emphasises their marginalisation and exclusion, concluding that many European education systems by design are incompatible with Roma students’ lifestyles and culture. For Rostas and Kostka (2014) this is evidence of the reproduction of social inequalities which justifies the lack of educational achievement of Roma schoolchildren as evidence of their inability to adapt, rather than as institutional discrimination. This is discussed further by Schneeweis (2012) in a study of press discourses of the integration of the European Roma in which attention is drawn to the blurred line between integration and assimilation, concluding that there can be no discussion of what integration should be without those “typically excluded” (p. 685). This highlights the need for further research in which these hitherto “excluded” voices can be heard. Pnevmatikos et al. (2010) have gone some way to addressing this in a study examining the emergence of ethnic identity in childhood in Roma schoolchildren living in Greece, making some interesting discoveries regarding the interplay between schooling and the participants’ attitudes to language. Significantly, it was found that as the children grew older and enrolled in school, their view of the Romani language as a stable and constant aspect of their identity diminished, and by eleven years old, no participant reported feeling that the loss of the Romani language would have a detrimental effect on their identity.

Identity negotiations are based on an increasingly complex set of cultural interactions. Movement of individuals both globally and nationally has led to the emergence of interculturality, however grand narratives of identity do still exist. This is evident in the case of ethnic Roma identity; the majority of literature takes the participants as objects rather than subjects of research and there is a clear propensity to group them

alongside other travelling communities. This particular grand narrative may need to be dismantled and its constituents re-examined, taking into account other aspects of identity beyond ethnicity, such as nationality, age and language practices.

Research Questions:

- ◆ How do Slovak-Roma schoolchildren in a Medway academy (Kent, UK) negotiate their identities?
- ◆ What are their attitudes towards learning English?
- ◆ What potential areas of conflict do they encounter?

4. RESEARCH METHODOLOGY

4.1. Participants

Participants were selected using purposive sampling (Newby 2010) on the basis that they were able to give a particular insight into the research context. A list of potential participants was created; the criteria for selection was firstly self-identification as Slovak Roma, and in the age range of 13—16 years, but initially beyond that there were no stipulations for inclusion or exclusion based on academic achievement in order to harvest a spectrum of views. Ultimately four participants were identified as fulfilling the research criteria: two males and two females. Each participant self-identifies as ethnically Roma and each is resident in one of the three key wards in Medway identified and described in the following section.

Michal¹ is a fourteen year-old male. He was born in Slovakia but has lived in Medway for the past eight years. He has previously spent time in Belgium. He has returned to Slovakia on a number of occasions. He has a large extended family resident in the UK. He has spent some time in the care of the local authority and is now a looked after child in his grandparents' home. His L1 is Slovakian and he also speaks Romani, although he has degrees of proficiency in a further two languages. Educationally he is four National Curriculum sub-levels below the target for his age group in English.

Ondrej is a fourteen year-old male. His family migrated to England from Slovakia when he was six years old. This migration was for both economic reasons, and because several other family members were already resident in the UK. He was bilingual in Romani and Slovakian before acquiring English as an additional language. He has been in the UK education system consistently since his arrival. In terms of educational progress, he is two National Curriculum sub-levels above the target for his age group in English. He has a large number of both close and extended family members living in Medway.

Sona is a thirteen year-old female. Her family migrated from Slovakia to the UK when she was nine years old for economic purposes. Although now resident in Medway, her family also spent at least a year in another area of the UK. Her L1 is Romani which was the sole language she spoke until beginning school aged four/five in Slovakia, at which time she began to learn Slovakian. She also has degrees of proficiency in three other languages. When she arrived in the UK aged nine she knew very little English. Sona has three brothers close in age to her. In terms of educational progression, she is two National Curriculum sub-levels above the target for her age group in English.

¹ All names are aliases to protect the participants' anonymity.

Jolana is a fourteen year-old female whose family migrated from Slovakia to the UK when she was seven years old for economic purposes. Her L1 is Romani, but she is also fluent in Slovakian. When arriving in the UK she knew only “some words” in English. She has been in the UK education system consistently since her arrival. She has two older sisters who no longer live in the family home and one younger brother. Educationally she is five National Curriculum sub-levels below the target for her age group in English.

4.2. Context of the study

In 2015 the Unitary Authority of Medway, in Kent, found itself at the confluence of a number of significant socio-political, educational and economic events. Nationally, Medway falls into the bottom 20% of districts for skills and qualifications, long term unemployment and mortality. The Medway census of 2011 reports an increase in the Black and Minority Ethnic population since 2001, with the proportion now standing at 10.4% against the majority 85.5% White British population. There has been a 77.6% increase in Medway’s population of those born outside the UK, with the majority of this number self-reporting as being from Continental Europe, Africa, Asia and the Middle East. The proportion of the population born in Europe increased from 1.6% to 3.7%, by far the greatest increase of any other category. In 2.9% of households, nobody has English as a first language. Finally, 1.2% of the population report that they either cannot speak English, or cannot speak English well. Of this final group, half are to be found living in just three of Medway’s wards, all adjacent to one another.

There is great diversity within the Medway school community which comprises a range of ethnic identities and a multitude of languages are spoken, reflecting the demographic of the area in which it is situated. A significant proportion of students self-identify as “Slovak-Roma”. This particular group holds minority status and there is relatively little ethnographic research in which members of this group are audible. Existing research into attitudes towards those identifying as “Roma” in a general sense often emphasises marginalisation and restricted access to opportunities (Miskovic 2009). Hancock (2002) describes their persecution as unparalleled, whilst Engebretsen (2011) describes the perpetual re-emergence of historic pejorative attitudes.

4.3. Research Design

The research design received ethical clearance from the research institution and permission from the head of the secondary school. Participants’ parents gave their permission. The school community liaison officer acted as the intermediary as most of the parents did not speak any English, and some did not read or write in any language. The school community liaison officer explained the consent form to them verbally and then they signed. The first author explained to the participants at the start of each interview what the interview would be about, that their anonymity was guaranteed and added that they could cease participation at any point. The participants also signed a consent form.

The data was collected through four semi structured individual interviews lasting 16, 17, 19 and 24 minutes, which were digitally recorded and transcribed. The interview questions (see Appendix) were designed to explore the research questions by encour-

aging the participants to reflect on them. When considering the types of questions appropriate to the aim, Patton's (1990) classifications of qualitative research interview questions were considered to frame both researcher perspective and responses needed. Background/demographic questions were necessary particularly in making sense of the data during analysis, but also allowed the participant to self-reflect on their own cultural identity. Secondly, experience/behaviour questions were used, both to reflect on what had been done in the past and what might be done in the future. Finally, opinions/values questions were employed to elicit participants' attitudes and feelings. This research is as much about finding out how the participants felt about the information they were giving as about the actual information itself (Holliday 2007: 4).

Following the model used by Valkanova (2009) and Dewaele and MacIntyre (2014) the main themes discussed here were identified through close study and comparison of the participants' responses during the interview process. The aim of the study was to "give voice" to the participants and their experiences, however from an interpretivist perspective, it is important that the researcher attempts to "see the social world from the perspective of those he or she researches" and uses dialogue to try to "discern the perceptions of others and interpret their meaning and purposes" (Counsell 2009: 263), rather than to impose our own preconceived notions on the evidence. However, through a careful process of close reading and coding, at least five themes emerged clearly.

5. ANALYSIS

Theme 1: Perception of Identity by Others

There were close similarities in participants' recollections of the attitudes of "English" people towards them. Ondrej reports comments such as "we get on their nerves, because we're like taking their jobs, making problems, stuff like that." He also reports comments such as "“Why are we here?” and “Go back to your own country.”" Similarly, Jolana remembers being asked "Why did you come to England?" Ondrej complains that pejorative attitudes are evidenced in the comments of some English people, but these are not necessarily specifically directed at his being Roma, but just having a generalised status of immigrant, in which his nationality is conflated with many others. Sona reports that "English people used to call us 'Kosies' and all that", a reference to "Kosovans", a pejorative term for immigrants of a particular appearance. Similarly, Ondrej expands on the ways in which they are perceived:

"Oh, yes. Like some people, like not from Slovakia, but like from different countries, like Romanian, yes, Albanian and stuff like that. They look like us, so I don't know why it is, they look like us but they're just making problems, they're like stealing and stuff like that. They don't want to learn, stuff like that, and I just don't want to be seen as that".

Interestingly this reveals an awareness in the participant of the ability to negotiate the way in which his identity is perceived and the possibility of a degree of agency in this process. A similar attitude and awareness is found in Sona who reports that upon arriving in England "it was so hard to really change myself", again demonstrating an awareness not just of agency but also alluding to the significance of the influence of a different culture and language on oneself.

Notably, when explaining negative perceptions, both Ondrej and Sona were anxious to qualify their statements. Ondrej stated: “It’s not everybody, it’s just like some people”, whilst Sona declared: “I’m not trying to be racist or mean.” There is a degree of irony here in that both participants are demonstrating great sensitivity in their attribution of others’ attitudes, despite this being in response to questions regarding the generalisation of their perceived identity.

Theme 2: Adaptability

A number of the participants’ responses demonstrated the challenges that they had faced in negotiating a cross cultural identity, particularly in terms of the role language learning played in the process of enculturation. Adaptability is evident when Sona describes whether she found moving between cultures difficult: “I used to be, but I’m not anymore, because I’m used to it”. For these participants, language accommodation is reported as “normal”, as Jolana remarks, “If I have like Slovakian friends or Czech friends, then I speak to them like that”. Michal reports as speaking four languages, and Sona reports as speaking six. Sona reports that “When we was living in Slovakia, we had to speak Slovakian” and that migration to England meant “we had to speak English, we had to do spellings”. The repetition of the modal “had to” conveys a sense of obligation felt by the participant. This theme of responsibility is continued by both Michal who states he speaks English “so people understand” and by Jolana who states that in interactions with English people “I have to speak to them in English” because otherwise “they won’t understand”. What is interesting is the evidence of the participants’ degree of personal responsibility for communicative accommodation. Jolana does not state that she cannot make herself understood, but rather the responsibility is with her to converge with her environment to ensure those around her are not inconvenienced. She reports that she does not mind doing this, revealing a pragmatic and adaptable attitude towards the learning of English. It is worth noting additionally that Jolana’s expression differs from that of Michal. For Michal the purpose of code switching is so “people” understand. Jolana, in contrast uses “they” and “them”, potentially constructing an in-group/out-group dichotomy. The value of speaking the English language in adapting to the culture is further reflected on by Ondrej:

“...English people, they always see I speak English, the English, but this is English country, like this is England, this is English school, stuff like that. So it will be better I will speak... if I spoke English”.

This again reveals a pragmatic attitude towards the acquisition of English and an awareness of the role language plays in enculturation. There is an interesting change of tense from “I will speak” to “if I spoke” in which the self-correction to the conditional tense actually evidences the participant’s proficiency in the language. The motivation for this may be found in Ondrej’s recognition of the potential for positive feedback through language competency when he states that “Sometimes we speak English outside, so like the English people thought, yes, they go like, yes.” The benefits of competency in the English language to the participants are further explored in the next section.

Theme 3: Aspirations

There was evidence of strong aspirations in some participant responses. There was a clear link made between the learning of English and the ability to make progress. The strongest of these attitudes were expressed by Sona, who describes a transitional period:

“When we was in Year 7 we used to be so talking and swearing. We used to do bad stuff, but since we got into Year 8, we was like, ‘Oh my God, we have to change our behaviour. What did we do?’”

She describes the role English speaking amongst her social group played in this transition:

“C answered her in English, and I think I started English in questions with him. So then I was like, ‘Why are they speaking English?’. So then I was like, ‘Why do you two talk English?’. She said, ‘Because you have to, because this is England’. So then, me, I started talking English with C, then AM started talking to me, and really, I don’t know, I just love this school. This school pushed me up so much. I didn’t used to be like that”.

Perhaps this is not surprising when we consider that Sona is currently two National Curriculum sub levels above the target for her age group in English. The aspirations of Sona have extended to those around her; having felt that “English girls pushed me” she states an ambition to do the same for her family and “move my little sister... I can push her up with English.” Reporting that her mother does not yet speak English, despite having lived in England for five years, Sona states a desire to “try to help her out” and justifies to her the use of English at home saying: “That’s why we talk English with you so we can at least a little bit push you up”. Noticeably the language used equates proficiency in English with ascension, however the verb ‘push’ also connotes compulsion or demand, an attitude which is reported by Sona in conversations with other members of her ethnic group demonstrating the conflicting influences on her performance.

“Every time I say something in English, she says, ‘Oh my God, you’re not English, so don’t speak English’, but I ignore her. So, I even like make her, not upset, but make her crazy so I can push her into it, as well. So I do that as well, but sometimes it works, sometimes it doesn’t. Sometimes she hits me, so I don’t speak English.”

The link between aspiration and group identification is also discussed by Ondrej, who states that his ethnically Roma mother

“doesn’t allow me to have Roma friends... She says, if I’ve been with them, I wouldn’t learn anything, I will just make problems and stuff like that. She wants for me to study for going to college.”

This seems to represent an attitude towards mobility which is augmented by Ondrej’s reflections on his own cultural identity; he reports as being “Slovakian” primarily during the recorded part of the interview, and answers “Not really,” when asked whether he has ever felt that he cannot say he is Roma. However, at the conclusion of the interview, after the recording device had been switched off, Ondrej embarked on a clarification of some of his answers stating that during Year 8 he was rejected by many of his Roma peers for “not making trouble enough”. He draws a clear link between his acquisition of English and his aspirations: “It will give me advantages in the future,

like because then I could get somewhere, get a job and stuff like that” and feels that there is potential for his children, “Like, better future for them”. To this end he reports motivation to continue to refine his English language skills, “We want to improve our English and our accents” and to continue to “acts like English people”.

Aspirations were not as evident in all participants. For Jolana English is “good because it makes you like learn like more things” but qualifies this with the attitude that “you have to learn it... because you won’t understand anything.” This pragmatism is in contrast to the more specific benefits, similar to those of Ondrej, identified by Sona which she clearly links to her future plans: “I want to stay [in England], I want my kids to be here as well.” Her reflections on her own experience form the basis of her future aspirations:

“My family chose to come here, they [her future children] will have to do the same thing as us. They’ll want to go, so if they live here and then straight away pushed us up in English, so they know everything. So they wasn’t like... I don’t want my kids to live the same thing, life as I did.”

Despite clearly recognising the difficulties of her situation, Sona maintains aspirations for her future based on her language competence suggesting she would like to work in the travel industry as she could fulfill a role that requires someone who “talks different languages.” This is unusual as she clarifies that usually “girls like sixteen/seventeen get married, children, and that’s why I said, I just don’t want the same life as they do.” Again, evident here is a lack of homogeneity.

Theme 4: Self-Perceptions of Identity

In contrast to the view of the Roma as a homogenous group, for whom their ethnic identity is an over-arching feature, the participants’ reflections on their own identities revealed, even in such a small sample, a distinct degree of variation. Jolana repeatedly refers to “our country”, as does Ondrej, revealing a clear identification with a Slovakian national identity. Ondrej states that he would identify himself primarily as “Slovakian”, and then “Roma”, however Jolana explains that “I’m Roma because it’s just how I always was since I was born.” Yet Slovakian national identity is clearly an important dimension for both participants. In contrast, Michal’s responses suggest ambiguity, demonstrating no particular allegiance to any specific location and stating he would not mind living in “any other town, any.” Sona does not use possessive pronouns to refer to Slovakia, but does state that, “because I’m from Slovakia, I don’t want to forget about my language” and that “sometimes I do feel like Slovakian, and sometimes I feel like English... I feel in the middle.” What appears clear here, is that despite her assertion that “I don’t want to go back to Slovakia” it still holds a significant influence on her self-perception of identity. Noticeably, during the interview Sona only ever referred to negotiations between a Slovakian and English identity, calling into question just how significant her ethnic identity has become for her.

It is noticeable with a number of the participants that national identity appears to be considered as more significant than ethnic identity. For Ondrej, his Roma ethnicity is something he has difficulty reconciling. After the recorded interview, he reported

conflict between the way he is perceived in England, stating that in Slovakia he only had Slovakian, not Roma, friends and that “My family don’t even look like Roma”. However, he currently feels “poor” and that people just think we “sing and dance” perhaps referencing the stereotypical myth of the ‘gypsy’ as the other. A further concern was the way in which he felt perceived to be like other traditionally travelling communities, such as English Travellers, groups with which he did not self-identify at all. Yet for Ondrej being Roma is clearly an important facet of his identity. He explained the role of religion in Roma culture, emphasising the strength of belief that they all have a place in Heaven as being based on the fact they have no homeland and exhibiting a great deal of pride in his culture. However, he is very aware of the connotations attached to the Roma ethnicity:

“Like, even if it’s our country, like we live in Slovakia, all the generations, but like if they saw Roma people like wanted to get a job, they wouldn’t like take us, because they... I don’t know why it is, they’re just racist. Like not all people, just some ones.”

There is a distinct self-awareness in the ways in which they are perceived through many of the participants’ comments. Ondrej goes on to question why “they take all the people and think that we are all same but we’re not, because like everybody was brought up differently.” Jolana continues in this vein:

“In our country [Slovakia], like many others, we don’t live like all together, because they live all apart. So they live... Some Roma are like dirty, but some aren’t. Like it depends on what family they have and like that. But like, we are different, but some of them, say like C, S, me and C, and N, like we are all different and my cousin, and that, but some that come with us, they are different as well, because they are like... Some are dirty, some are living in a dirty house or something.”

Jolana here refers to “we” and “they” pointing out that for her, there are clear differences within the Roma community. She also refers to “our country”, again reinforcing the importance of Slovakian nationality on her identity. In other parts of the interview she refers frequently to Romani as “our language” and “my language”. For her, language is a site of negotiation. When asked to indicate a preference for English or Roma culture she “would pick Roma because it’s my language”, which is a clear indication of this participant’s personal link between her language and her culture. Other participants also offer views regarding language and their identity. Ondrej reports that Romani is rarely spoken in his family, and speaking Romani “is like nothing” in terms of its importance. Describing language habits of the Roma in Slovakia, he states: “It’s like in my country, they didn’t actually speak Romani, they spoke Slovakian all the time.”

Michal describes only speaking Roma as a last resort:

“If I told a story, I would talk Slovakian, and if I don’t do like the word, for example, I couldn’t do it well... I would say it in English, and if I really don’t understand it in English, I will say it in Romani.”

For Jolana, despite Romani being her L1, and only having learnt Slovakian at age four/five, she reports her main language now as being English,

“because things like in the world... English is main language so you can learn. Because when you go to job and your spellings and writing and everything is right, so you’re English”.

Theme 5: Conflict

There was evidence across the participants' responses of a particular understanding of what they saw as necessary to adapt to the norms of a new culture and environment. Sona repeats the idea of sticking to 'the rules'. In response to a question asking her about how she deals with negative attitudes expressed towards her she felt that "I just need to carry on with the rules." And when asked about the difficulties in being both Roma and English, she asserted that "I have to carry on the rules and just get on with it really." The role of English language learning is highlighted again when she reports having been told "Speak English, you're in an English country, so don't break the rules." However pragmatic Sona's approach might appear to be, the difficulties of converging to language expectations are expressed by Jolana who states:

"They don't even know how to feel, like if you have to speak always just English, not your language, they think it's like very easy to just speak to your friends like in English if they are like from your culture and they are Roma. But they have it easy because they have English..."

This demonstrates that Jolana feels pressure to reject her own L1 in order to adapt, and evidences a lack of accommodation from L1 English speakers who have no understanding, in her view, of the difficulties in expressing oneself in a language which has had to be learned. The role of acquiring English in order to adapt is also emphasised by Ondrej, who states that the most important thing one needs to do to be English is "Like speak English. All the time... even at home". However, there is conflict reported in language as a site for identity; "I get confused; speak that language, speak language, speak that language".

6. DISCUSSION

6.1. Perceptions of Identity by Others

At least two of the participants reported negative perceptions based on their Roma ethnicity. An oft-repeated explanation for the position of the Roma is an anachronous attitude which privileges Roma ethnicity above all else and represents it as unrealistically homogenous (Levinson 2014; Engebriksen 2011). This attitude, although perhaps born from an ideological aspiration to respect and preserve a minority ethnicity (see Nistor et al. 2014), paradoxically could serve to reinforce an outdated sense of enclosed and immutable otherness. Perhaps Roma ethnicity is being singled out as the single determinant factor of identity, 'manufactured by uncompromising binarization' (Levinson 2014: 16), and there is a failure to perceive individuals of Roma ethnicity as being influenced by globalising forces which are so comprehensively discussed in relation to contemporary identity negotiations (see Bhatia & Ram 2009; Omoniyi 2010; O'Neill 2013). The findings suggest that perceptions of the participants still evidence a degree of essentialism and, in juxtaposition to Antaki and Widdecombe's (1998) interculturality perspective, that the participants' ethnic identity is ascribed permanent salience externally.

The evidence of 'othering' in the ascription of the participants' identities corresponds with McGarry and Drake's (2013) identification of them as the 'ethnic other'.

These attitudes were reported as occurring primarily in Slovakia, but the existence of the 2014 Ofsted Report into ‘Overcoming Barriers in the Roma Community’ and the ‘East European Roma Culture Awareness Guide’ (Felja & Smolinska-Poffley 2014) published specifically to aid the Metropolitan Police, suggests that in the UK Roma ethnicity is still given a great deal of special attention. Ironically, the participants’ negative perceptions in Slovakia are based entirely on their Roma ethnicity (Nistor et al. 2014) but there now appears to be a further complication of their identity; they attract negative connotations and rigid ascriptions of their ethnicity but their appearance is additionally taken as an index of ‘East European Migrant’. Tracy’s (2002) categorisation of national identity as a ‘master’ identity suggests we should not be surprised that that in the context of global movement there is a tendency to label individuals based on their geographic origins. Although much existing literature on the Roma emphasises their ethnicity as a site for oppression and persecution (Hancock 2002), here they find their identities demarcated by a cruder boundary (Edwards 2009) apparently drawn between ‘native’ British and everyone else. Their ability to adapt to this and their own self perceptions are discussed in subsequent sections.

6.2. Adaptability

For all participants, language was extensively discussed as key site of identity negotiation. All participants report speaking between three and six separate languages. Koven (2001) suggests that speaking a different language can be a way of performing a different version of the self, or in other words the acting of a social role. Dewaele (2010) posits that the connotations of that language are transferred to the speaker’s self-perception albeit in this case temporarily, perhaps a reflection of what Blommaert (2007) considers to be a deliberate act to position the self within the socio-cultural order. For Jolana the learning of English appears born of necessity. This appears to be a quite pragmatic and accommodating attitude but is perhaps evidence of only a superficial practical shift rather than having a significant influence on core identity. Furthermore there is a clear polarisation of in-group and out-group in her responses, a perspective not found in all participants. In this case, language accommodation could be considered a mechanism through which a minority culture protects itself (Levinson 2014); the acquisition of enough language to placate the need to engage with capital, but only in terms of social survival. For Jolana speaking many languages is described as ‘normal’ which suggests there may be a stable sense of the self, independent of the language spoken. The findings of Pnevmatikos et al. (2010) would seem to support this, in that the constancy of the language spoken was not reported as a key indicator of the stability of identity. At first this may be seen to contradict Zhu’s view that ‘language practices and identity are mutually dependent and interconnected’ (2014: 218) but of course we must remember that the choice *not* to speak a language is as deliberate an act as the choice to speak it. A ‘one language; one culture’ model seems erroneous here; as Edwards (2009; 205) suggests, we should be cautious of equating one particular language with a feeling of ‘groupness’; it is possible that a strong sense of group identity can prevail despite adapting to the use of alternative communicative codes.

The ability to survive, and maintain their group identity, is what Valkanova credits as one of the greatest achievements of the Roma (Valkanova, personal communication, 4/3/2015). She asserts that as a nationless ethnicity, it has been their ability to adapt without changing that has seen them prevail as a group for so long. However, underlining the imprudence of viewing the Roma as homogenous, as Levinson and Hooley (2013) warn, for Sona language practices seem to exert a stronger effect on her personal identity. She describes learning English at school as being, “so hard to really change myself”, alluding to the significance impact a different culture and language has had on her personal sense of identity, echoing Blommaert’s perspective that it is not simply learning the words of a different language, but learning how to ‘be’ (2007). The question arises here as to how far the participants are **being**, and how far they are **becoming**. O’Neill (2013) suggests that individuals become ‘actors in their own narratives’ and ‘present preferred selves who strategically negotiate interactions’ (pp. 386—7). This leads us to question whether the adaptability evidenced by the participants is always a sincere performance or an accommodation which actually serves to protect the in-group identity.

6.3. Aspirations

Two of the participants, Ondrej and Sona, demonstrate extremely positive attitudes towards the learning of English and the potential benefits this could confer upon them, but are also candid about the difficulties they have experienced when learning a new language and express a desire to create a “better future” for their own children. It is not surprising therefore to find that both these participants are two NC sub-levels above the English target for their age-group, and at least six sub-levels above the other two participants. This reflects Blommaert’s (2005) perspective that one’s life chances are dictated by one’s ability to manage movement across languages. Sona’s reflections on her progression in English consistently equate proficiency with ascension, repeating the phrase ‘push up’ in relation to continued mastery of the language, demonstrating an attitude that acquisition of the English language will increase her range of opportunities and raise her status; but this ‘push’ also connotes effort and seems to represent her own intrinsic motivation to provide what she sees as valuable cultural capital for her future children. Whilst inheritance from parent to child is often taken for granted, there is an interesting change in perspective in that both participants also describe attempts to improve their parents’ knowledge of the English language. Again the verb ‘push’ is repeated, suggesting the potential for the English language to raise her mother’s status. It also connotes the idea of struggle, and it may be that there is resistance to change, perhaps what we have previously identified as the strength of the in-group boundaries. It appears that these participants’ attitudes converge with the results of Zhu’s (2010) study in which it was found that the younger generation have the capacity to autonomously construct new cultural and social identities through interactions, and that through language socialisation they have the capacity to actively bring about changes within their own communities. The findings of this study question whether generational differences are beginning to override ethnic differences.

The potential significance that the language being acquired is English should be recognised. Crystal (1997) identifies it as the globally dominant language, and it is seen to connote status, modernity and to facilitate social advancement. For Sona, despite Romani being her L1, and only having learnt Slovakian at age four/five, she reports that English is her main language now. Previously we have questioned whether the acquisition of language is an accommodation which actually serves to protect the in-group boundaries, yet here participants seem to equate *speaking* English with *being* English, with the concomitant benefits of this (Giles & Billings 2004). The role of English as a language of prestige, modernity and global utility, may boost participants' motivation to acquire it when compared to other languages. However, if the language is acquired as a form of symbolic capital, it may not outweigh the value of the language spoken within the family if, as in this study, it is not English, as language continues to be seen as an important symbol of group identity and social solidarity (Dorian 2010).

Dewaele and Nakano (2012) remind us that the process of learning a new language can provide the motivation to achieve hitherto unimagined goals and this could be an explanation for some of the participants' rejection of in-group cultural expectations: "I just don't want the same life as they do." Pnevmatikos et al. (2010) identified early betrothal and marriage of Roma children as a central ring of their ethnic identity. In Medway, the rate of pregnancy for 15—17 year old girls has been reported as one in twenty. One participant clearly rejects the option of early marriage and this could be seen as a re-positioning of her identity in that she is not just comparing herself within her ethnic group, but within her generation and her wider peer group too. Identity comparisons outside of ethnicity are also facilitated through inclusion in mainstream education. Previous studies have emphasised the educational segregation of Roma communities and attribute to this a lack of aspirations and educational success. In this study, the participants are all enrolled in mainstream education, and there is clear evidence of an agenda in the UK of ensuring inclusion, such as the Ofsted report (2014), *Overcoming Barriers*, which highlights that pupils acquire language more readily when placed with first-language English peers, rather than being taught in segregated units. As one participant notes, "school pushed me". For two participants, exceeding their target English levels appears to be evidence of the success of this education policy and enables them to create aspirations. Of the remaining two participants, who are well below their targets, it must be noted that one has spent a great deal of time in the care of the local authority and this experience is likely to produce a confounding variable.

6.4. Self-Perceptions of Identity

The participants in this study occupy difficult territory. Despite strong self-identification as being of Roma ethnicity, all participants additionally identified strongly as 'Slovakian'. This reflects findings that "many Roma in Slovakia consider themselves to be Slovaks or Hungarians and identification with the majority is more significant than their Roma identity" (Covrig 2004: 94). Sona only ever refers to her identity as being either Slovakian or English, and Ondrej emphasises his Slovakian identity over his ethnic identity adding that his family doesn't even look like Roma. This brings another com-

plicating dimension to the negotiation of their identities, especially that Roma identity can reduce access to opportunities in Slovakia. National identity may be fundamental and inclusive (Smith, 1999) and yet, ironically, these participants report exclusion from their national identity based on their ethnicity. This may reflect the continuing binarization of the Roma as the ‘other’, and the weight attributed to the strength of their in-group culture (McGarry 2010; Levinson 2014). This reminds us of Engebriksen’s (2011: 124) advice that it is ‘urgent’ to take into consideration that the Roma are part of the majority populations in which they live; certainly for these participants their national identity is a hugely important dimension of their identity and yet one, as we see in policy documents such as the Ofsted Report (2014), which is totally overlooked. The results of this study, although small scale, demonstrate that in the case of the Roma, national identity must be taken into consideration.

6.5. Conflict

The perceptions and expectations of others are at the core of much of the conflict felt by the participants. Participants report a lack of accommodation from English L1 speakers in understanding the difficulties when communicating in English, more specifically the feelings of inability to be natural, and having to create an artificial performance, something that Pavlenko describes as ‘anguish’ (2006: 29). Perhaps here we can highlight the possibility of a revision of perceptions; rather than seeing the Roma as refusing to assimilate, a perspective reported by Miskovic 2009; Garaz 2014; Rostas and Kostka 2014; and Nistor et al. 2014, it may be useful to consider that their difficulties are similar to other multilinguals negotiating between languages and contexts.

However, it is not just feelings of discomfort when using English which are a source of conflict; Sona reports that her choice to speak English the majority of the time causes conflict within her ethnic community, “Sometimes she hits me, so I don’t speak English.” Despite the view that convergence to the dominant language code can convey a great deal of symbolic capital upon the speaker (Giles & Billings 2004), in this case, convergence with the dominant language form is not necessarily conveying any sort of prestige but has consequent negative peer evaluation (see Edwards, 2010; Marlow & Giles 2010). This draws attention to the potential difficulties that could be experienced by an individual who finds themselves caught in a web of cultural expectations which may be conflicting; as Levinson suggests, the ‘darker outcomes’ (2014: 2). Here the use of English moves beyond its denotative function and is connoting an alternative identity; Michal reports being told by a member of her community, “You’re not English, so don’t speak English”. This example of language criticism shows that for the participants in this study, the negotiation of their identity is a complex, shifting set of circumstances in which they must negotiate between criticism from the dominant culture for not speaking English but perhaps even stronger criticism from their own ethnic in-group for speaking it. Because of the small sample size and that unique geographical context it is impossible to make generalisations from this research. However, the analysis of the qualitative data allows us to question the prior conceptualisations of Roma ethnicity which have hitherto, as Pavlenko and Blackledge (2004:19) say, ‘reigned uncontested’.

7. CONCLUSION

Intercultural studies emphasise the continual negotiation of cultural membership, ascription by others and self-orientation. The results of this study suggest that there is still a strong element of ascription by others in terms of the nature of participants' ethnicity and its relationship to their identity. However, what is not considered in detail are their other cultural memberships. It is clear that the participants strongly identify with nation and therefore future research may wish to investigate this further, as opposed to continuing to align ethnic Roma with other travelling communities.

There is a paradox in that participants in this study cannot be viewed as a coherent bloc; they reported individual aspirations, identifications and attitudes. And yet, despite the differences described and the lack of a state, the Roma ethnicity has survived for a considerable time. It is necessary to consider how far the researcher may have been told what she wanted to hear, or how superficial the adaptations of the participants might be. The question remains as to the strength of endogamy and in-group identity, which as this study has shown may exist independent of language shifts, and the juxtaposition with the possibilities that the aspirations of the younger members of the community report. In a post-modern world there are greater opportunities for more complex constructions of identity. Furthermore, the participants in this study are all enrolled in mainstream education and of them, two are achieving above national targets which can also be seen as a site of alternative opportunities. There may be merit in additional cross-generational investigations of how far increased choice and opportunity might weigh against traditional ethnic constructions of identity.

Finally, more small-scale studies such as this will allow for greater opportunity for self-representation. As one participant said in her interview, on leaving the room, "I want people to know what I can do, not what I can't do, and no one knows what I can do".

© Laura Hryniewicz, Jean-Marc Dewaele, 2017

APPENDIX

The questions below were not asked in any particular order, but were used as prompts during discussion with the participants to encourage reflection on their responses.

Context Questions:

- ◆ Family/extended family resident in the UK?
- ◆ Number of Years in UK?
- ◆ Just in Medway?
- ◆ Previous countries?
- ◆ Parents speak English?
- ◆ Which language at home?

Experience/Behaviour and Opinions/Values Questions:

- 1) What do you think you need to do to be English?
- 2) What do you need to do to be Roma?
- 3) Who do you feel similar to?

- 4) Who do you feel different from?
- 5) Who do you not want to be like?
- 6) Does everyone see you in the same way?
- 7) Do you ever feel you have problems with who you are?
- 8) How far is speaking Romani an important part of your identity?
- 9) Why is speaking English important to you?
- 10) Who do you speak Romani to?
- 11) Who do you speak English to?
- 12) Do you speak any other languages?
- 13) Which is the most natural language for you?
- 14) Are you Slovakian?
- 15) Are you seen as Slovakian?
- 16) Would you ever tell someone you were something that you're not?

REFERENCES

- Antaki, C. & Widdicombe, S. (eds.) (1998) *Identities in Talk*. London: Sage.
- Bhatia, S. & Ram, A. (2009) Theorising identity in transnational and diaspora cultures: a critical approach to acculturation. *International Journal of Intercultural Relations*, 33, 140—149.
- Block, D. (2006) Identity in applied linguistics. In T. Omoniyi & G. White (eds.) *The sociolinguistics of identity*. London: Continuum, 34—49.
- Blommaert, J. (2005). *Discourse. A critical introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Blommaert, J. (2007) Sociolinguistics and discourse analysis: Orders of indexicality and polycentricity. *Journal of Multicultural Discourses*, 2, 115—130.
- Bugarski, R. (2012) Language, identity and borders in the former Serbo-Croatian area. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 33, 219—235.
- Counsell, C. (2009) Interpretivism: Meeting ourselves in research. In E. Wilson (Ed.), *School-based Research: A Guide for Education Students*. London: Sage, 251—276.
- Covrig, A. (2004) Why Roma do not declare their identity — careful decision or unpremeditated refusal. *Journal for the Study of Religions and Ideologies*, 8, 90—101.
- Cresswell, J.W. (2007) *Qualitative inquiry and research design: choosing among five approaches*. Thousand Oaks. CA: Sage.
- Crystal, D. (1997) *English as a Global Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- De Burgh Woodman, H. (2014) Homogeneity, “glocalism” or somewhere in between? A literary interpretation of identity in the era of globalisation. *European Journal of Marketing*, 48, 288—313.
- Dewaele, J.-M. (2010) The perception of French by native speakers and advanced L2, L3 and L4 learners. In V. Regan & N. Chasaide (eds.), *Language Practices and Identity Construction in French*. Bern: Peter Lang, 133—156.
- Dewaele, J.-M. & Nakano, S. (2012) Multilinguals’ perceptions of feeling different when switching languages. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 34, 107—120.
- Dewaele, J.-M., & MacIntyre, P. (2014) The two faces of Janus? Anxiety and Enjoyment in the Foreign Language Classroom. *Studies in Second Language Learning and Teaching*, 4, 237—274.
- Dorian, N. (2010) Linguistic and ethnographic fieldwork. In J. Fishman & O. Garcia (eds.), *Handbook of Language and Ethnic Identity*. Oxford: Oxford University Press, 24—41.

- Edwards, A. (2010) Learning How to Know Who: professional learning for expansive practice between organisations. In S. Ludvigsen, A. Lund & R. Saljo (eds.), *Learning across Sites*. London: Routledge.
- Edwards, J. (2009) *Language and Identity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Edwards, J. (2010) *Language Diversity in the Classroom*. Bristol: Multilingual Matters.
- Engebriksen, A. (2011) Within or outside? Perceptions of self and other among Rom groups in Romania and Norway. *Romani Studies*, 21, 123—144.
- European Union (2014) *Free Movement — EU Nationals*. Available at: <http://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=457> (Accessed: 30 December 2014).
- Extra, G. (2010) Mapping linguistic diversity in multicultural contexts: demolinguistic perspectives. In J. Fishman & O. Garcia (eds.), *Handbook of Language and Ethnic Identity* (pp. 107—122). Oxford: Oxford University Press.
- Felja, D. & Smolinska-Poffley, G. (2014) *East European Roma Culture Awareness Guide*. The Roma Support Group. (Felja, D. & Smolinska-Poffley, G. (2014). travellerstimes.org.uk/UserFiles/.../Roma-Culture-Awareness-Guide-for-Police%201.pdf.)
- Feldman, C., Stone, A., & Renderer, B. (1990) Stage, transfer and academic achievements in dialect speaking Hawaiian adolescents. *Child Development*, 6, 472—84.
- Garaz, S. (2014) Helping the marginalised or supporting the elite? Affirmative action as a tool for increasing access to higher education for ethnic Roma. *European Educational Research Journal*, 13, 295 (pp. 274—316).
- Giles, H., & Byrne, J. (1982) An intergroup approach to second language acquisition. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 3:1, 17—41.
- Giles, H., & Billings, A. (2004) Language attitudes. In A. Davies & E. Elder (eds.), *The Handbook of Applied Linguistics* (pp. 187—209). Oxford: Blackwell.
- Gumperz, J. (1982) *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hancock, I. (2002) *We are the Romani people*. Hatfield: Centre des Recherches Tsiganes (Gypsy Research Centre) and University of Hertfordshire Press.
- Hall, S. (1992) The Question of Cultural Identity. In S. Hall, D. Held, A. McGrew (eds.), *Modernity and Its Futures*. 274—316. Cambridge: Polity Press.
- Holliday, A., Hyde, M., & Kullman, J. (2004) *Intercultural Communication*. London: Routledge.
- Holliday, A. (2007) *Doing and Writing Qualitative Research*. London: Sage.
- Huysmans, J. (2006) *The Politics of Insecurity: Fear, Migration and Asylum in the EU*. London: Routledge.
- Koven, M. (2001) Comparing bilinguals' quoted performance of self and others in telling the same experiences in two languages. *Language in Society*, 30, 513—558.
- Koven, M. (2007) *Selves in Two Languages*. Amsterdam: John Benjamins.
- Leung, H., Hendley, M., Compton, R., & Haley, B. (eds.) (2009) *Imagining Globalisation: Languages, Identities and Boundaries*. New York: Palgrave Macmillan.
- Levinson, M. & Hooley, H. (2013) Supporting the learning of nomadic communities across transnational contexts: exploring parallels in the education of UK Roma Gypsies and Indigenous Australians. *Research Papers in Education*, 29, 373—389.
- Levinson, M. (2014) 'What's the plan?' 'What plan?' Changing aspirations among Gypsy youngsters, and implications for future cultural identities and group membership. *British Journal of Sociology of Education*, 36, 1149—1169.

- Marlow, M.L., & Giles, H. (2010) 'We won't get ahead speaking like that!' Expressing and managing language criticism in Hawai'i. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 31, 237—251.
- Medway Census (2011). Available at <http://www.medway.gov.uk/pdf/Census%20Report%20Final.pdf> (Accessed at 07/01/15).
- McGarry, A. (2010). *Who speaks for Roma? Political Representation of a Transnational Minority Community*. London: Continuum.
- McGarry, A. (2014) Roma as a political identity: exploring representations of Roma in Europe. *Ethnicities*, 14, 756—774.
- McGarry, A. & Agarin, T. (2014) Unpacking the Roma participation puzzle: presence, voice and influence. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 40, 1972—1990.
- McGarry, A. & Drake, H. (2013) The politicization of Roma as an ethnic "other": security discourse in France and the politics of belonging. In U. Korkut, G. Bucken-Knapp, A. McGarry, J. Hinnfors, & H. Drake (eds.), *The discourses and politics of migration in Europe*. 73—91. New York: Palgrave Macmillan.
- McGuigan, J. (2010) *Cultural Analysis*. London: Sage.
- Miskovic, M. (2009) Roma education in Europe: in support of the discourse of race. *Pedagogy, Culture and Society*, 17, 201—220.
- Murray, C. (2012) A minority within a minority? Social justice for traveler and Roma children in ECEC. *European Journal of Education*, 47, 569—583.
- Newby, P. (2010) *Research Methods in Education*. London: Routledge.
- Nistor, N., Stanciu, D., Vanea, C., Sasu, V.M., & Dragotă, M. (2014) Situated learning in young Romanian Roma successful learning biographies. *European Educational Research Journal*, 13, 311—324.
- Ofsted Annual Report (2014) Available at <https://www.gov.uk/government/collections/ofsted-annual-report-201314> (Accessed 30.12.14).
- Omoniyi, T. (2010) Borders. In J. Fishman & O. Garcia (eds.) *Handbook of Language and Ethnic Identity. Disciplinary and Regional Perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 123—134.
- O'Neill, F. (2013) Making sense of being between languages and cultures: a performance narrative enquiry approach. *Language and Intercultural Communication*, 13, 386—399.
- Panicacci, A. & Dewaele, J.-M. (2017) "A voice from elsewhere": Migration, personality and multiple selves in multiple languages. *International Journal of Multilingualism*. DOI: 10.1080/14790718.2016.1273937.
- Patton, M. (1990) *Qualitative Evaluation and Research Methods*. CA: Sage.
- Pavlenko, A. (2006) Bilingual selves. In A. Pavlenko (ed.), *Bilingual Minds Emotional Experience, Expression, and Representation*. Clevedon: Multilingual Matters, 1—33.
- Pavlenko, A., & Blackledge, A. (2004) *Negotiation of Identities in Multilingual Contexts*. Clevedon: Multilingual Matters.
- Piller, I. (2011) *Intercultural Communication: A Critical Introduction*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Pnevmatikos, D., Geka, M., & Divane, M. (2010) The emergence, structure and development of ethnic identity during childhood: the case of Roma identity. *International Journal of Psychology*, 45, 435—442.

- Rostas, I., & Kostka, J. (2014) Structural dimensions of Roma school desegregation policies in central and eastern Europe. *European Educational Research Journal*, 13, 268—281.
- Samers, M. (1998) Immigration, 'ethnic minorities' and 'social exclusion' in the European Union: a critical perspective. *Geoforum*, 29, 123—144.
- Schneeweis, A. (2012) If they really wanted to they would: The press discourse of integration of the European Roma, 1990—2006. *International Communication Gazette*, 74, 673—689.
- Sharma, M. (2011) Language and the negotiation of identity and sense of belonging: a study of literary representations of Indians in England. *Language and Intercultural Communication*, 11, 351—363.
- Smith, A. (1999) *Myths and Memories of the Nation*. Oxford: Oxford University Press.
- Tracy, K. (2002) *Everyday Talk: Building and Reflecting Identities*. New York and London: Guilford Press.
- Valkanova, Y. (2009) Being a *rara avis*: the educational experiences of Bulgarian children in schools in Great Britain. In J. Eade & Y. Valkanova (eds.), *Accession and Migration: Changing Policy, and communication*. In H. Spencer Oatey (ed.), *Culturally Speaking*. 48—70. London: Continuum.
- Vesey-Fitzgerald, B. (1973) *Gypsies of Britain: An Introduction to Their History*. Newton Abbott: David & Charles.
- Zhu, H. (2010) *Society and Culture in an Enlarged Europe*. 101—131. Farnham (UK): Ashgate.
- Zegarac, V. (2008) Culture Language socialisation and interculturality: address terms in intergenerational talk in Chinese diasporic families. *Language and Intercultural Communication*, 10, 189—205.
- Zhu, H. (2014) *Exploring Intercultural Communication*. London: Routledge.

Article history:

Received: 13 January 2017

Revised: 15 February 2017

Accepted: 22 February 2017

For citation:

Hryniewicz, L. and Dewaele, J.-M. (2017). Exploring the Intercultural Identity of Slovak Roma Schoolchildren in the UK. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2), 282—304.

Bio Note:

Laura Hryniewicz, MA in Applied Linguistics from Birkbeck, University of London, Director of Key Stage 5 at an English academy school. *Research interests*: global influence of the English language, intercultural identity. *Contact information*: e-mail: laurahryniewicz@hotmail.com

Jean-Marc Dewaele, PhD in French "Applied Linguistics", professor at Birkbeck, University of London, President of the International Association of Multilingualism, General Editor of the *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, member of editorial board of *Russian Journal of Linguistics*. *Research interests*: Second Language Acquisition, Applied Linguistics, Foreign Language Learning, Psycholinguistics, Acculturation, Intercultural Communication, Language Teaching, Language Learning, Cross-Cultural Communication, Language Acquisition, English Language, SLA, Language, Teaching English as a Foreign Language, Emotion, Bilingualism, Discourse, Pragmatics, Language Development, Quantitative Research, Foreign Languages. *Contact information*: e-mail: j.dewaele@bbk.ac.uk

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-282-304

ИЗУЧЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОМА-СЛОВАЦКИХ ШКОЛЬНИКОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Лаура Хриниевич, Жан-Марк Деваеле

Лондонский университет
26 Russell Square, WC1B 5DQ Лондон, Великобритания

Среди большого количества трудов, посвященных народности рома, сравнительно мало тех, в которых можно «услышать» голоса ее представителей. В данном исследовании, проведенном в русле межкультурной коммуникации, анализируется восприятие идентичности четырех рома-словацких школьников в возрасте 13—14 лет, живущих в Великобритании и обучающихся в государственной школе. Интервью с ними были посвящены роли языка в конструировании их идентичности, восприятию «чужих» и природе потенциальных конфликтов. В результате качественного анализа было выделено пять ведущих тем: восприятие идентичности «чужими», адаптивность, устремления, самовосприятие и конфликт. Исследование показало, что идентичности участников более динамичны, нежели считалось при традиционном бинарном подходе (McGarry & Agarin 2014). Существует устойчивая тенденция приписывать представителям рома порицаемые черты, основанные на их этнической принадлежности. В центре самовосприятия рома — их этническая и национальная идентичность.

Ключевые слова: *конструирование идентичности, этническая и национальная идентичность, межкультурная коммуникация, рома-словацкие школьники в Великобритании, качественный анализ*

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 13 января 2017

Дата принятия к печати: 22 февраля 2017

Для цитирования:

Hryniewicz L. and Dewaele J.-M. Exploring the Intercultural Identity of Slovak-Roma Schoolchildren in the UK // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 2. С. 282—304.

Сведения об авторах:

Лаура Хриниевич, магистр прикладной лингвистики (Лондонский университет, Великобритания), руководитель программы “Key Stage 5”. *Сфера научных интересов:* глобализация английского языка и проблемы межкультурной идентичности. *Контактная информация:* e-mail: laurahryniewicz@hotmail.com

Жан-Марк Деваеле, доктор, профессор кафедры прикладной лингвистики и коммуникации Лондонского университета, Президент Международной ассоциации мультилингвизма, главный редактор международного журнала *Bilingual Education and Bilingualism*, член редколлегии журнала *Russian Journal of Linguistics*. *Сфера научных интересов:* методика преподавания второго иностранного языка, прикладная лингвистика, психолингвистика, культурная идентичность, межкультурная коммуникация, обучение иностранному языку в аспекте межкультурной коммуникации, методика преподавания английского языка как иностранного, эмоции в языке, билингвизм, дискурс, прагматика. *Контактная информация:* e-mail: j.dewaele@bbk.ac.uk

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-305-319

DISCURSIVE FUNCTIONS OF JAPANESE PERSONAL PRONOUNS

Etsuko Oishi

Tokyo University of Science
1-3 Kagurazaka, Shinjuku-ku, 162-0825 Japan

Abstract. The first-person pronoun “I” refers to a particular individual as the speaker producing an utterance, and second-person “you” refers to another individual to whom the speaker directs the utterance. This well-accepted idea of personal pronouns, however, does not contribute to the explication of their functions in discourse although only first- and second-person pronouns refer to “discourse instances” (*instances de discourse*) (Benveniste 1966). This paper aims to establish the contention that the first-person pronoun “I” refers to the speaker as the addresser of an illocutionary act, and the second-person pronoun “you” refers to the hearer as the addressee of the illocutionary act. This clarifies the discursive function of the personal pronouns: they indicate participants of the illocutionary act performed in the discourse. Identifying the indicating function of personal pronouns makes it possible to analyze Japanese personal pronouns and the formality level of the discourse, which are generally assumed to be a problem case, in a consistent manner.

Keywords: *discourse, personal pronouns, Japanese, speech acts, J.L. Austin*

1. KAPLAN’S THEORY OF INDEXICALS

According to Kaplan (1989: 489), personal pronouns are indexicals along with demonstrative pronouns such as “that” and “this”, adverbs such as “here”, “now”, and “tomorrow”, and adjectives such as “actual” and “present”. Among these indexicals Kaplan identifies two types, *true demonstratives* (“he”, “she”, “that”, etc.) and *pure indexicals* (“I”, “here”, “now”, etc.). A referent of true demonstratives is fixed by the speaker’s demonstrations or intentions, whereas a referent of pure indexicals does not depend on such demonstrations or intentions. For example, the character of “I” determines the content of each of its tokens to be the speaker producing it, where a contextual factor is sufficient to determine the content.

This idea is questioned by Sidelle (1991), who introduces the Answering Machine Paradox. Since the character of “I”, “here” and “now” is a function from a contextual parameter to the referent of the expression, utterances of “I”, “here” and “now” refer, respectively, to the utterer, the location of utterance and the time of utterance. Since the sentence “I am not here now” is uttered truly if and only if the utterer is not at the location of utterance at the time of utterance, the sentence “I am not here now” may never be uttered truly; an utterer is always at the location of utterance at the time of utterance. This conclusion is at odds with the intuition that there are true instances of the sentence “I am not here now” when it is uttered on a telephone answering machine — hence the Answering Machine Paradox — and written on a post-it note and stuck on an office door when its inhabitant is not in residence.

Corazza et al. (2001) presents another problem. Imagine Joe is not in his office one day and Ben notices that a number of students keep approaching his door and knocking. They then stand around and look bemused for a while before leaving. Taking pity on these poor students wasting their time, Ben decides to attach his “I am not here today” note to Joe’s door. The trick works; the students, instead of knocking and waiting, take one look at the note and then leave. What does “I” refer to? Corazza et al. (2002) claim, at the moment a student looks at the note, it would be strange to deny that it refers to Joe.

The present paper makes the contention that Japanese personal pronouns exhibit another problem. There are several forms of first-person pronouns in Japanese, and they are differentiated by gender and the formality level of speech. Shibatani (1990: 371) describes five first-person pronouns. *Watakushi*, *watashi*, *boku* and *ore* (ordered from the most formal to the least formal) are used by male speakers. *Watakushi*, *watashi* and *atashi* (ordered from the most formal to the least formal) are used by female speakers¹. As Kaplan explains, the character of these first-person pronouns determines the content of each of their tokens to be the speaker producing it. It is, however, puzzling why there are several first-person pronouns that can refer to the same speaker. This strongly suggests that the function of the Japanese first-person pronouns is more than selecting a particular speaker as the content of each of their tokens. In the rest of the present paper, a theory of personal pronouns that replaces Kaplan’s will be introduced and, accordingly, the discursive functions of personal pronouns will be described.

2. DISCURSIVE FUNCTIONS OF PERSONAL PRONOUNS

Personal pronouns are deictic expressions, and distinguished in terms of the referent’s roles in discourse, as the speaker, the hearer and the third person (Lyons 1977, Gardelle & Sorlin 2015). Benveniste (1966) shows that only first- and second-person pronouns refer to “discourse instances” (*instances de discourse*). The present section describes discursive functions of first- and second-person pronouns. First, terminologies used in speech act theory are introduced.

Austin ([1962] 1975: 14—15) distinguishes a certain person in certain circumstances who utters certain words to bring about a certain conventional effect, that is, an illocutionary effect (described in felicity condition [A.1]) from a person in a given case (described in felicity condition [A.2]). Given below are Austin’s felicity conditions:

- (A.1) There must exist an accepted conventional procedure having a certain conventional effect, that procedure to include the uttering of certain words by certain persons in certain circumstances, and further,
- (A.2) the particular persons and circumstances in a given case must be appropriate for the invocation of the particular procedure invoked.
- (B.1) The procedure must be executed by all participants both correctly and
- (B.2) completely.

¹ Shibatani (1990: 371) describes four second-person pronouns in Japanese: *anata*, *kimi*, *anta* and *omae* (ordered from the most formal to the least formal) used by male speakers; *anata* and *anta* are used by female speakers, and *anata* is more formal than *anta*.

(Г.1) Where, as often, the procedure is designed for use by persons having certain thoughts or feelings, or for the inauguration of certain consequential conduct on the part of any participant, then a person participating in and so invoking the procedure must in fact have those thoughts or feelings, and the participants must intend so to conduct themselves, and further

(Г.2) must actually so conduct themselves subsequently.

(Austin 1975: 14—15)

Using Austin's examples of explicit performatives, let us explain the distinction between (i) a certain person who brings about an illocutionary effect and (ii) a person in a given case:

(E. a) 'I do (sc. Take this woman to be my lawful wedded wife)' — as uttered in the course of the marriage ceremony.

(E. b) 'I name this ship the *Queen Elizabeth*' — as uttered when smashing the bottle against the stem.

(E. c) 'I give and bequeath my watch to my brother' — as occurring in a will.

(E. d) 'I bet you sixpence it will rain tomorrow.'

(Austin 1975: 5)

The first-person pronoun "I" in these examples does not only refer to a speaker in a given case, but also indicates the performer who brings about the illocutionary effect of vowing, naming, bequeathing, or betting. We refer to a speaker in a given case as a *speaker* and to the performer of an illocutionary act as the *addresser*. In the case of explicit performatives, a speaker in a given case explicitly refers, by the first-person pronoun "I", to her/himself as the addresser of a particular illocutionary act: the pronoun "I" refers to the speaker and indicates the addresser of the illocutionary act.

Similar duality exists in the second-person pronoun "you". A conventional illocutionary effect is brought about on a certain person, that is, the target recipient of an illocutionary act. We call this person the *addressee* of the illocutionary act, who is distinguished from a *hearer* in a given case, to whom the speaker speaks. Consider the following examples:

(1) I welcome you.

(2) I apologize to you.

(3) I appoint you to the Chief Justice of the Supreme Court.

(4) I object to you.

Using the second pronoun "you", a speaker in each of these cases refers to the hearer to whom s/he speaks, as the target recipient of the illocutionary act of welcoming, apologizing, appointing or objecting; "you" indicates the target recipient of the illocutionary act, as well as referring to the hearer in the case.

Austin's speech act theory reveals complicated discursive situations ("discourse instances" in Benveniste's term). An individual is referred to by first person pronoun "I" not only in terms of her/his discursive role of saying something to someone to express her/himself, but also in terms of her/his discursive role of the addresser of a particular illocutionary act. A hearer is referred to by the second-person pronoun "you" not only

in terms of her/his discursive role of being spoken to by the speaker, but also in terms of her/his discursive role of the addressee of a particular illocutionary act. A speaker in a given case, that is, in a given discourse, performs a particular illocutionary act as the addresser, while identifying the hearer as the addressee of the act². This is illustrated in the following diagram.

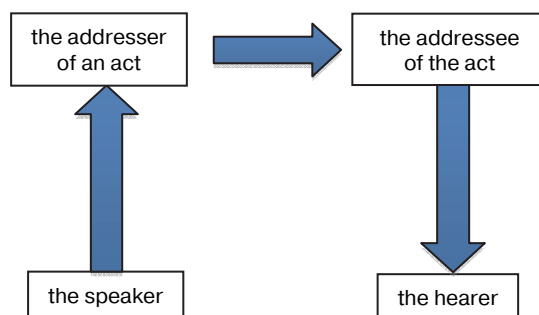

Diagram 1: the model of the illocutionary act

Goffman (1981: 144) also distinguishes different discursive functions of the speaker, which he describes as *animator*, *author* and *principal*. An animator is “a body engaged in acoustic activity” or “an individual active in the role of utterance production”. An author “has selected the sentiments to be expressed and the words in which they are encoded”. A principal is “someone whose position is established by the words that are spoken, someone whose beliefs have been told, someone who is committed to what the words say”.

There are some similarities between Goffman’s and Austin’s ideas. Goffman’s concept of animator corresponds to the speaker performing a *locutionary* act in Austin (1975: 92—93): it is an act of saying something, which is composed of (i) the *phonetic* act of uttering certain noises, (ii) the *phatic* act of uttering certain vocables or words and (iii) the *rhetic* act of using that pheme (in the phatic act) or its constituents with a certain more or less definite sense and reference. Goffman’s concept of author corresponds to the speaker in a given discourse performing an illocutionary act, and Goffman’s concept of principal corresponds to the addresser of an illocutionary act. Goffman’s triadic distinctions of the speaker and their correspondence to the speech-act-theoretic model are illustrated in Diagram 2:

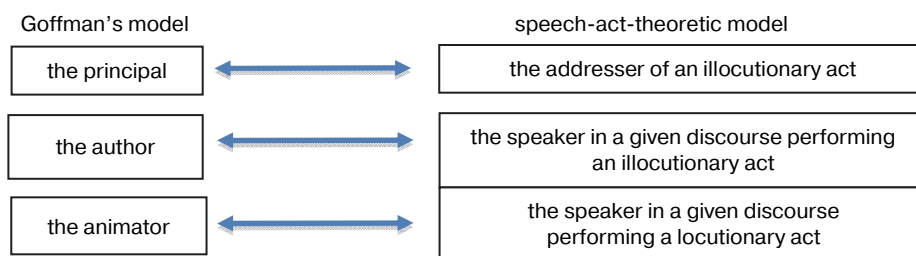

Diagram 2: Goffman’s triadic distinctions of the speaker

² See Oishi and Fetzer (2016) and Oishi (2014).

The animator, the author and the principal of an utterance are all referred to or indicated by the first-person pronoun. Since it has been shown that both the speaker and the addresser, who correspond to the author and the principal in Goffman (1981), are referred to or indicated by the first-person pronoun, let us show the animator is referred to by it:

(5) (a knock on the door)

A: Who is it?

B: It's me.

The first person pronoun “me” refers to the individual active in the role of this utterance production, and speaker A identifies who speaker B is by means of the characteristics of the speaker as an animator, that is, the acoustic features of the utterance.

In addition to these distinct concepts of participants of the discourse, an individual who belongs to the world that is spoken about is referred to by first- and second-person pronouns. Goffman calls such an individual a *figure*.

... as speaker, we represent ourselves through the offices of a personal pronoun, typically, “I,” and it is thus a *figure* — a figure in a statement — that serves as the agent, a protagonist in a *described* scene, a “character” in an anecdote, someone, after all, who belongs to the world that is spoken about, not the world in which the speaking occurs (Goffman 1981: 147) (the emphases are Goffman's).

The identification of these different concepts of discursive participants and figures in the world that is spoken about allows us to clarify the confusions which are caused by different uses of the first-person pronoun “I” and the second-person pronoun “you”. This is the target of the following section.

3. THE ANSWERING MACHINE PARADOX AND THE “I AM NOT HERE TODAY” NOTE

Sidelle (1991) claims that, according to Kaplan's theory, the sentence “I am not here now” may never be uttered truly because an utterer is always at the location of utterance at the time of utterance. This is in conflict with our intuition that the sentence can be uttered truly as an answering machine message.

As we argued in the preceding section, the first-person pronoun “I” refers to the speaker (as the animator and the author of an utterance) and indicates the addresser of an illocutionary act (the principal of an utterance), and, as Goffman (1981) observes, the pronoun can also refer to the speaker as a figure in the world that is spoken about. “I” in the sentence “I am not here now” refers to (i) the speaker performing a locutionary act, or the animator who produced the utterance and (ii) the speaker performing an illocutionary act, or the author who has selected the sentiments to be expressed by the sentence “I am not here now”, and indicates (iii) the addresser of the act of informing, more specifically, the addresser informing the addressee about someone's whereabouts, or the principal who is committed to the truth of affirming someone's whereabouts. “I” also refers to the speaker as a figure in the world about whom the addresser has per-

formed the illocutionary act of informing, or a figure in the world that the principal affirms about (and s/he is committed to its truth). This is shown in the following diagram:

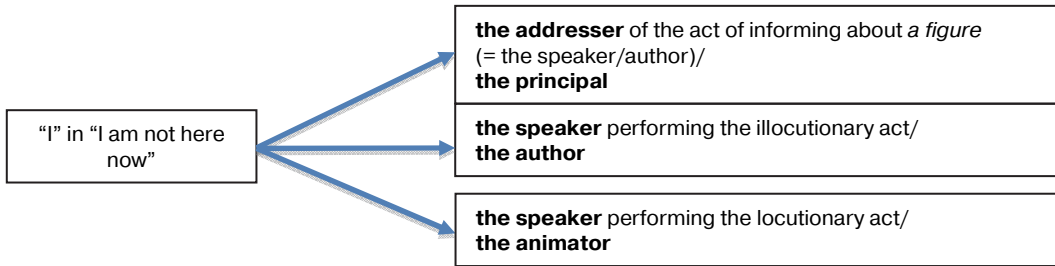

Diagram 3: "I am not here now"

Because the illocutionary act that the speaker performs is the recorded act, the speaker as a figure can be away from the place of utterance, which makes the utterance true³.

The problem that Corazza et al. (2002) pose is a little more complicated. Since the "I am not here today" note is written by Ben, Ben is the writer performing the locutionary act, or the animator who wrote the note. However, Ben does not do this on his own authority, but for the sake of Joe: Ben does what Joe would have done if he had known that his students would keep visiting his office and wasting their time. Therefore, the speaker performing the illocutionary act, or the author, who is referred to by "I", is Joe, not Ben. Just as the utterance of "I am not here now" on the answering machine, "I" in "I am not here today" indicates the addresser of the act of informing, or the principal who is committed to the truth of affirming about someone's whereabouts. "I" also refers to the speaker as a figure in the world about whom the addresser has performed the illocutionary act of informing, or a figure in the world about whom the principal affirms (and s/he is committed to its truth). This is shown in the following diagram:

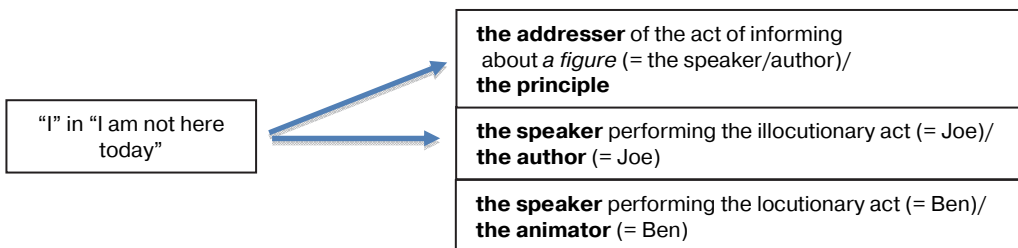

Diagram 4: "I am not here today"

Kaplan (1989) characterizes the referent of a token of "I" as the speaker who produces it, where the term "the speaker" is used somewhat loosely. The speaker who performs an illocutionary act, or the author, is not distinguished from the speaker as a figure,

³ Sidelle (1991) reaches a similar conclusion by claiming that an utterance can be *deferred*: the utterance takes place when the message is heard by the hearer or read by the reader (the decoding time) *not* when it is recorded or written (the encoding time).

about whom the illocutionary act is performed. Sidelle (1991) identifies this problem as the Answering Machine Paradox. The speaker who performs an illocutionary act, or the author, is not distinguished from the speaker who is performing a locutionary act, or the animator, either. This is pointed out by Corazza et al. (2002). Furthermore, the addresser of a particular illocutionary act who is indicated by “I” is not included in Kaplan’s theory. The analysis of the addresser of an illocutionary act, however, cannot be replaced by that of the speaker who performs an illocutionary act, or the author. To prove this point, Nunberg’s (1993) analysis of first- and second-person pronouns will be examined in the following section.

4. PERSONAL PRONOUNS AND PROPER NAMES

Nunberg (1993: 20—21) claims that “I” and singular “you” can contribute properties in utterances that express general propositions. Consider the following examples:

- (6) *Condemned prisoner*: I am traditionally allowed to order whatever I like for my last meal.
- (7) *President*: The Founders invested me with sole responsibility for appointing Supreme Court justices.
- (8) *Chess teacher giving an introductory lesson to a student who has just played 4. N × P...*: According to all the textbooks, you often get in trouble with that move.

These utterances allow the general readings: “I”, “me” and “you” do not only refer to a particular speaker or hearer, but generally to the condemned prisoner, the president, and the person who plays 4 x P..., respectively. These general readings are, however, not available when a name or referentially used description is put in the place of the indexical, as the following examples show:

- (9) Darnay (the prisoner currently in cell 15) is traditionally allowed to order whatever he likes for his last meal.
- (10) The Founders invested George Bush (the man who ordered the invasion of Panama) with sole responsibility for appointing Supreme Court justices.
- (11) According to all the textbooks, Bill (my neighbor) often gets in trouble with that move.

Let us re-analyze these examples on the basis of the model of first- and second-person pronouns we have proposed.

In uttering “I am traditionally allowed to order whatever I like for my last meal” (in [6]), the speaker performs an illocutionary act of an exercitive type (Austin 1975: 155—57). By the first-person pronoun “I”, the speaker refers to her/himself as the addresser of exercising her/his rights, who is, according to Austin’s (1975: 14) felicity condition (A.1), a condemned prisoner who has the rights to order whatever s/he likes for her/his last meal. In this use, “I” both refers to the speaker and indicates the addresser of the illocutionary act. “Darnay” (the prisoner currently in cell 15) in the utterance “Darnay ... is traditionally allowed to order whatever he likes for his last meal” (in [9]), on the other hand, refers only to a figure in the world whose rights as a condemned prisoner are affirmed. Obviously, “Darnay” does not indicate the addresser of the act of affirming the condemned prisoner’s rights, which is an expositive illocutionary act

type (Austin 1975: 161—63). The name “Darnay” does not indicate the addresser of exercising her/his rights as a condemned prisoner (as “I” in the utterance [6]), either. This is illustrated by the following diagram:

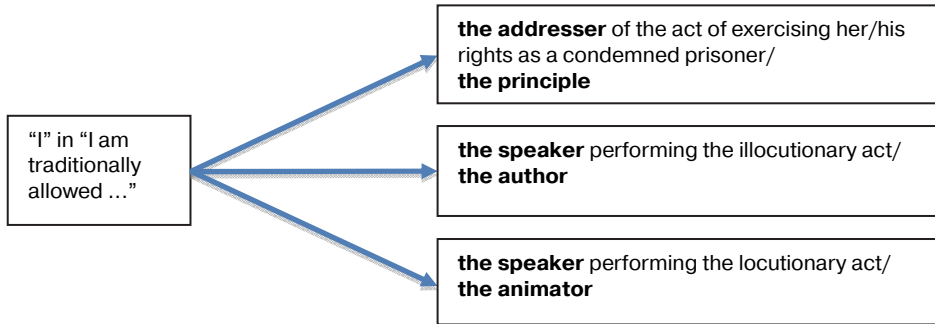

Diagram 5: “I am traditionally allowed to order whatever I like for my last meal”

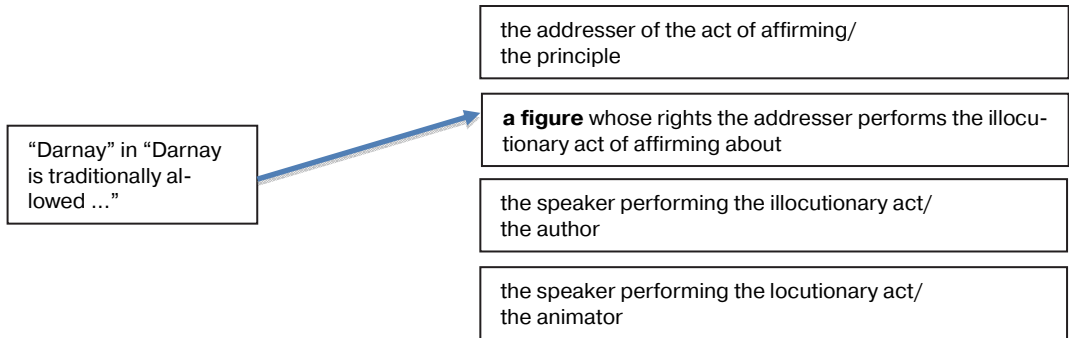

Diagram 6: “Darnay is traditionally allowed to order whatever he likes for his last meal”

The same is true with the second-person pronoun “you”. In uttering “According to all the textbooks, you often get in trouble with that move” (in [8]), the speaker refers, by “you”, to the hearer in this discourse as the addressee of the exercitive illocutionary act of warning: according to the felicity condition (A.1), a less knowledgeable chess player who is making a bad move. When “you” is replaced by name “Bill”, it refers only to a figure in the world whose chess move is described as a bad move. The name does not indicate the addressee of the illocutionary act of warning or describing. Let us show this in diagram 7 and 8.

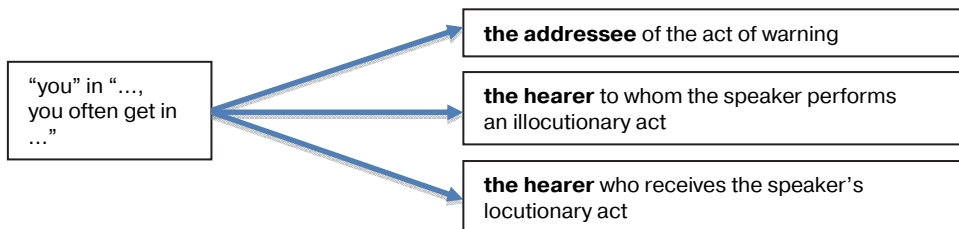

Diagram 7: “According to all the textbooks, you often get in trouble with that move”

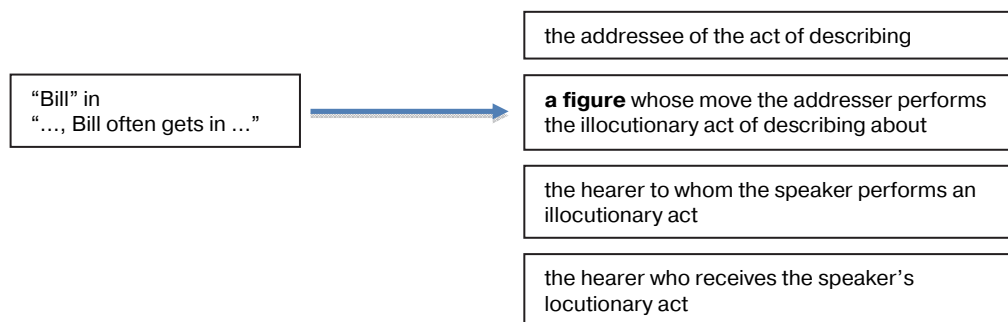

Diagram 8: “According to all the textbooks, Bill often gets in trouble with that move”

Nunberg (1993: 20—21) says that “I”, “me”, and “you” in utterances (6) to (8) contribute *properties* in utterances that express *general propositions*. This is because “I” in utterance (6) indicates the addresser of the illocutionary act of exercising, that is, a condemned prisoner who asserts the right of ordering whatever s/he likes for her/his last meal, and other speakers in an equivalent situation can be the addresser of this type of illocutionary act. “You” in utterance (8) indicates the addressee of the act of warning, that is, a less knowledgeable chess player whose move is warned about, and other hearers in an equivalent situation can be the addressee of this type of illocutionary act. Unlike the first- and second-person pronouns “I”, “me”, and “you”, the names in the examples (9) to (11) do not have the discursive function of indicating the addresser or addressee of an illocutionary act.

So far we have described the double discursive function of first- and second-person pronouns: the function of referring to a speaker or hearer in a given case, and indicating the addresser or addressee of an illocutionary act. There is, however, a specific case in which the addressee of an illocutionary act is indicated by the second-person pronoun “you” without a hearer being referred to by it. Consider the following example:

- (12) *You’re* — I don’t mean you personally — *you’re* going to destroy us all in a nuclear war (Kitagawa & Lehrer 1990: 743).

A European woman utters this to one of the authors talking about American political and military policy in Europe. Kitagawa & Lehrer (1990: 743) analyze the utterance as follows: “In this utterance, the referents of (italicized) *you* are not specified in a way whereby the hearer could pick out the individuals. Yet, *you* here could not be replaced by *one* as in the case of impersonal pronouns...”.

To analyze this utterance, let us first add numbers to the token of “you”:

- (13) You₁’re — I don’t mean you₂ personally — you₃’re going to destroy us all in a nuclear war.

“You₁” refers to the hearer in this discourse and indicates the addressee of an illocutionary act. “You₂” refers only to the hearer (“...you₂ personally”), which suggests “you₁” only indicates the addressee of the illocutionary act. Accordingly, “you₃”, which is the repeated utterance of “you₁”, indicates the addressee of the behaviorative illocu-

tionary act of criticizing (Austin 1975: 160—61): a person who is being criticized for support for American political and military policy in Europe. This is shown in the following diagram:

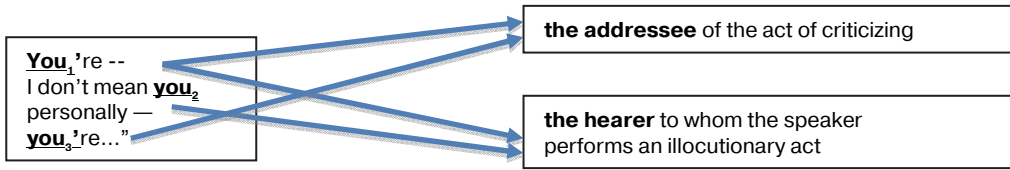

Diagram 7: “You₁’re — I don’t mean you₂ personally — you₃’re going to destroy us all in a nuclear war”

In this example, the addressee of the illocutionary act of criticizing is explicitly indicated by the phrase “I don’t mean you personally”, which is a *hedge* (Brown & Levinson 1987: 164) or *metacommunication comment* (Fetzer 2013: 699). This, in turn, serves as evidence for the double function of the second-person pronoun “you”. The speaker is aware that “you” indicates the addressee of the illocutionary act of criticizing as well as referring to the hearer in this discourse, and finds it necessary to indicate explicitly the addressee without referring to the hearer (and does so by using the hedge or metacommunication comment of “I don’t mean you personally”).

5. PERSONAL PRONOUNS IN JAPANESE

The arguments in the preceding sections strongly suggest that we need a *pragmatic* theory in which (i) the referents of personal pronouns “I” and “you” are distinguished in more fine-grained ways than Kaplan’s (1989), and (ii) the discursive functions of these pronouns are described fully.

What discursive functions are marked by different forms of first- and second-person pronouns of languages like Japanese?

Personal pronouns are found in most, if not all, languages. Goddard and Wierzbicka (1994: 37) claim that “I” and “you” are universal semantic primitives which are attested as distinct lexical elements in every human language known to date. According to Gardelle & Sorlin (2015: 5), Japanese personal pronouns exhibit a problem case to universality of personal pronouns:

Whether absolute universality can actually be claimed is a matter of some debate, due to problem cases in Southeast Asian languages such as Burmese, Thai or Japanese, in which ‘pronouns’ are derived from nominal forms (Bhat 2004: 30). For instance, in Burmese, the first-person pronouns are derived from the noun *cun* ‘slave’ [...], while second-person pronouns are derived from religious titles (Bradley 1993: 158). In Japanese, ‘personal pronouns’ are obtained from nouns of occupation or status titles, and have different forms depending on sex, age, social status or emotional correlation [...]. Some studies, however (e.g. Hinds 1986: 241; Diller 1994), find that these forms also show some characteristics which set them apart from basic nominals.

Some linguists analyze Japanese personal pronouns broadly including the use of nouns of occupations or status (Suzuki 1973; Kuroda 1965) on which Gardelle & Sorlin’s (2015) description of Japanese personal pronouns seems to be based. Let us, however, analyze more straightforward personal pronouns in Japanese.

Watakushi, *watashi*, *atashi*, *boku* and *ore* are first-person pronouns. *Watakushi* means a person (in contrast to a figure who belongs to the public sphere of the world⁴), and is used as a first-person pronoun, and *watashi* and *atashi* are colloquial forms of *watakushi*, and *atashi* is used by female speakers. The Chinese character which is pronounced as *boku* now was pronounced as *yatsukare/yatsugare*, which was a humble first-person pronoun in old times⁵, but, since the Meiji era (1868 to 1912), *boku* has been generally used as a first-person pronoun for male speakers. *Ore* is a self-referring form of a speaker when the hearer is socially equal to, or lower than the speaker. It was used by both male and female speakers, but, since the Azuchi Momoyama era (1568 to 1598), it has been used as a first-person pronoun for male speakers⁶.

The first-person pronouns for male speakers, *watakushi*, *watashi*, *boku* and *ore* are ordered from the most formal to the least formal (Shibatani 1990: 371) on the basis of the understandings that (i) colloquial forms are less formal than non-colloquial forms, and (ii) a speaker uses a less formal form when s/he addresses a hearer who is socially equal to, or lower than, her/him. The first-person pronouns for female speakers, *watakushi*, *watashi* and *atashi* are ordered from the most formal to the least formal on the same understandings.

Anata, *kimi*, *anta* and *omae* are second-person pronouns. *Anata* originally means a place which is physically or temporally far away, or a person in that place, and it has been used as an honorific form of the second-person pronoun since the Edo era (1603 to 1867). *Anta* is a colloquial form of *anata*. *Kimi* is used as a less formal form of the second-person pronoun. It was used by both male and female speakers until the Heian era (794 to 1192), but it is now used by male speakers. *Omae* was used as an honorific form of a second-person pronoun, but the word lost the function as an honorific, and since the Meiji era, it has been used when a speaker addresses a hearer who is socially equal to, or lower than, the speaker⁷.

The second-person pronouns for male speakers, *anata*, *kimi*, *anta* and *omae* are ordered from the most formal to the least formal (Shibatani 1990: 371) according to the understandings of formality explained above⁸. *Anata* and *anta* are used by female speakers, and *anata* is more formal than *anta* because the latter is a colloquial form of the former.

Why do these different forms of the first- and second-person pronouns exist? The differences among these forms do not contribute at all to selecting a particular speaker because of the function of the speaker as an animator. They hardly contribute to selecting a particular hearer because nonverbal communicative tools such as eye-gaze and posture work more efficiently. These differences rather show different social relationships between a speaker and a hearer in a given discourse. By using a particular first-person pronoun, the Japanese speaker indicates the speaker's social status (or stance) vis-à-vis the hearer in the discourse. Similarly using a particular second-person pronoun, the Japa-

⁴ Iwanami Kogo Jiten (Iwanami Old-Japanese Dictionary).

⁵ *Yatsukare* was used in *Nihon Shoki* (the Chronicle of Japan), published in 720.

⁶ Iwanami Kogo Jiten (Iwanami Old-Japanese Dictionary) and *Super Dai Jirin*, which is a Japanese dictionary.

⁷ Iwanami Kogo Jiten (Iwanami Old-Japanese Dictionary) and *Super Dai Jirin*.

⁸ The above mentioned dictionaries do not specify *omae* as a second-person pronoun for male speakers, but *omae* seems to be used predominantly by male speakers.

nese speaker indicates the social status of the hearer vis-à-vis the speaker in the discourse. In other words, Japanese personal pronouns do not only refer to discourse participants in terms of their discursive role as a speaker or hearer, but also mark an extra characterization of social statuses of the discourse participants.

For example, in addition to referring to the speaker (animator and author) and indicating the addresser of a particular illocutionary act (principle), the first-person pronoun *ore* indicates the social status (or stance) of a male person: he is communicating with a hearer who is socially equal to, or lower than him. As well as referring to the hearer and indicating the addressee of an illocutionary act, the second-person pronoun *anata* indicates the hearer's social status: her/his social status is such that s/he should be communicated with respect. This is illustrated in the following diagram:

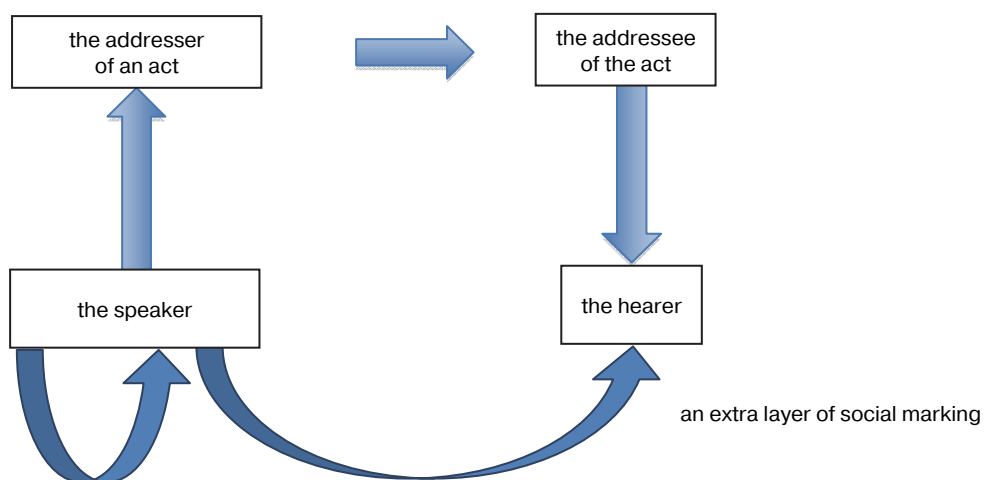

Diagram 8: social marking made by Japanese personal pronouns

Let us examine one example. Sinichi Tsutsumi, who became an actor after working as a stagehand, refers to his past utterance “*Ore omoteni detaku nainya*”^{9, 10} (I do not want to be on the stage) to perform the illocutionary act of protesting, which is a behabitive type (Austin 1975: 160—161). This utterance can be analyzed in the following way:

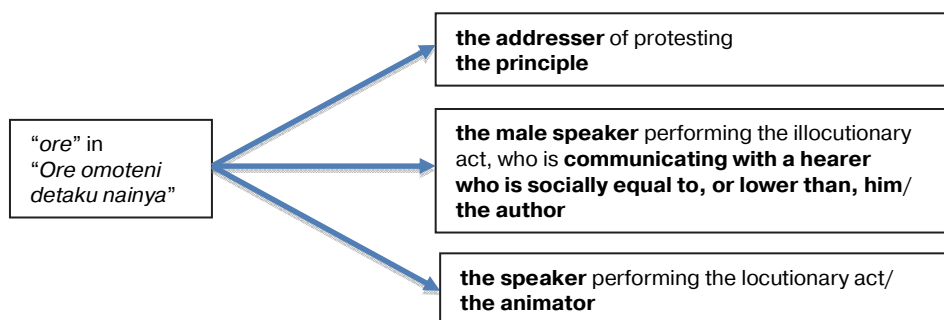

Diagram 9: “*Ore omoteni detaku nainya*” (I do not want to be on the stage)

⁹ “Nainya” is a regional-dialect form of “nainda”.

¹⁰ <http://eiga.com/movie/77297/interview/>.

As “ore” in “*Ore omoteni detaku nainya*” exemplifies, Japanese first-person pronouns do not only refer to an individual in a given discourse neutrally as the speaker performing a particular illocutionary act: they specify the speaker in terms of her/his social status vis-à-vis the hearer to whom s/he speak. Similarly, Japanese second-person pronouns does not refer neutrally to the hearer to whom a speaker speaks in a given discourse, but specifies her/him in terms of her/his social status vis-à-vis the speaker.

6. THE CONCLUSION

On the basis of Austin’s speech act theory, the present paper models discursive situations by describing functions of personal pronouns. An individual is referred to by the first person pronoun “I” not only in terms of her/his discursive role of saying something to someone to express her/himself, but also in terms of her/his discursive role of the addresser of a particular illocutionary act. A hearer is referred to by the second-person pronoun “you” not only in terms of her/his discursive role of being spoken to by a speaker, but also in terms of her/his discursive role of the addressee of a particular illocutionary act.

Japanese personal pronouns reveal another way of characterizing an individual in discourse: social characterization of her/him vis-à-vis the hearer who s/he speaks to, or the speaker who speaks to her/him. By using a particular first-person pronoun, an individual is indicated as a speaker communicating with a hearer informally, or as a speaker who is communicating with a hearer who is socially equal to, or lower than, the speaker. An individual can be indicated as a male or female speaker. Similarly, using a particular second-person pronoun, an individual is indicated as a hearer with whom the speaker is communicating with respect, or as a hearer who is socially equal to, or higher than the speaker.

These descriptions of personal pronouns demonstrate how discourse participants refer to themselves or hearers by personal pronouns, and explicitly perform an illocutionary act by indicating themselves and hearers as the addresser and addressee of the act, respectively. In addition, Japanese speakers develop a discourse of a particular social type by indicating the social relationship between them and hearers, or the formality level of their communication.

© Etsuko Oishi, 2017

REFERENCES

- Austin, J.L. ([1962] 1975) *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press.
- Benveniste, E. (1966) *Problèmes de linguistique générale*. Volume 1, Paris: Gallimard.
- Bhat, D.N.S. (2004) *Pronouns*. Oxford: Oxford University Press.
- Bradley, D. (1993) Pronouns in Burmese-Lolo. *Linguistics of the Tibeto-Burmean Area* 16(1), 157—215.
- Brown, P., Levinson, S. (1987) *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Corazza, E., Fish, W., Gorrivett, J. (2002) Who is I? *Philosophical Studies* 107, 1—21.
- Diller, A. (1994) Thai. In: Goddard, C., Wierzbicka, A. (eds.) *Semantic and Lexical Universals: Theory and Empirical Findings*. Amsterdam: John Benjamins, 149—170.
- Fetzer, A. (2013) The structuring of discourse. In: Sbisà, M., Turner, K. (eds.) *Handbooks of Pragmatics: Volume 2 Pragmatics of Speech Actions*. Berlin: De Gruyter Mouton, 685—711.

- Gardelle, L., Sorlin, S. (2015) Personal pronouns: an exposition. In: Gardelle L., Sandrine, S. (eds.), *The Pragmatics of Personal Pronouns*. Amsterdam: John Benjamins, 1—23.
- Goddard, C., Wierzbicka, A. (1994) *Semantic and Lexical Universals: Theory and Empirical Findings*. Amsterdam: John Benjamins.
- Goffman, E. (1981) *Forms of Talk*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Hinds, J. (1986) *Japanese*. London: Croom Helm.
- Kaplan, D. (1989) Demonstratives: an essay on the semantics, logic, metaphysics, and epistemology of demonstratives and other indexicals. In: Almog, J., Perry, J., Wettstein, H. (eds.), *Themes from Kaplan*. Oxford: Oxford University Press, 481—563.
- Kitagawa, C., Lehrer, A. (1990) Impersonal uses of personal pronouns. *Journal of Pragmatics* 14, 739—759.
- Kuroda, S. (1965) *Generative Grammatical Studies in the Japanese Language*. Ph.D. Dissertation, M.I.T.
- Lyons, J. (1977) *Semantics*, Vols. 1 and 2. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nunberg, G. (1993) Indexicality and deixis. *Linguistics and Philosophy* 16, 1—43.
- Oishi, E. (2014) Evidentials in entextualization. *Intercultural Pragmatics* 11, 437—462.
- Oishi, E., Fetzer, A. (2016) Expositives in discourse. *Journal of Pragmatics* 96, 49—59.
- Shibatani, M. (1990) *The Languages of Japan*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sidelle, A. (1991) The answering machine paradox. *Canadian Journal of Philosophy* 21, 525—539.
- Suzuki, T. (1973) *Kotoba to Bunka* (Language and Culture). Tokyo: Iwanami.

Article history:

Received: 30 January 2017

Revised: 28 February 2017

Accepted: 01 March 2017

For citation:

Oishi, E. (2017). Discursive functions of Japanese Personal Pronouns. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2), 305—319.

Bio note:

Etsuko Oishi. Dr, Professor at Tokyo University of Science, member of editorial board of *Russian Journal of Linguistics*. Research Interests: Pragmatics, Speech Act Theory, Discourse Analysis, Societal Pragmatics, English Language Education, Philosophy of Language. Contact information: e-mail: oishi@rs.tus.ac.jp

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-305-319

ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ ЯПОНСКИХ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

Етсуко Ойши

Токийский исследовательский университет
1-3 Kagurazaka, 162-0825 Токио, Япония

Местоимение первого лица «я» относится к определенному индивидууму, выступающему в роли говорящего, в то время как местоимение второго лица «ты/вы» обращено к адресату сообщения. Однако этот общепринятый подход к личным местоимениям не позволяет в должной мере

объяснить их функции в дискурсе, хотя только местоимения первого и второго лица относятся к т.н. «дискурсивным инстанциям» (*instances de discours*, Benveniste). Цель статьи — показать, что местоимение первого лица «я» относится к говорящему как адресанту иллокутивного акта, а местоимение второго лица «ты/вы» — к слушателю как адресату иллокутивного акта. Такой подход проясняет дискурсивную функцию личных местоимений. Определение указательной функции личных местоимений позволяет последовательно анализировать японские личные местоимения и уровень формальности дискурса, представляющий определенную трудность для исследователей.

Ключевые слова: *дискурс, личные местоимения, японский язык, речевой акт, speech acts, Дж. Л. Остин*

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 30 января 2017

Дата принятия к печати: 01 марта 2017

Для цитирования:

Oishi E. Discursive functions of Japanese Personal Pronouns // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 2. С. 305—319.

Сведения об авторе:

Етсуко Ойши, доктор, профессор в Токийском исследовательском университете, член редколлегии журнала *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. *Сфера научных интересов:* прагматика, теория речевого акта, дискурс-анализ, социальная прагматика, методика преподавания английского языка, философии языка. *Контактная информация:* e-mail: oishi@rs.tus.ac.jp

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-320-334

NARRATIVES ABOUT DISPLACEMENT AND STIGMATIZATION OF IDENTITIES

Maria do Carmo Leite de Oliveira,
Carla Mirelle de Oliveira Matos Lisboa

Pontifical Catholic University of Rio de Janeiro
225 Rua Marquês de São Vicente, 22453-900 Gávea, Rio de Janeiro, Brazil

Abstract. The displacement of people who leave their home to live in the streets is one of the social dramas commonly found in large urban areas. Despite forming a heterogeneous population group, these people are seen by society as one homogenous crowd, grouped together based on the generalizations of negative categorizations attributed to them. This article analyzes the displacement storytelling of a woman who lost her house to heavy rainstorms, which forced her to go live in the streets with her seven youngest children. Based on the concepts of membership categorization analysis, stigma and talking back, we aim to investigate how this former street dweller refutes the stigmatized identities that she knows are attributed to her, as well as how she claims an alternative identity. Her narrative was produced in the context of an interview for research on life stories. The results show that the storyteller seeks to build a coherent narrative for her own self by adopting a belief system to organize her life story and by providing explanations to the events in her life. Accordingly, she blames the street dwellers' deviant behavior on the street environment, and also claims her status as a member of the "family" collection by invoking the dominant discourse on motherhood as an ideal of female fulfillment. Ultimately, this study highlights the importance of knowing the native categories, that is, the categories created by the members of the group whose actions are being studied, which challenge the categories conceived by outsiders.

Keywords: *conversation analysis theory, discourse, homeless people, stigma, identity, talking back, internal displacement, narratives*

1. INTRODUCTION

The displacement of people, whether external when crossing a border or internal when leaving an area or one's own home, is one of the contemporary social dramas where people are forced, for a variety of reasons, to abandon their homes, often without the possibility of returning.

Generally speaking, after being displaced, war refugees or people who leave their homes within a territory start being subjected to a stigmatized identity, which only compounds their suffering and makes adapting to the new reality even more difficult.

In today's big cities, one of the most common types of internal displacement is people leaving their homes to live in the streets following natural, economic or psychological adversities. Major urban areas are characterized by a large number of homeless people who, despite living in the same streets we walk on every day, are invisible to society. Some of the negative categorizations attributed to them are *lazy*, *addicted* and *violent*.

In the case of displaced women dwelling in the streets, identity stigmatization is even stronger due to the prevailing discourse on feminine identity. Negative judgments

are even more severe when these homeless women have children or get pregnant while under such circumstances. Due to the dominant notions surrounding motherhood, they are seen as irresponsible and lacking in childcare capabilities.

This article analyzes the displacement storytelling of a woman who lost her house to a heavy rainstorm. She was forced to live in the streets with her children and got pregnant with her eighth child while in this situation. The narrative was generated based on the Conversation Analysis Theory (Mandelbaum 2013) which states that storytelling is a recognizable activity through which tellers execute a social action. Citing Schegloff (1997: 97), Mandelbaum (2013: 492) reminds us that “the focus on *telling* also facilitates the observation that with stories, tellers not only relate experiences but simultaneously complain, blame, account, justify and so on”. The narrative studied in this paper was produced in the context of a research interview, with the teller in the second position, i.e., responding to the interviewer’s requests (Schegloff 1997, Sidnell 2010).

Using an ethnomethodological approach, we aim to analyze how the interviewed negotiates her stigmatized identities — very prevalent in the popular common sense — as a homeless person and how she builds herself as an outsider of this group.

Despite the relevance of analyzing homeless people’s storytelling in order to examine how they experience and express issues such as inequality and social exclusion (Schneider and Remillard 2013), there are few linguistic studies focused on homeless people’s stories. Taking this into account, we aim to fill this gap and contribute to the studies about identity and stigma.

This article is divided into six parts, with the first three outlining the theoretical basis for our analysis. In the first one, we focus on the concepts of identity and category; in the second one, we deal specifically with the “mother” category; in the third one, we present the concepts of stigma and talking back. The fourth section comprises the methodological aspects of this research, and the fifth and sixth describe the results obtained. This article ends with some final considerations.

2. IDENTITIES AND CATEGORIES

People do not have a single identity and do not assume permanent positions. Identities are very complex, built through discourse. According to Hall (1992), no identity is fully unified, complete and stable; instead, as meanings and cultural representation systems shift and multiply, we face many possible identities, some of which are contradictory, although we may identify ourselves, at least temporarily, with any one of them.

Based on the concept of “member” as described in ethnomethodology studies (Garfinkel 1967), Sacks (1995) studied the notion of identity from the categorization perspective. According to him, speakers identify themselves and others based on categories of belonging. This concept refers to cultural and linguistic methods or practical reasoning and action (common sense methods) that can be observed in people from any culture or community.

Therefore, according to this perspective, the term “category” describes a culturally shared knowledge, which gives rise to certain expectations associated with these categories. Another important point is the relationship that the author establishes between

category and inference. For example, when identifying someone as a homeless person, we may infer he or she engages in activities usually associated with unemployment, drinking, drug using, littering, stealing, aggression, etc. The mechanism we use to draw inferences from a certain category was called Membership Inference-rich Representative (MIR) by Sacks (1995).

Still according to the author, categories are not stagnant and should be analyzed based on context. Categories and collections (categories grouped based on affinity of belonging) vary based on the events in a particular talk, as each category holds a number of inferences that organize the common sense of the members in the analyzed community.

Category analysis focuses on how identities are built, expressed, challenged and organized in concrete situations of social talk-in-interaction, that is, through language. Sell and Ostermann (2009:17) argue that category analysis

“does not rely on preexisting categories or categories created by the researcher to explain what is happening, neither does it fall back on common sense categories. Category analysis, an analytic approach just like Conversation Analysis, always looks at the social actors’ actions in their sequential and mutually-negotiated contexts. Given its engaged and locally produced nature, category analysis does not warrant Schegloff’s (apud Silverman 1998) criticism, whereby he states that it is promiscuous, easily reduced to common sense observations and determined by the researcher’s authority”.

To summarize: on one hand, categorization ensures societal harmony and simplifies the orientation and contact with people in different situations; on the other, it may contribute to discrimination by creating “identity prisons”, which hold negative characteristics for some people (Silverman 1998: 88 apud Juhila 2004: 262).

3. THE “MOTHER” CATEGORY

In order to explain the notion of Membership Categorization Device, Sacks (1995) suggests the classic description exercise where the subjects’ identities are erased in the sentence “The X cried. The Y picked it up”, taken from a child’s narrative. According to the author, we infer that X is a baby and that Y is their mother based on common sense knowledge about activities associated with mothers and babies. With this example, Sacks demonstrates how the inference model contains a type of cultural knowledge about motherhood: mothers are those who care for the baby, the ones responsible for their well-being, etc. This indicates a normative tendency to see the mother as the one who picks up the baby and the father as the one who is not naturally responsible for childcare.

Despite the illustrative force of the example, nowadays we could dispute the unanimity of such an assumption (the “mother” category filling Y), as fathers have also been performing tasks traditionally associated with mothers. However, this does not invalidate Sacks’ (1995) thesis and only reinforces the extent to which culture influences categories.

In this context, we think it is relevant to examine the different significations attached to the idea of motherhood over time. In contemporary times, the prevailing notion is that a mother’s love is universal, instinctive, and that all women love or should

love their babies since their conception. This social construction causes many mothers to be judged by themselves and by society when they fail to fit such models. Badinter (1980) tries to deconstruct this myth by showing that motherhood and mothers have not always been represented this way¹.

Feminist literature has also addressed issues surrounding the motherhood myth. In light of the concept of “gender”, introduced by contemporary feminists in Social Sciences studies, motherhood has been discussed in its multiple facets: as a symbol of an ideal of femininity, as a symbol of women’s oppression and as a symbol of women’s empowerment. This goes to show how the same symbol can have many different interpretations. In the case of motherhood, it is “a symbol constructed historically, culturally and politically that results from the dynamics of power and domination between genders” (Scavone 2001:143).

Despite such notions present in literature, common sense still presumes that children are what gives meaning to a woman’s life, that a mother loves her children above everything else and that she is the one responsible for their care and well-being. As a result of this type of dominant discourse, mothers living in the streets are more harshly judged than men, even when they are the fathers to the homeless children.

4. STIGMA AND TALKING BACK TO STIGMATIZED IDENTITIES

One of the classic references in stigma studies is Goffman (1963), who identifies three very distinct types of stigma. The first type refers to abominations of the body and physical deformities; the second one comprises individual character flaws (perceived as weak will, dishonesty, domineering or unnatural passions, treacherous and rigid beliefs, mental illness, imprisonment, addiction, alcoholism, unemployment, suicide attempts and radical political behavior); and the third type encompasses the tribal stigma of race, nation, and religion, which may be passed down equally to all members of a family or lineage (Goffman 1963).

The common ground among these types of stigma lies in their sociological characteristics: “an individual who might have been received easily in ordinary social intercourse possesses a trait that can obtrude itself upon attention and turn those of us whom he meets away from him, breaking the claim that his other attributes have on us” (Goffman 1963: 5). The author adds that those who do not move away from the particular expectations at hand are considered normal, and that these stigmas are at the base of many types of discrimination. As stated by Goffman (1963: 5),

“We construct a stigma-theory, an ideology to explain his inferiority and account for the danger he represents, sometimes rationalizing an animosity based on other differences, such as those of social class. We use specific stigma terms such as cripple, bastard, moron in our daily discourse as a source of metaphor and imagery, typically without giving thought to the original meaning.”

¹ The author argues that these types of discourses started being propagated in the last three decades of the 18th century through medical, theological, philosophical, and pedagogical discourses. She also presents some historical examples from different centuries that illustrate the different significations given to motherhood.

Still according to the author, “The stigmatized individual exhibits a tendency to stratify his “own” according to the degree to which their stigma is apparent and obtrusive. He can then take up in regard to those who are more evidently stigmatized than himself the attitudes the normals take to him” (Goffman 1963: 107).

As shown by Juhila (2004), individuals with a stigmatized identity recognize the definitions attributed to them, but it is understandably hard to accept such a position (Morgan 2000). This may lead to a controversial relationship with their own stigmatized identity, meaning they may refute it one way or another.

In the same study, the author analyzes how shelter residents deal with their stigmatized identities and how they adopt a critical stance against it through what is known as *talking back*. This type of refutation also appears in our collected data and is defined by Juhila as:

“(…) always a dialogue with culturally dominant categorizations. It would not exist without dominant meanings. With this as my starting point, I define talking back as consisting of *acts which comment on and resist stigmatized identities related to culturally dominant categorizations and which have the function of presenting the difference between one’s own self or a group and the dominant definition*. Talking back is not characterized so much by a downright denial of the stigmatized identity as by *a subtle negotiation which calls into question dominant categorizations and evokes the possibilities of alternative identities*” (Juhila 2004: 263).

One analytic tool often used in the talking back negotiation is called *account*. Through these *accounts*, conversation participants account for their actions where there may be doubts about what they are doing/saying or about their conduct. In other words, they are explanations, which are very common occurrences in interactions. Garcez (2008: 27) states that “such actions reveal the nature of the constant analysis carried out by participants about their own and others’ actions. This way, it is the analyst’s role to articulate the analysis that the participants have to show to others (...)”.

As pointed out by Vieira, Bezerra and Rosa (2004), besides living in extreme poverty, homeless populations have a delimited social place which is negatively judged by society as a whole and by the working class in particular. Based on this, we speculate that homeless people may be the most stigmatized group of all, as they are only visible to society through the lenses of their misconduct or the filth they leave in the streets.

5. MATERIALS AND METHODS

This study was carried out using a qualitative and interpretative (Denzin and Lincoln 2003) methodological approach. Data were generated using an open interview with audio recording. This study considers interviews as a type of discourse, in accordance with Mishler (1986), who argues that interviews are a joint product shaped and organized by what interviewers and interviewees say and the way they speak to each other. Additionally, they state that the interview’s plan and design do not necessarily predict the contents of the questions and answers. This leads to a co-construction of meaning during the interview, as discourse is co-constructed and depends on who the interviewer is talking to, the relationship between parties, the interviewer’s approach, the way they carry out the conversation/interview and the context in which it is set.

Context of research

Street dwelling is one of the consequences of displacement situations in which people, for a variety of reasons, are forced to permanently leave their homes. Many of them do not have enough formal education to enter the job market, cannot leave their children under someone else's supervision and have no minimum structure to get back on their feet. In the state of Rio de Janeiro, the government offers rent assistance (Governo do Rio de Janeiro and Secretaria de Estado de Assistência Social e Direitos Humanos 2016) of up to R\$500.00 to families displaced as a result of living in high-risk areas, facing temporary vulnerable circumstances, being victimized by public catastrophes or being affected by public construction works of the Growth Acceleration Program. However, the payment is often much lower than the maximum amount, which is not enough to cover rent in a dignified location. This may contribute to families being forced to live in the streets or in high-risk areas.

Additionally, the homeless population is estimated to grow even more, as on 11/04/2016 the state's government announced a plan to withdraw the benefits of nine thousand families displaced from high-risk areas who have still not been placed in the promised housings (Brêtas 2016). While Brazil and the state of Rio de Janeiro are indeed on the brink of an economic crisis due to governments spending more than they take in, interrupting basic social welfare programs will punish even more those who already live in extreme poverty conditions.

The interviewee in this article used to live in a high-risk area affected by the heavy rainstorms that took over the cities of Rio de Janeiro and Niterói in 2010. After losing her house, she went to live in a shelter and then in the streets, together with her family. After a while, she managed to rent a small room and get off the streets. The 40-year-old woman has eight children and is one of the people receiving rent assistance for losing her home.

During her time as a homeless person, our interviewee came in contact with the Turma da Sopa de Niterói (TSN) nonprofit organization, which started to assist her. It was there she met our interviewer and co-author, an associate and volunteer for this NPO, who invited her to participate in a research on life stories. TSN is composed of volunteers and provides food, care, support and conversation opportunities so that homeless or socially vulnerable people have an environment where they can be heard regarding their yearnings for change and where they are able to form relationships based on trust and respect. All the procedures in this NPO aim to help the persons recover their hope and self-esteem.

Generated data

Before the interview, which had been arranged the previous day, the researcher read an informed consent term out loud to the interviewee. This was done in order to explain the study's objectives, to clear up any possible questions and to obtain her formal consent. The subject signed two copies of the consent term, one for the interviewer, one for herself.

The interview's transcription followed the system described in ethnomethodological conversation analysis, based on the conventions proposed by Jefferson (1974). Furthermore, it was an adaptation of the Talk-in-Interaction in Institutional and Non-institutional Settings research group, coordinated by Prof. Ana Cristina Ostermann, in accordance with

the conventions described in the *Gesprächsanalytisches Transkriptionssystem 2* (GAT2)² document.

The participant's name, as well as the names mentioned by her, were changed for pseudonyms³ to ensure anonymity. The recording, which lasts 23 minutes and 43 seconds, took place in the city of Niterói, in the state of Rio de Janeiro, on June 8, 2015. At the time, the interviewee was still living in a small room with her family.

6. REFUTATIONS TO STIGMATIZED IDENTITIES

The relevance of the homeless woman's identity may be perceived from the beginning of the interview, as shown in Excerpt 1:

Excerpt 1

1	MIRELLE:	so↑ vanessa (.) do you have a story from your life that you
2		think was very important:, that you'd like to tell:,(.)some
3		story in particular
4	VANESSA:	i like i already told valéria, i already told- all about my
5		life, in the streets:: (1.0) a: how i came to live in the
6		streets (0.4) why [[Valéria is the pseudonym for a
7		volunteer from the Rio Mais Visível group, which usually
8		helps her]] (0.6)
9	MIRELLE:	how was it tell (us)
10	VANESSA:	(so) i'll start with- it's the
11		(0.6)
12	VANESSA:	(i'll start)=
13	MIRELLE:	(you can talk :)
14	VANESSA:	=to tell you
15	MIRELLE:	you (are the one who will lead here)
16	VANESSA:	(yeah (.) >look, i<) i lost my hou:se, (0.5) you
17		know, i lived (in nineteen ninety-four) the house fell
18		apart, (0.6) and you know that thing about the shelter and
19		two-thousand::: two thousand ten?
20	MIRELLE:	(°mhm°)

Even though Vanessa was free to choose what to tell regarding her life story, she inferred that the interviewer expected her to tell the story of her displacement to the streets, as stated in lines 4—5. With a small pause, the narrator opens up a space to a change of turn, possibly waiting for the interviewer to confirm or deny the inference. However, since this space was not filled (line 5), Vanessa continues listing the main topics of the story (how i came to live in the streets (0.4) why). Only after a micropause by the narrator, Mirelle takes her turn to confirm her interest in recording the story of the displacement, which prompts Vanessa to start her storytelling by presenting the cause of the displacement, in lines 16—19 (i lost my hou:se, (0.5) you know, i lived (in nineteen ninety-four the house fell apart).

² The transcription conventions are listed in an appendix in this article.

³ Garcez (2002) shows that the practice of giving proper names (either real or pseudonyms) to research participants is used academically by Conversation Analysis (Ethnometodological) studies to identify speakers in texts (transcription and analysis). He also advocates this identification method.

The relevance of the stigmatized identities appears when Vanessa talks about her life in the streets, listing activities linked to the homeless category, as shown in Excerpt 2.

Excerpt 2

104	VANESSA:	but i'll say one thing who. (0.4) who lives in the street is
105		not ha- IS HAPPY (0.4) in part (0.9) because the <u>streets</u>
106		are really bad the street learns to- teaches you (0.6) good
107		things↑ and ↑bad things (0.7) who usually doesn't drink
108		ends up drinking, who usually doesn't use drugs uses them
109		(0.4) who is not violent >becomes violent< to defend
110		themselves
111		(1.8)
112		you know

Vanessa recognizes the stigmatized categories associated with those living in the streets, such as alcoholics, drug addicts, and capable of acts of violence (lines 106—109). However, using an excuse (Scott and Lyman 1968), she removes the responsibility from the street dwellers. It is the street environment that makes people addicted or violent. Violence itself is justified as an act of self-defense, which is also accepted by society in some types of criminal cases.

It should also be noted that Vanessa distances herself from the homeless category by defending her thesis using the resource of impersonalization (who usually doesn't drink ends up drinking, who usually doesn't use drugs uses them (0.4) who is not violent > becomes violent < to defend themselves). Her thesis, which states that the streets, not the people, should be held responsible for the behavior of homeless people, goes on when Vanessa talks about her experience in the streets:

Excerpt 3

249	VANESSA:	>crazy< drinking cachaça, fighting me and him, walking
250		barefoot at the square, my family passing by and saying
251		you're embarrassing me vanessa, embarrassing me, i don't
252		care (0.6) and after i stopped- i learned to behave myself
253		and what the heck vanessa drinking cachaça, you were never
254		into that (0.6) <then i woke up and stopped drinking
255		cachaça>
256		(1.0)
257	MIRELLE:	[mhm:]
258	VANESSA:	[but] i can't stop smoking, but i stopped drinking cachaça
259		sometimes i drink beer not very often (0.6) yesterday i
260		drank because my daughter put it there for me (0.5) (because
261		this is) my daughter you know
262		(.)

In this moment, Vanessa recognizes that her behavior confirms what common sense associates with the homeless category, as seen in lines 249—250 (> crazy < drinking cachaça, fighting me and him, walking barefoot at the square). Afterwards, however, she endorses the thesis previously advocated. When projecting herself as a member of the “family” collection, invoking the voice of her sister through a reported speech, Vanessa

points out the contrast between what she was and what she came to be. The turning point of her story is then established (and after i stopped — i learned to behave myself), which marks the refutation of the stigmatized identity that society gave her. Afterwards, Vanessa performs a *talking back* to these identities (and after i stopped — i learned to behave myself and what the heck vanessa drinking cachaça, you were never into that (0.6) < then i woke up and stopped drinking cachaça>) in lines 252—255.

Studies show that drinking is the most common means of socializing among the street population and that, to be accepted by their peers and endure the social suffering imposed by this reality, individuals tend to drink (Trubilhano 2011, Vieira, et al. 1994). To a certain extent, this result endorses the thesis whereby the streets are responsible for deviant behavior.

Another important point is that, when claiming what she considers to be her “true” identity, Vanessa only mentions socially accepted addictions, such as cigarettes and beer ([but] i can’t stop smoking, but i stopped drinking cachaça sometimes i drink beer not very often (0.6)). The most radical *talking back* to her classification as “homeless” person (a category that she introduces) takes place in another thesis:

Excerpt 4

393	VANESSA:	=>i don’t know< the name of that thing, it’s <u>museum</u> right
394		(1.1) we’ve already slept there, we slept twenty days there
395		(0.9) you know >>that↑<< who lives in the ↑streets (0.6)
396		who was raised >born< and raised and do- copes >very< well
397		in comparison with who <u>is not</u> used to it, who >always< had
398		a home (.) a <u>family</u> (0.5) °it’s complicated° (.) °because°
399		(1.3) i learned a lot living in the streets because i was a
400		<u>person</u> (0.6) not him he was already <u>raised</u> in the streets
401		(.)
402	MIRELLE:	Mhm

Despite the fact that NPOs and the State use the expression “people who are in the streets” to refer to this demographic, in accordance with Decree n° 7.053 of December 23, 2009, which outlines the national politics for this population, the narrator defends the thesis that there are two categories: homeless people and people who are in the streets. The central argument of this thesis is constructed on socialization. For her, homeless people are those who “belong to the streets”, because they were born and raised in this environment; the other group is composed by those who “are in the streets” but have the experience of having a home and family, which makes it more difficult to adjust their identities to life in the streets (you know >>that↑<< who lives in the ↑streets (0.6) who was raised >born< and raised and do- copes >very< well in comparison with who is not used to it, who >always< had a home (.) a family (0.5) °it’s complicated°), lines 395—398. According to her description, the first group is devoid of everything (affection, values, education, etc.), which would not be the case for her.

Through her storytelling, Vanessa shows how identities can be different. Regardless of that, when talking about her displacement to the streets, she projects herself as a member of the “family” collection and states that her deviant behavior is caused by the street environment. She shows knowledge about the stigmas, but refutes stigmatized identities by using *talking back* strategies such as accounts and impersonalization.

7. THE CONSTRUCTION OF MOTHERHOOD AND STIGMATIZED IDENTITIES

Another interesting point for our analysis is the contrast that she establishes in the “mother” category. In the following excerpt, she describes her husband’s mother (she categorizes the husband as “homeless”):

Excerpt 5

403	VANESSA:	you know his mother made them steal when he was small he
404		never studied (0.8) he ↑can’t write his full name (0.5)
405		correctly (0.7) so >he is already< he was already raised
406		in the streets for him it is, for him it is easy because
407		he is already >used< to living in the streets (.) not
408		for me it is difficult for me because i- when i met him
409		i had my house (0.5) i had claudia who is older not his
410		(0.8) then came the seven (0.7) you know

Following her speech on the difference between her and her husband, she also mentions a stigmatized categorization of a mother who does not take care of the children, using them to earn money instead of enrolling them in school so they can learn how to read and write (lines 403—405). In contrast, when it comes to her performance as a mother, she projects herself as a different kind of mother.

Excerpt 6

45	VANESSA:	the child protective service knocked at my door (1.0) and
46		sent several letters i was afraid <u>i didn’t go</u> (.) afraid of
47		losing them (0.8) then one day it arriv:ed <u>two</u> Chevrolet
48		blazers (0.8) the public prosecutors car (0.7) you know and
49		the >family< services (.) °they took my kids there: in
50		(front) of the cross°
51	VANESSA:	(0.8)
		you know=
52	MIRELLE:	=mhm
53	VANESSA:	and since then it has been ten years since >my kids< my kids
54		>aren’t< with me (.) since then my life got <u>worse</u>
55		(0.8) >then i< started selling <u>every:thing</u> i had >at at< the
56		CBI (.) >i started< selling <u>everything</u> , (fighting) with
57		every:body (.) even twice i started using crack i used
58		crack twice then i (0.6) said it was not for me (.) you
59		know i started living in the streets

Vanessa uses an *account* (i didn’t go (.) afraid of losing them (0.8)) in lines 46—47 to justify why she did not go to the Child Protective Services after receiving their letters. In addition, she argues that the loss of her children is a negative turning point in her life, which marks an increasingly larger decline (lines 53—59).

For most of the interview, Mirelle is a passive receptor, as the narrator does not need to shape her story based on the interviewer’s answers. She keeps agreeing with the stories told by Vanessa by using continuers such as “mhm”,

Still projecting the “mother” identity, which follows the dominant discourse whereby children constitute the meaning of life, in another moment of her story Vanessa mentions her pregnancy as the turning point for her departure from the streets, as shown in Excerpt 7:

Excerpt 7

220	VANESSA:	then as i get the
221		social rent (1.3) i <u>wanted</u> to rent a house but i wanted god
222		to give me a ho- a <u>reason</u> for me to rent a house then god
223	VANESSA:	gave me her (0.6) she came [[the daughter]] i asked for god
224		to change my life his way but in a way i <u>can handle</u>
225		(1.3)
226	VANESSA:	
227	MIRELLE:	°mhm:°
228	VANESSA:	you know then he gave me- luíza vitória
229		(0.7)

Through her eighth pregnancy, Vanessa finds strength and sees the possibility of a new life, a new beginning, a departure from the streets, which is represented by the desire to rent a house (lines 220—225). The house represents family, the return to the real identity advocated by her.

Motherhood, therefore, is seen as a type of redemption, in an association between the dominant discourse of motherhood and religious discourse. Now God is responsible for the change in her life and her departure from the streets. In the context of religious Christian discourse, the daughter is seen as having been sent by God (i wanted god to give me a ho- a reason for me to rent a house then god gave me her (0.6) she came [[the daughter]] i asked for god to change my life his way but in a way i can handle) in lines 222—224.

According to the normative discourse on motherhood, children should be the center of a mother’s life, her reason to live. As shown in Excerpt 8, the new pregnancy also acts as a kind of symbolic rescue of the children whose custody was taken from her:

Excerpt 8

305	VANESSA:	=i can’t stand this life anymore (0.5)
306		WITHOUT A CHILD because >then< (.) ONE i can hug with
307		the love of one i remember it as- as the love of
308		[them] all
[...]	MIRELLE:	[↑um:]
471	VANESSA:	through her] get the other ones i want my other
472		Children

Through her discourses, Vanessa characterizes different types of people living in the streets and confirms her belonging to the “mother” category as adjusted to the normative discourse of motherhood, which reinforces her status as a member of the “family” collection.

8. FINAL CONSIDERATIONS

Vanessa’s storytelling involves building an identity that distances herself from the dominant categorizations about those who live in the streets. Through different strategies of refutation, she projects herself as a member of another category. An important aspect in the refutation of these categorizations relates to the “mother” category, which becomes key in her story. It recalls the dominant discourse on motherhood which refuses categorizations of pregnant women and mothers living in the streets.

An important result of this study is drawing attention to the issue of category production by outsiders and by a member of the homeless category. As shown in the analysis, not all of them see themselves as homeless. Other categories may be identified when we listen to the voices of the social actors themselves.

This study also contributes to the advancement of studies about *talking back* to stigmatized identities, as well as to the knowledge about the diversity of identities of members of the same category. It also shows how certain dominant categories serve only as disseminators of biased inferences that do not necessarily correspond to reality.

Appendix 1. Transcription conventions⁴

(1.8)	Pause
(.)	Micropause
=	Speech immediately after the previous one
[Text]	Overlapped speeches
ˊ	Continuous intonation
↑text	Ascending syllable intonation
↓text	Descending syllable intonation
.	Descending turn intonation
?	Ascending turn intonation
—	Abrupt interruption of speech
:::	Sound stretching
>Text<	Accelerated speech
>>Text<<	Very accelerated speech
<Text>	Slower speech
<<Text>>	Much slower speech
TEXT	Higher volume
°text°	Low volume
°°text°°	Very low volume
<u>Text</u>	Stressed syllable, word or sound
(Text)	Transcriber was uncertain
xxxx	Incomprehensible speech
[[Text]]	Comments by the transcriber
hhh	Nasal laugh
hahahehehihi	Laughter with vowel sound
{{laughing} text}	Turns or words pronounced while laughing
.hhh	Audible inhaling

© Maria do Carmo Leite de Oliveira,
Carla Mirelle de Oliveira Matos Lisboa, 2017

⁴ Model based on Jefferson’s recommendations for transcription and adapted by the Talk-in-Interaction in Institutional and Non-Institutional Settings research group using markings suggested by the GAT2 document. In this journal, we replaced double round brackets by double square brackets, because this would better conform the norms of Russian pronunciation.

REFERENCES

- Badinter, E. (1980) *L'amour en plus: Histoire de l'amour maternel (XVIIe—XXe siècle)*. Paris, France: Flammarion.
- Brêtas, P. (2016, May 11) Aluguel social: governo do Rio corta benefício de 9 mil famílias removidas de áreas de risco. *Jornal Extra*. Available at: <http://extra.globo.com/noticias/economia/aluguel-social-governo-do-rio-corta-beneficio-de-9-mil-familias-removidas-de-areas-de-risco-20416214.html-ixzz4PAIvu8zr>.
- Denzin, N. K., & Lincoln, Y. S. (2003) *The Landscape of Qualitative Research: Theories and Issues*. Thousand Oaks, CA: SAGE Publications.
- Garcez, P. M. (2002) Transcrição como teoria: a identificação dos falantes como atividade analítica plena. In L. P. Moita lopes & L. C. Bastos (eds.), *Identidades: recortes multi e interdisciplinares*. Campinas, SP: Mercado das Letras.
- Garcez, P. M. (2008) A perspectiva da Análise da Conversa Etnometodológica sobre o uso da linguagem em interação social. In L. L. Loder & N. M. Jung (eds.), *Fala-em-interação social: introdução análise da conversa etnometodológica*. Campinas, SP: Mercado de Letras, 17—38.
- Garfinkel, H. (1967) *Studies in ethnomethodology*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Goffman, E. (1963) *Stigma: notes on the management of spoiled identity*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Governo do Rio de Janeiro, & Secretaria de Estado de Assistência Social e Direitos Humanos. (2016, May 11) *Assistência Social e Direitos Humanos — Aluguel Social*. Available at: <http://www.rj.gov.br/web/seasdh/exibeconteudo?article-id=1519686>.
- Hall, S. (1992) The Question of Cultural Identity. In T. McGrew, S. Hall, & D. Held (Cambridge: Polity Press. eds.), *Modernity and its Futures: Understanding Modern Societies, Book IV*, 273—316.
- Jefferson, G. (1974) Error Correction as an Interactional Resource. *Language in Society*, 3(2), 181—199.
- Juhila, K. (2004) Talking Back to Stigmatized Identities: Negotiation of Culturally Dominant Categorizations in Interviews with Shelter Residents. *Qualitative Social Work*, 3(3), 259—275.
- Mandelbaum, J. (2013) Storytelling in conversation. In J. Sidnell & T. Stivers (eds.), *The handbook of conversation analysis* (pp. 492—508). Oxford: Wiley-Blackwell.
- Mishler, E. G. (1986) *Research interviewing: context and narrative*. Cambridge, Mass: Harvard University Press.
- Morgan, S. (2000) 'Three Prisoners' Stories: Talking Back Through Autobiography'. In J. Batsler & B. Humphries (eds.) *Welfare, Exclusion & Political Agency*. London: Routledge, 190—212.
- Sacks, H. (1995) *Lectures on Conversation*, Volumes I and II Oxford: Wiley-Blackwell.
- Scavone, L. (2001) A maternidade e o feminismo: diálogo com as ciências sociais. *Cadernos Pagu*, 16, 137—150.
- Schegloff, E. A. (1997) "Narrative Analysis" Thirty Years Later. *Journal of Narrative and Life History*, 7(1—4), 97—106. doi: doi:10.1075/jnlh.7.11nar.
- Schneider, B., & Remillard, C. (2013) Caring about homelessness: how identity work maintains the stigma of homelessness. *Text & Talk*, 33, 95—112.
- Scott, M. B., & Lyman, S. M. (1968) Accounts. *American Sociological Review*, 33(1), 46—62. doi: 10.2307/2092239.
- Sell, M., & Ostermann, A. C. (2009) Análise de categorias de pertença (ACP) em estudos de linguagem e gênero: a (des)construção discursiva do homogêneo masculino. *Alfa: Revista de Linguística*, 53(1), 11—34.

- Sidnell, J. (2010) *Conversation Analysis: An Introduction*. Oxford: Wiley Blackwell.
- Silverman, D. (1998) *Harvey Sacks: Social Science and Conversation Analysis*. New York, NY: Oxford University Press.
- Trubilhano, A. G. (2011) *Rua dos bobos, número zero: As estratégias de sobrevivência de pessoas em situação de rua*. Universidade Presbiteriana Mackenzie, São Paulo, Brazil [Thesis]. Available at: http://www.mackenzie.br/fileadmin/Graduacao/CCBS/Cursos/Psicologia/2012/BIBLIOT_DIG_LEVV/JUSTICA_E_CID/Amanda_Gongora_Trubilhano.pdf.
- Vieira, M. A. d. C., Bezerra, E. M. R., & Rosa, C. M. M. (1994) *População de rua: quem é? Como vive? Como é vista?* São Paulo, SP: Hucitec.

Article history:

Received: 20 January 2017

Revised: 17 February 2017

Accepted: 22 February 2017

For citation:

Oliveira, Maria do Carmo and Lisboa, Carla Mirelle (2017). Narratives about Displacement and Stigmatization of Identities. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2), 320—334.

Bio note:

Maria do Carmo Leite de Oliveira Professor at Pontifícia Universidade Católica do Rio de Janeiro (PUC-Rio). *Research interests:* Applied Linguistics, Language, Discourse Analysis, Pragmatics, Language Teaching. *Contact information:* e-mail: mcleitedeoliveira@gmail.com

Carla Mirelle de Oliveira Matos Lisboa Doctoral Student in the Post-Graduation Program in Language Studies at Pontifícia Universidade Católica do Rio de Janeiro (PUC-Rio) and volunteer at the Turma da Sopa non-profit organization in the city of Niterói, RJ. *Research interests:* Applied Linguistics, Language, Discourse Analysis, Pragmatics, Language Teaching. *Contact information:* e-mail: mirellematos@gmail.com

Finance and Acknowledgements

Maria do Carmo Leite de Oliveira would like to acknowledge the financial support given by the Brazilian Council — The National Scientific and Technological Research Council (CNPq) for research on organizational context.

Carla Mirelle de Oliveira Matos Lisboa would like to acknowledge the financial support given by Commission for the Improvement of Higher Education Personnel (CAPES) for her PhD Scholarship.

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-320-334

НАРРАТИВЫ ОБ УТРАТЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА И СТИГМАТИЗАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

**Мария до Кармо Лъете де Оливейра,
Карла Мирель де Оливейра Матош Лисбоа**

Католический Университет католическом университете Рио-де-Жанейро
225 Rua Marquês de São Vicente, 22453-900 Gávea, Рио-де-Жанейро, Бразилия

Потеря социального статуса людей, которые покидают свои дома, чтобы жить на улице, является одной из социальных драм, которые довольно типичны для больших городов. Несмотря на то, что эти люди образуют разнородную группу населения, общество видит их однородность, исходя

из обобщенно негативного к ним отношения. В статье проводится анализ рассказа о потере социального статуса женщиной, которая в результате ливневых дождей лишилась своего дома и оказалась на улице со своими семью младшими детьми. На основе понятий о членстве в группе, социального клейма и в качестве опыта анализа авторы ставят перед собой цель исследовать, как бывшая бездомная отвергает попытки ее стигматизации, оправдывает себя, а также какую альтернативную идентичность она приписывает себе. Ее рассказ появился в контексте интервью, сделанного в рамках исследования историй жизни. Исследование показывает, что рассказчик пытается построить вымышленный для самого себя нарратив, принимая в оправдание себя систему убеждений, которые бы его структурировали и давали бы соответствующие объяснения событиям жизни. В результате она возлагает вину за девиантное поведение бездомных на уличное окружение, а также описывает свой статус через категорию матери как члена некоей «семьи», порождая образы доминантного дискурса о материнстве как наивысшей самореализации женщины. В конечном итоге это исследование подталкивает, как важно знать нативные категории, то есть категории, созданные членами респондентской группы, но находящиеся в полном противоречии с категориями тех, кто в эту группу не входит.

Ключевые слова: *конверсационный анализ, дискурс, бездомные, клеймо/стигма, идентичность, самооправдание, внутренняя потеря статуса, нарратив*

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 января 2017

Дата принятия к печати: 22 февраля 2017

Для цитирования:

Oliveira M., Lisboa C. Matos. Narratives about Displacement and Stigmatization of Identities // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 2. С. 320—334.

Сведения об авторе:

Мария до Кармо Лъете де Оливейра, доктор, профессор Католического университета Рио-де-Жанейро (Бразилия). *Научные интересы:* прикладная лингвистика, общее языкознание, дискурс-анализ, прагматика, методика преподавания иностранных языков. *Контактная информация:* e-mail: mcleitedeoliveira@gmail.com

Карла Мирель де Оливейра Матош Лисбоа, аспирант Католического университета Рио-де-Жанейро (Бразилия). *Научные интересы:* прикладная лингвистика, общее языкознание, дискурс-анализ, прагматика, методика преподавания иностранных языков. *Контактная информация:* e-mail: mirellematos@gmail.com

Благодарности и финансирование

Мария до Кармо Лъете де Оливейра выражает благодарность “Brazilian Council — The National Scientific and Technological Research Council (CNPq)” за оказанную финансовую поддержку при проведении данного исследования.

Карла Мирель де Оливейра Матош Лисбоа выражает благодарность “Commission for the Improvement of Higher Education Personnel” (CAPES) за предоставление PhD стипендии.

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-335-347

“A SIGNIFICANT PART OF AN INSIGNIFICANT IDENTITY”: TRADITION, GLOBALISATION AND THE RE-ARTICULATION OF NORTH-EAST SCOTS

Barbara Loester

University of Winchester
Sparkford Road, Winchester, SO22 4NR, United Kingdom

Abstract. In Britain the conflict between the national standard and regional languages and varieties, or rather those perceived to be ‘only’ a dialect, is still going strong and Scots plays a peculiar role in it. It is recognised and afforded a certain level of protection and promotion under the European Charter for Regional and Minority Languages (ECRML). While related to English, Scots has a number of regional varieties and it stands in competition with other varieties of English within Scotland.

North-East Scots (NE Scots), also known as ‘the Doric’, in particular occupies a rather special place within the sphere of Scots. While research has often focused on the perceived status of urban versus rural Scots, this paper examines the attitudes towards NE Scots with regard to identity construction as displayed by its speakers in rural areas and small towns in the North-East. Another focal point is the use of the regional variety as a perceived act of resistance against the ostensible dominance of English. Within the mind of its speakers what kind of identity do they feel they have — a largely local/regional, a national Scottish, a British one or something entirely different? The analysis of interview data highlights that respondents’ statements and their actual linguistic behaviour reinforce the affirmation of their regional identity; the extent to which this occurs will also be investigated.

Keywords: *Regional identity, national identity, Scotland, North-East Scots language-dialect divide, language attitudes*

1. INTRODUCTION

Very few people, if any, would question that language is an important aspect of their identity or at least enables them to construct theirs, alongside other salient markers, such as nationality, politics and culture, to name but a few. In recent years Scotland has created prominent headlines not only in the British press but also in other parts of Europe and further afield, with regard to the 2014 referendum and the potential of her becoming an independent state at the time. Scotland has a very developed idea about the importance of language(s) in relation to her identity construction. A historical nation, independent until early modern times, it can be regarded as a bilingual, if not trilingual space: Scots Gaelic is often perceived to be the heritage language of Scotland as an entity when it is nowadays actually confined to a rather small peripheral area along the West coast and a number of pockets in the urban centres; English, or more accurately, Scottish English, is employed throughout the nation and Scots, a Germanic language, closely related to English, holds a somewhat contentious position. The question whether Scots should be regarded as a language or a dialect is still debated, especially in the public sphere and the answer has always largely depended on the political opinion and linguistic knowledge

of the discussants. It is this latter language and one of its regional varieties, North-East Scots (NE Scots), which will be the focal point of the following discussion. The data analysed was collected in semi-structured interviews with sixteen participants, male and female, between the ages of 20 and 75 in the small coastal town of Peterhead, some thirty miles north of Aberdeen¹.

2. BRIEF HISTORICAL SKETCH

In order to contextualise the peculiarities of the linguistic situation in Scotland it is necessary to highlight a few of the salient events in the nation's history and some of those of regional significance for the North-East specifically. The idea of Scotland, the political construct or image, has been in existence for over a millennium. The rule of Kenneth MacAlpin in the mid-9th century amalgamated two major groups present in Scotland at the time, the Scots, originally from Ireland, and the Picts. In the Pictish heartland in the North-East we see the tribal kingdoms absorbed under a new Scottish rule with the incoming Celtic language assuming the most powerful position. Although comparatively little is known about the linguistic situation at the time, the indigenous language (or languages) appears to have been abandoned in favour of the more prestigious one (Allan 2001: 359; Smyth 1984: 46ff.).

While Scotland was firmly established besides its more powerful neighbour, England, during the Middle Ages, we see a medieval society with Anglo-Norman traditions coming into practice in the North-East of Scotland and other parts of Scotland, gradually diminishing the Celtic-influenced sphere. The connection to continental Europe is also reinforced through trade links with the Baltic and the Low Countries and trade as well as dynastic relations to France, the latter connection commonly referred to as the 'Auld Alliance'.

In the North-East the boundary between the Germanic/Anglo-Norman and Celtic cultures becomes very significant as the dividing line between these populations (and languages) is cemented for the time coming. The event which effectively spells the end of Gaelic high culture in the area is the so-called Harrying of Buchan in 1307—1308, in which Robert the Bruce took revenge against the local Comyn family during the Wars of Independence, subsequently establishing a ruling family loyal to him. Consequently, the North-East is shaped more and more by the non-Celtic cultures present there (Mitchison 1990: 46).

Early Modern times see the power balance in the British Isles shift. Step by step Scotland loses its independence, one of the first major shifts being the Union of Crowns in 1603. With the Union of Parliaments which spelled the end of the Scottish Parliament in 1707, the loss of political independence is essentially complete. This incorporation into not only a larger, but politically one of the most influential countries in the world at the time also meant a loss of status of the Scottish nation and cultural concepts, including the languages, associated with it.

¹ A more detailed description of the methodology, breakdown of respondent data according to social variables and data analysis can be found in Loester (2009).

While Scotland might have lost political influence, its economic power was less affected, especially in the wake of the Industrial Revolution. Ship building on the Clyde, the fishing industry along the coast and much later technology-driven industries, including the IT and service sector, have all contributed to a certain degree of prosperity. The fishing industry is particularly noteworthy in the North-East; Peterhead and Fraserburgh have been, and to some extent still are, the largest white fish ports in Europe. While the region might have been difficult to access via road, trade by sea has always been a mainstay and led to frequent contact with the Low Countries and Scandinavia since the Middle Ages. Another factor which led to a very outward-facing approach and a continued influx of incomers from other parts of the UK as well as abroad was the discovery of North Sea oil and gas in the late 1960s and early 1970s which has propelled Aberdeen and the region into the economic limelight².

Geographically the region can indeed be considered peripheral, its outlook however is decidedly continental and outward-facing³.

3. A BRIEF OVERVIEW OF THE SOCIOLINGUISTIC BACKGROUND FOR SCOTS AND NE SCOTS

One of the crucial issues within this discussion centres on the question whether Scotland is considered to be a trilingual country. From a sociolinguistic perspective this discussion has often been a linch-pin regarding Scottish identity. The two main languages of the nation are perceived to be English and Gaelic. The third language, Scots, has often been regarded as a lesser partner: “Though Scots people have for centuries written of Scots, spoken and written, as ‘the Scots language’ as if it had an identity of its own, they never appear to do so in the same breath as Gaelic, to which it is harder to deny the identity and status of a language” (Aitken 1981: 72). Aitken goes on to discuss that the distinctly different perceptions of the variety by its speakers are often that of a non-standard variety of Standard English as opposed to that of a language (Aitken 1981: 76—77). Scots therefore has, depending on the context, different labels attached, such as dialect or “bad English”, and these often designate specific interest groups. One thing is certain: it is of Germanic origin, historically closely related to English but it has undergone a different development. Kloss, for example, classifies it as a *Halbsprache* [semi- or half language] in his earlier work and subsequently as an *Ausbau* dialect in accordance with the label *Ausbau* language (Kloss 1978: 57; 256—263)⁴.

Scots and its various regional varieties are well documented (e.g. Jones 1997; Macafee 1983; McClure 2002; McClure et al. 2003; Millar 2007 to name a few) and it falls, roughly speaking, into the areas of Insular Scots, Northern Scots, Mid-Scots and Southern

² For a more detailed description of the North-East in relation to geography, history and economic development, see also McClure (2002: 1—5) who also refers to research specifically dealing with the regional social and economic history.

³ The Scottish results from the recent EU referendum reflect this perspective as 62% of the Scottish voters declared that they wanted to remain in the EU.

⁴ Görlach (1990) provides a detailed account of the development and social position of Scots and how it came to be regarded as a minority language.

Scots (CSD, map 1, p. xxxi; Millar 2007: 1—5). The variety also has an extra-territorial variant in the form of Ulster Scots, found in Northern Ireland. In addition, there are large diasporic communities throughout the English-speaking world, e.g. Canada and New Zealand, but the Scots abroad do not necessarily speak Scots. These communities are largely of Gaelic origin with the emigration patterns relating back to the Highland Clearances and similarly socially disruptive events in Scottish history.

The popular and largely stigmatising perceptions attached to Scots mentioned above, often augmented by various economic sectors, such as the tourism industry, have promoted the Gàidhealtachd as the epitome of Scotland and its Celtic heritage. The Scots-speaking areas, geographically larger and with a greater number of speakers of the respective language, are often perceived to be part of this culture as well, seemingly being denied their own distinct heritage or at least having a less visible one. In linguistic circles, Scots has always received and continues to receive positive attention; in the public sphere the picture is almost diametrically opposed but this is beginning to change. One of the most apparent manifestations of that linguistic imbalance has been the exclusion of Scots from the census until recently. It took more than a decade of research, campaigning and awareness raising (cf. Máté 1996; Murdoch 1995; ‘Aye Can’ campaign) until a question about language usage was included in the 2011 census⁵. The results show that there are roughly 1.5 million Scots speakers (30.1% of the population in Scotland) and about 1.9 million people who can read, write or speak Scots, a number significantly higher than the roughly 58,000 speakers of Gaelic (1.1% of the population in Scotland). The highest numbers of Scots speakers are found in the eastern half of the country, particularly in the regions of Aberdeenshire, Moray and Shetland (Scotland Census 2013; Scots Language Centre, n.d.).

With regard to support and protection for minority languages, it should be noted that Britain ratified the European Charter for Minority Languages in 2001 but since then comparatively little actual support for Scots has been forthcoming (Millar 2006). Within the education system, Scots has a place on the curriculum; however, it is not uncommon that it has to make space for other topics or is still confined to events stereotypically associated with Scots, such as Burns Night and the recitation of poetry. Since the introduction of the Curriculum for Excellence which was conceived as an idea in 2002 and implemented from 2011 Scots has a firm place in education; to what extent the initiative has been successful has yet to be seen.

4. WHAT IS NORTH-EAST SCOTS? LINGUISTIC VERSUS POPULAR CLASSIFICATIONS

From the linguistic perspective, NE Scots is a regional variety of Scots, similar to Insular, Mid or Southern Scots (cf. CSD, p. xxxi, Map 1). Also commonly referred to as “the Doric” the use of this label is generally observed among the population in the region but also occurs in (earlier) publications of both the literary and the academic kind. The variety has been well researched in comparison to others, ranging from investigations about children’s use and competence (Hendry 1997, Middleton 2001) to teachers’ atti-

⁵ Gaelic has been included in the census since 1881.

tudes (Imamura 2004), attitudes towards and proficiency in NE Scots in Aberdeen (Iancu-aniello 1992/1993, McGarrity 1998) and rural areas (Löv-Wiebach 2005) as well as research into language change of particular features (McRae 2006, Marshall 2003). The variety displays internal variation which is described and discussed in detail in Millar 2007. As is often the case when asking non-linguists about their perceptions of varieties, their estimations and categorisations can at times differ greatly from those of the research community.

While there is still a comparatively fierce status debate surrounding Scots (cf. Schmitt 2009: 69—79 for a summary of the different standpoints), there can be little doubt that NE Scots is a regional variety of Scots.

(A)

- 1 AD: well, I've put down that a lot a people think it, that a lot a people
- 2 think it's a language which ah think it is, Doric is a language cause
- 3 you do get the buiks an everythin bit then ah don see it, ah jist see it as
- 4 the wey ye spik really
- 5 JS: [] dialect cause we were nivver taught it in school. ah think we
- 6 wasnae taught it in school
- 7 AD: ah think the older generation were mibbe taught it in school, ah
- 8 don't know, bit ah think they mibbe were.
- 9 JS: yeah.
- 10 AD: mibbe it would've been a language back then
- 11 JS: bit now — no
- 12 AD: ye still get yer buiks an everythin in Doric
- 13 JS: oh, yeah, ye get a lot yer buiks
- 14 AD: an newspapers, there's always a guy writes in everyday, is it no
- 15 that Robbie Shepherd in the P an J, no⁶?

Respondent AD illustrates the divergent interpretations of linguistic terms as can be displayed by non-linguists: in her eyes a decline in usage renders a language into a dialect; therefore, a hierarchy exists which features a (perceived) language at the top, one step below a dialect as an eroded or corrupted variety and below that, perhaps, an accent. According to this classification by two of the youngest female respondents (age group 20—29) NE Scots used to occupy the upper stratum and over time has moved down the scale to it being a dialect. There is one proviso and that is the existence of books and other print material which — in the respondents' eyes — seem to put the variety into a middle ground and thus provide it with more status. The general non-linguistic opinion here is that a variety needs to be written in order to be accepted as a language. Vernaculars and non-standard varieties have a tendency to be depicted as lacking in correctness, power and prestige due to their not having undergone a standardisation process and not having any, or only limited, printed sources. Additionally, the perception among non-linguists is that the existence of literature, in the widest possible definition, is essential to make a variety into a language. Kloss (1978: 40—55) emphasises similar

⁶ The “P an J” referred to by AD is *The Press and Journal*, a daily broadsheet published in Aberdeen and available throughout the North-East. Robbie Shepherd is a local writer and broadcaster who has a weekly column, written in NE Scots, in the newspaper.

points in his discussion about criteria for Ausbau languages. It is also noteworthy that NE Scots is referred to as a language initially although it is not clarified whether she regards it as separate from Scots in general.

Where there is printed material available, it is easier for the layperson to accept the prestige of a variety (cf. Ong 1982: 5); at the same time, the presence of such resources can have a positive effect on education. Respondents AD and JS, both in their twenties, have experienced little vernacular teaching, if any at all, beyond the token efforts in the form of poetry recitation for Burns Night and similar symbolic events of national relevance (cf. section 3 above). Revised curricula and the availability of teaching materials developed in recent years, such as *The Elphinstone Kist* and books published by Itchy Coö, have brought Scots into the classroom in a fresh form⁷. The respondents' belief that the educational status quo in their grandparents' day would have been increased use of NE Scots, mainly by learning and reciting poetry, is indeed correct. Unlike nowadays, most teachers would have been local as well, hence the general assumption that older generations had more exposure to Scots through the medium of education than the younger speakers themselves received is correct on both levels. The official recognition of the variety within the school environment and the lack of exposure to it experienced by these respondents, in contrast to the generation of their grandparents, also confirm Millar's (2006) observations. In the light of such developments it is clear that longitudinal research is needed to inform any kind of evaluation with regard to the use of Scots in education and potential benefits of this for the prestige of the language, particularly with the introduction of the Scots language element through the Curriculum of Excellence.

5. DIFFERENT COMMUNITIES WITHIN THE REGION

5.1. "The cod and the corn dinna mix"

As pointed out above, language signifies attachment to the community or a similar in-group. The following respondent (male, age group 50—59) not only very accurately pinpoints the geographical area associated with NE Scots (cf. Millar 2007: 2—4) but also highlights a social division within the group of speakers:

(B)

- 1 SR: as far as the fishin goes, right from Burghead, it's up in Moray
- 2 Firth, just not tae far from Inverness, south tae .. Arbroath and then it's
- 3 slightly different as ah go down tae the Firth o Forth, []-inster
- 4 [Anstruther], Pi'enween [Pittenweem], Sint Minans [St Monans].
- 5 but we all unerstan each ither wi slightly different variations o different
- 6 wurd's but we all unerstan each ither.
- 7 inland, the farmin community is ... pretty broad bit as ye go intae

⁷ The Itchy Coö imprint was founded in 2002 and specialises in children's literature in Scots but also work in education and provide outreach activities, the latter aspects ceased in 2011. Their list includes titles such as *The Gruffalo in Scots*, various titles by Roald Dahl translated into Scots, Scottish classics (e.g. R. L. Stevenson's *Kidnapped*) as graphic novels, and bespoke counting or spelling books (Itchy Coö 2016).

- 8 cer'ain parts up Deeside, Ballater, Aboyne, Braemar, there's mainly
 9 because there's more incomers tae the area they're nae usin the Doric
 10 the same wey as we are. whin ye're goin places like Tarland, Fishie,
 11 fishers fae Rothienorman, ay places, they really are broad⁸.

Unlike the respondents in excerpt A, SR's linguistic judgement is quite precise considering his non-linguistic background. The distinction between the coastal and the inland varieties also reinforces the traditional separation of the farming and fishing communities within these areas in the North-East. This separation is popularly expressed in the proverb 'the corn and the cod dinna mix'; McClure (2002: 3) also refers to this as "a tradition of mutual antipathy", where contact, through intermarriage for example, is very rare.

With this in mind, it can clearly be seen that we have an overlap in the North-East where three distinct communities partially intersect: the geographically defined (the North-East with a variety of smaller regions within), the professionally defined (fishermen versus farmers) and a combination of the two (inland farming communities versus coastal fishing communities). Due to the shift away from traditional industries, such as agriculture and fishing, one would expect to see the professionally-orientated community, and with it its linguistic ties, weakening; however, based on the interview data collected, it has not taken place to extent that might be expected. Theoretically, speakers of NE Scots of such professional communities should be able to claim at least two identities, the geographical and the professionally-defined one. As Giles and Johnson (1987: 72) highlight, in ethnolinguistic identity theory traditionally the more groups a speaker feels affiliated to the weaker the ties to each social group will be. In the case of NE Scots and the associated ethnolinguistic identity the social identities relevant to the speakers have common denominators; it is possible to see yourself as a speaker of NE Scots in general as well as indicating your professional and localised identity, as highlighted in the excerpt above: the fishing community utilises the variety as a professionally-defined group marker in addition to their linguistic display of regional allegiance.

5.2. A North-East character?

Farmer versus fisherman, toonser versus teuchter

Unsurprisingly, it is not only the two traditional professional groups who are distinctly at odds with each other; the same goes for the split between the urban and the rural population, locally knowns as "toonsers" and "teuchters" respectively, who regard each other with some reservation.

(C)

- 1 PBR: mibbe ... this strong ... work ethic, ah think it's different from ither
 2 parts o Scotland. it's when you say, it's a very religious area, ah think,
 3 there's a lot a different denominations. ah think it's mainly due tae ..
 4 because of a, rural areas' reasons. ye work closer tae nature, it's
 5 workin wi gey kind a queer folk [laughs].
 6 Interviewer: so you think the land and the jobs have influenced

⁸ The respondent appears to have had a slip of the tongue. Like Tarland and Fishie, Rothienorman is an inland settlement, and therefore a farming, not a fishing community.

- 7 PBR: yeah, ah think so, especially the work. there's a strong sense o
8 community as well though it has gradually watered doon as more
9 people income tae the area. not foreigners but fae ither parts o the UK.
10 Interviewer: and do they blend in well?
11 PBR: ... no, ah think they tend tae stick more tae themselves. ah think,
12 you can also say maybe we're a bit clannish as well, we tend to stick to
13 our ain kind. ah mean, all my friends is fishing or fishin-rela'ed, so it's 14 .. Peterhead
as a community, the community ah grew up in is []
15 everybody knew everybody and it wis, everybody hid somebody who
16 wis out goin to sea, in the fishin. and it is a good, a good area tae be
17 brought up in, ye were always well looked after.

PBR, who is a member of the fishing community (male, age group 70+), describes an introverted and self-reliant population having emerged in the North-East, which, by his own admission, can appear closed to outsiders (C11-13). Work in the traditional industries, as well as the later established oil industry, has forged a strong work and also religious ethic. These are further aspects contributing to this social identity which is portrayed as having impermeable, closed in-group boundaries. Such group coherence, or “clannishness” (C12), impacts on the variety and aids in the formation of a specialised in-group language which is not only specific to a profession as respondent SR points out (B12-16) but also to the region. In this fashion, the speakers separate themselves from others by language in connection with character (“introvert”; Loester 2009: 197), profession (farming and fishing) and region, thus establishing comparatively impermeable group boundaries, thus providing them with a well-founded ethnolinguistic identity. Such a layering and nesting of the different identity aspects, including secure group boundaries, enables the community to remain introvert and isolated, and thus more homogenous. This homogeneity adds to the sense of security and of being “always well looked after”, as respondent PBR highlights in C17. Such a scenario indicates that the variety’s vitality is high, based on the group coherence and the relative isolation of the area, which is reflected in the geographical position and the comparative lack of transport infrastructure until recently. These factors have led to Aberdeenshire, Moray and Orkney recording the highest returns in relation to the number of Scots speakers: 48.8%, 45.3% and 40.7% respectively (average across Scotland: 30.1%; National Records of Scotland 2016).

The perception of rural varieties, such as NE Scots, is that of being among the most “uncorrupted” and “pure” varieties of dialects; as such it is linked to the continuation of traditional industries, the rural character of the area and the relative geographical isolation. A self-perpetuating, idealised system of social and linguistic exclusivity emerges through these perceptions and behavioural patterns. As highlighted in section 2, the region has suffered from relative isolation due to its remoteness and there has been less contact with the more densely populated parts of Scotland than one might expect; these factors have also reinforced the bonds within the local communities and instilled the idea of self-reliance as highlighted in excerpt C.

In addition to the professionally-determined split between different communities within the region, there are other dichotomies present.

(D)

- 1 AD: everyone's got their own little personality.
- 2 JS: ay, bit ah don think you change, mibbe the wey you think is
- 3 different, depends on fit area of the country ye come fae, ken.
- 4 Interviewer: how do you, what do you mean by "the way you think"?
- 5 JS: well, jist the wey that, ye ken, like we're very much country, ken,
- 6 rural orientated, ah think here
- 7 AD: ay
- 8 JS: and the wey we see things is very different fae, ken, [] the wey
- 9 town people see things an that, ken.
- 10 Interviewer: right.
- 11 JS: different ideas aboot things an that. no, ah don think so, jist oor
- 12 accents probably. cause we're quite broad an we do stand out. ken, if
- 13 you hear it on the TV and things like that
- 14 AD: it's horrid!
- 15 JS: it's awful. it's awful.

NE Scots has strong connections with rural areas and the associated way of life (cf. Iancuaniello 1992/1993), often incurring negative stereotyping, as both respondents AD and JS point out, especially if contrasted with urban life. Marshall (2003) in his study about Huntly, a small inland town in Aberdeenshire, observes similar phenomena with regard to the spread of the glottal stop which is a feature closely associated with urban varieties. He shows that adolescents in Huntly adopt the feature while the youngest and older age groups either only display it infrequently or not at all in their speech. By adopting an unusual trait the adolescent speakers try to dissociate themselves from the North-East community and its stereotypical image. Similar to the two respondents above it appears that NE Scots can both unite and create a divide, depending on the age and also potentially the professional group; an association with the traditional industries and the older age groups estimate NE Scots higher as community value than the younger generation and those working in non-traditional professions. Throughout the interview both respondents can be observed to switch between more standard and more distinctly rural variants, e.g. the switch between 'you' and 'ye' (D2-3) or the Standard Scottish pronunciation when discussing the media (D13-15).

There is also the implication that this form of rural speech is unsuitable for the modern world. In 2006 the first series of the BBC programme *Trawlermen*, following the working lives of a number of fishing crews from the North-East, aired and attracted a lot of attention when the dialogues, largely in NE Scots, were subtitled. A short but heated debate erupted about the appropriateness of such action, focussing on whether it was acceptable to portray the variety and its speakers as hard to understand. The decision to subtitle might have been made with the best intentions, including ensuring comprehensibility over background noise from ship engines and the natural environment; however, it raised calls from readers for subtitled other programmes, such as *Eastenders*, set in London's East End, which make use of non-standard urban varieties (Patterson 2006; BBC News 2006).

The interview results indicate that the rural variety overall carries more prestige than the urban variety of NE Scots associated with Aberdeen. The perceived rural variety is not equated with a lack of education or similar labels which are generally encountered in such situations and the variety does not carry a social stigma with regard to its geographical location among most respondents. Equally, the majority of respondents in other studies (cf. section 3) also attest the rural varieties of Scots a higher status, with labels such as “pure” and “genuine” or uncorrupted, while their urban counterparts are largely stigmatised as “coarse”, “rude” and “uneducated”. Objections to the local variety, especially when used in the media, are only raised by the young female respondents. Given the sociolinguistic premise that women attribute more overt status to the standard than men it is not entirely surprising that the women appear to be the harshest critics of the variety.

As highlighted in section 2, the region historically has been isolated but is outward-facing; respondent IB (male, 30—39) states, that in his opinion, the locals regard NE Scots as a “significant part of an insignificant identity”. This statement takes account of the fact that the North-East might only be one region within Scotland or indeed Great Britain and thus insignificant; however, the variety spoken there constitutes an important identity marker for its speakers.

6. CONCLUSION

As the interview excerpts show, the variety of Scots spoken in the North-East is held in high regard by the majority of speakers and is highlighted as a seminal identity marker for both the regional variety and by implication also their national, Scottish identity. The overlapping of regional and professional identity in the cases of those involved in the traditional industries only reinforces the ties to the regional variety but also aligns them with others, especially in the case of the fishing community, within Scotland. To some extent, this layering puts the speakers of NE Scots at odds with a general national Scottish identity; having a separate label, the Doric, for their variety also reinforces this idea of separateness. Within the region we can observe a split between the fishing and the farming community on the one hand and the rural population in general and the urban population on the other. Unsurprisingly, the rural variety of NE Scots stands in higher esteem, both among the rural and the urban population; an equally predictable result is that the younger speakers are less positively inclined towards the variety than the older speakers and those in the traditional industries. A lot has been achieved for the recognition of Scots in the public sphere since the devolution process and the re-establishment of the Scottish Parliament in 1999; the results from the 2011 census itself and research conducted which paved the way for including it in the census (Macafee 2001, Máté 1996, Murdoch 1995) have provided a clearer picture of the number of Scots speakers and implicitly also more information about the attitudes held towards Scots. The education sector has also helped to improve the image of Scots with teaching materials in the language and a safe space for it on the curriculum; however, in everyday life these resources have not always been utilised for a number of reasons. Undoubtedly, this paints a slightly gloomy

picture when it comes to the role of NE Scots, and by implication of Scots in general, for the future; however, as long as the speakers of the language and its regional varieties value it as “a significant part” of their identity, the future should not be as bleak as it might look at first glance.

© Barbara Loester, 2017

REFERENCES

- Aitken, A. J. (1981) The good old Scots tongue: Does Scots have an identity? In Einar Haugen, Derrick J. McClure and Derick Thomson (eds.), *Minority Languages Today*, 72—90. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Allan, David. (2001) *Kenneth mac Alpin*. In Michael Lynch (ed.) *Oxford Companion to Scottish History*. Oxford: Oxford University Press.
- BBC News. (2006) *Subtitle decision ‘puzzles’ Scots*. 4 August. [<http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/1/hi/entertainment/5244738.stm>]. Last accessed 04/08/2016.
- Elphinstone Institute, University of Aberdeen (n.d.). The Elphinstone Kist. [<http://www.abdn.ac.uk/elphinstone/kist/welcome.hti>]. Last accessed 01/12/2015.
- Giles, Howard and Patricia Johnson. (1987) Ethnolinguistic identity theory: a social psychological approach to language maintenance. *International Journal of the Sociology of Language*, 68, 69—100.
- Görlach, Manfred. (1990) Scots and Low German: the social history of two minority languages. In Manfred Görlach (ed.), *Studies in the History of the English Language*. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter. 144—162.
- Hendry, Ian David. (1997) *Doric: An investigation into its use amongst primary school children in the North-East of Scotland*. Aberdeen: University of Aberdeen M. Litt. Thesis.
- Iacuniello, Flavia. (1992, 1993) Linguistic awareness and attitudes in a sample of Scottish speakers. *Scottish Language* 11/12: 62—71.
- Imamura, Mari. (2004) *Primary school teachers’ attitudes towards the Scots language in education in the North-East of Scotland*. Aberdeen: University of Aberdeen Ph.D. thesis.
- Itchy Coo. (Accessed on 1st September 2016) ‘About us.’ Retrieved from: <http://www.itchy-coo.com/aboutus.html>
- Jones, Charles (1997) *The Edinburgh History of the Scots Language*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Kloss, H. (1978) *Die Entwicklung neuer germanischer Kultursprachen seit 1800*. 2., erweiterte Auflage. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann.
- Loester, B. (2009) *A contrastive study of language attitudes and identity construction in the North-East of Scotland and Bavaria*. Aberdeen: University of Aberdeen Ph.D. thesis.
- Löw-Wiebach, Danielle A. V. (2005) *Language Attitudes and Language Use in Pitmedden (Aberdeenshire)*. Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Macafee, Caroline. (1994) *Traditional Dialect in the Modern World: A Glasgow Case Study*. Frankfurt: Peter Lang.
- Macafee, Caroline. (2001) Scots: hauf empty or hauf fu? In John M. Kirk and Dónall P. ÓBaoill (eds.) *Linguistic Politics. Language Policies for Northern Ireland, the Republic of Ireland, and Scotland*. Belfast: Cló Ollscoil na Banríona. 159—168.
- McClure, J. Derrick, John Corbett and Jane Stuart-Smith (eds. 2003) *The Edinburgh Companion to Scots*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

- McClure, J. Derrick. (2002) *Doric: The Dialect of North-East Scotland*. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins.
- McGarrity, Briega. (1998) *A sociolinguistic study of attitudes towards and proficiency in the Doric dialect in Aberdeen*. Aberdeen: University of Aberdeen M. Phil. Thesis.
- McRae, Sandra M. (2006) *Demonstrative use in the Lower Garioch: A study of change in progress*. Aberdeen: University of Aberdeen Ph.D. thesis.
- Marshall, Jonathan. (2003) The changing sociolinguistic status of the glottal stop in northeast Scottish English. *English World-Wide* 24. 89—108.
- Máté, Ian. (1996) *Scots Language Research Report*. Edinburgh: General Register Office for Scotland (GROS).
- Middleton, Sheena. (2001) *A Study into the knowledge and use of Scots amongst primary pupils on Upper Deeside*. Aberdeen: University of Aberdeen M. Litt. dissertation.
- Millar, Robert McColl. (2006) “Burying alive”: unfocussed governmental language policy and Scots. *Language Policy* 5. 63—86.
- Millar, Robert McColl. (2007) *Northern and Insular Scots*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Mitchison, Rosalind. (1990) *A History of Scotland. 2nd edition*. London: Routledge.
- Murdoch, Steve. (1995) *Language Politics in Scotland*. Aberdeen: AUSLQ.
- National Records of Scotland. (2013) *Census 2011. Release 2A*. Retrieved from: <http://www.scotlandscensus.gov.uk/news/census-2011-release-2a>
- National Records of Scotland. (Accessed on 14 September 2016) *Scotland's Census. Area profiles*. Retrieved from: <http://www.scotlandscensus.gov.uk/ods-web/area.html>
- Ong, Walter J. (1982) *Orality and Literacy. The Technologizing of the World*. London: Methuen.
- Patterson, S. (2006) *Fishermen in a storm over Doric dialogue in BBC film*. The Scotsman, 4 August. Retrieved from: <http://www.news.scotsman.com/scotland.cmf?id=1127832006>.
- Robinson, Mairi (1985) *The Concise Scots Dictionary*. Aberdeen: Aberdeen University Press.
- Schmitt, Holger. (2009) *Sprache und Identität in Schottland: Eine qualitative Makrostudie zur Rolle des Tiefland-Schottischen (Scots)*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter.
- Scots Language Centre (Accessed on 14 September 2016) *Aye can... speak Scots*. Retrieved from: <http://www.ayecan.com>.
- Scots Language Centre (Accessed on 13 September 2016) *2011 Census*. Retrieved from: <http://www.scotslanguage.com/articles/view/id/4635>.
- Smyth, Alfred P. (1984) *Warlords and Holy Men. Scotland AD 80-1000*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Article history:

Received: 29 November 2017

Revised: 16 February 2017

Accepted: 21 February 2017

For citation:

Loester, B. (2017). “A Significant Part of an Insignificant Identity”: Tradition, Globalisation and the Re-Articulation of North-East Scots. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2), 335—347.

Bio Note:

Barbara Loester, Dr, Senior Lecturer in English Linguistics, Department of English, Creative Writing and American Studies, University of Winchester. *Research interests*: Sociolinguistics, Language and Identity, Minority languages, Language policies and planning, HipHop language. *Contact information*: e-mail: barbara.loester@winchester.ac.uk.

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-335-347

«ЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ НЕЗНАЧИТЕЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ»: ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ШОТЛАНДСКОГО ЯЗЫКА МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И ГЛОБАЛИЗАЦИЕЙ

Барбара Лоестер

Университет Винчестера
Sparkford Road, SO22 4NR Винчестер, Великобритания

В Великобритании по-прежнему существует конфликт между национальным языковым стандартом с одной стороны, и региональными языками и их разновидностями с другой, воспринимаемыми как «просто диалекты». Язык «скотс» (Scots) занимает важное место в обсуждении этих противоречий. В соответствии с «Европейской хартией региональных языков или языков меньшинств», его признают, защищают и в определенной степени продвигают. Будучи родственным английскому языку, скотс имеет ряд региональных вариантов и конкурирует с другими вариантами английского, используемыми в Шотландии. Северо-восточный шотландский язык (*North-East Scots*, или ‘*the Doric*’) имеет особый статус среди иных разновидностей скотс. Данная статья анализирует *NE Scots* с точки зрения конструирования идентичности его носителей в сельских районах и маленьких городках северо-востока Шотландии. В ней также рассматривается его использование как своего рода акт сопротивления доминантному положению английского языка. Как осознают свою идентичность его носители — как локальную, региональную, национальную шотландскую, британскую или какую-либо иную? Анализ проведенных интервью с точки зрения их содержания и языкового выражения позволяет сделать вывод о том, что респонденты ставят на первое место свою региональную идентичность.

Ключевые слова: *региональная идентичность, национальная идентичность, Шотландия, Северо-восточный шотландский язык — региональный диалект*

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 29 ноября 2017

Дата принятия к печати: 21 февраля 2017

Для цитирования:

Loester B. “A Significant Part of an Insignificant Identity”: Tradition, Globalisation and the Re-Articulation of North-East Scots // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 2. С. 335—347.

Сведения об авторах:

Барбара Лоестер, доктор, старший лектор кафедры английского языка, творческого письма и американских исследований Университета Винчестера (Великобритания). *Сфера научных интересов:* социолингвистика, язык и идентичность, языки национальных меньшинств, языковая политика и планирование, HipHop язык. *Контактная информация:* e-mail: barbara.loester@winchester.ac.uk

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-348-361

КОММУНИКАТИВНАЯ КУЛЬТУРА В СВЕТЕ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ ПОЛЕМИЧЕСКОГО И ПРОПОВЕДНИЧЕСКОГО НАЧАЛ

Г.Г. Хазагеров

Южный федеральный университет
344005, Ростов-на-Дону, Россия, ул. Большая Садовая, д. 105

Статья посвящена проблеме влияния риторических жанров на культивирование общения. При этом различается влияние полемических и эпидейктических жанров. Первые влияют на культивирование горизонтальных общественных связей. Вторые — на развитие вертикальных. В статье дается расширенное представление об эпидейктическом роде красноречия. При этом учитываются те новые жанры, о которых не мог знать Аристотель, определивший функции эпидейктических речей как «хвалить или порицать». Речь идет о пропаганде, рекламе, гомилетике и дидактике. В то же время полемическое начало связывается не только с диалогическими, но и с монологическими текстами. Ставится вопрос о роли художественной литературы в культивировании полемики. Материалом служит главным образом история русской словесности. Делается вывод о том, что чрезмерное развитие одних родов красноречия за счет других может оказаться контрпродуктивным для культуры.

Ключевые слова: *риторика, вертикальные и горизонтальные связи, эпидейктическое красноречие, полемические жанры*

1. ТРИ РОДА КРАСНОРЕЧИЯ И КУЛЬТИВИРОВАНИЕ ГОРИЗОНТАЛЬНЫХ И ВЕРТИКАЛЬНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ

Задолго до того, как сложились инициированные Пражским лингвистическим кружком дисциплины «культура языка», «культура речи», «Sprachpflege», задолго до того, как инициированная двором Людовика XIV активная языковая политика национальных государств озаботилась проблемами унификации и нормализации языка, что привело к представлениям о «языковом стандарте», классическая риторика ставила своей главной задачей культивирование языкового общения. Сегодня широко распространено определение риторики как науки об эффективной коммуникации, но эту эффективность следует понимать не как одноразовый эффект, а как построение хорошо налаженной, окультуренной системы общения. Древняя метафора культивирования остается в силе.

Однако вся история словесности показывает, что разные типы убеждающих речей культивируют разные стороны общения, а диспропорциональное развитие речей одного типа может оказаться контрпродуктивным для коммуникативной культуры и для культуры вообще. Речь идет о трех родах красноречия, названных еще Аристотелем, и о двух видах коммуникативных связей в обществе — горизонтальных и вертикальных. В последнем разграничении, достаточно очевидном интуитивно, мы следуем за теорией социальных сетей, где под горизонтальными

отношениями понимаются отношения между людьми приблизительно одного статуса, можно назвать их «симметричные отношения», скажем, переписка ученых, собирающихся реализовать общий проект, под вертикальными — отношения между командой лидеров, задающих коды общения, и рядовыми членами сообщества. Здесь я позволю себе отослать читателя к статье из горизонтально организованной Википедии (Социальная сеть: 2016).

Аристотель, как известно, выделял три рода красноречия: судебное, совещательное и эпидейктическое. Первые два объединяют полемические жанры. Судебное и совещательное красноречие противопоставлены друг другу по одному признаку: судебное рассматривает то, то уже произошло и что не зависит от воли присутствующих, совещательное — то, что может произойти и что может зависеть от участников диалога. Однако в обоих случаях это предполагает полемику. Примером судебного красноречия может служить судебное состязание или научная дискуссия, скажем, дискуссия о происхождении языка. Примером совещательного красноречия могут служить парламентские дебаты или обсуждения проектов, скажем, принятие новых правил орфографии, вокруг чего пятнадцать лет назад велась и общественная и научная дискуссия. Как бы то ни было, но оба рода предполагают возможность возражения и строятся в соответствии с этой возможностью.

Эпидейктическое же красноречие стоит особняком, и на нем следует остановиться подробнее, потому что представление об этом роде недостаточно разработано в современных коммуникативных науках из-за того, что древний термин ориентирует на поиски чего-то торжественного, приподнятого, и многие современные явления, такие, например, как пропаганда или коммерческая реклама, рассматриваются вне трихотомии Аристотеля.

Для нас же, поскольку первые два рода полемичны, важно рассмотреть все то, что полемичным не является. Поэтому нас не убедят такие признаки эпидейктического рода, как отнесение к текущему моменту, и то, что в нем «равно заинтересованы и адресант, и адресат сообщения» (Шаталова 2009: 17) (мысль, не работающая на видовую специфику убеждающих речей как таковых). С осторожностью следует отнестись и к часто цитируемому высказыванию Аристотеля: «Дело эпидейктических речей хвалить или порицать» (Аристотель 1978: 25).

Гений Аристотеля проявился в том, что под это высказывание подходят явления, с которыми он еще не был знаком: христианская проповедь и политическая пропаганда как социальным институт. Это случаи заведомо эпидейктического красноречия. Но есть и другие случаи. Любопытно, что в английских переводах вместо «хвалить» может стоять *commemorate*, что уже сильно расширяет границы эпидейктического, правда, на месте «порицать» обычно стоит *blame*, а иногда дается обозначение «*praise-and-blame rhetoric*». Может быть, точнее было бы сказать «не полемическим образом утверждать или отрицать», или попросту — «постулировать»? «Дело эпидейктических речей постулировать нечто».

Постулирующий, перформативный характер эпидейктического красноречия проявляется не только в проповеди, панегирике, рекламе, пропаганде, но и в дидактических жанрах, в текстах, посвященных задаче образования и воспитания.

Х. Перльман и Л. Ольбрехт-Тытека, с чьими именами связано возрождение интереса к риторике в двадцатом веке, пишут: “The speaker engaged in epideictic discourse is very close to being an educator” (Perelman, Olbrechts-Tyteca 1969: 52). Авторы далее подчеркивают неполемичность эпидейктического красноречия, в котором они видят лишь “promoting values that are shared in the community”. В самом деле, дидактические жанры можно охарактеризовать как типично эпидейктические. Однако не все ведь из них связаны с оценочностью (хвалят или порицают). Убеждая ученика следовать языковому стандарту, мы не хвалим и не порицаем. «Увековечиваем» стандарт? Возможно. Скорее же всего мы его просто постулируем и пропагандируем.

Термин «эпидейктический» на русский язык переводят либо буквально, как «показательный» (такова же и латинская калька — *genus demonstrativum*), либо как «торжественный», что отражает связь этого рода с эвлогиями, восхвалениями (в английском — *epideictic*, а также *panegyric* (Lanham 1968: 106). «Показательный» больше соответствует нашему пониманию — постулирующий.

В русской науке используют также термин «учительный», особенно применительно к древнерусскому периоду: «учительное и торжественное красноречие» (История русской литературы X—XVII веков 1980: 90). Эта дихотомия, судя по квалифицированным так памятникам, отражает две разновидности эпидейктического красноречия — возвышенную проповедь, например, «слова» Кирилла Туровского, собственно торжественный род, и написанное простым языком «поучения», например, «Поучение Владимира Мономаха», учительный род. К торжественному красноречию относится и политическая проповедь, с древних времен связанная с нравственной. Самый ранний например — «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона. Такие мировые памятники литературы, как средневековый «Физиолог», имевшийся и в славянском варианте, и другие бестиарии совмещают обучение с воспитанием, сведения о природе — с нравовоспитанием. В средние века это достигалось аллегорической трактовкой. «In the Christian west, it was commonly believed that the natural world, the so-called “book of nature”, had been arranged as it was by God to provide a source of instruction to humanity», — пишет современный издатель Бестиария (Badke 2011).

Трудно отрицать близость таких дидактических сочинений к гомилетике. Но аллегорическая трактовка (парабола) не единственный прием привнесения воспитательного элемента в текст, наряду с ним используется и парадигма (казус). Во всем мире практиковались издания нравовоспитательных стихов для детей, особенно распространенные в немецкоязычной культуре, см. например: (Hoffman 1956).

Широко известно и то, что при обучении языку материал подбирается так, чтобы как минимум отразить реальный узус (и это уже постулат!), как это делается в современных оксфордских учебниках и уже давно делалось в разговорниках, либо в явном виде отразить принятые в обществе нормы (как это практиковалось в советских учебниках).

Отметим, что школярский юмор от средневековых вагантов до советских КВН был построен на противоречии между узусом и нормой — реакция на постулирование, которое вызывает у студента интеллектуальную перегруженность. Здесь ле-

жит источник рождения бурсатского юмора с его смешением церковнославянского с русским или источник такой реакции на постулаты куртуазии, в частности на то, как вести себя за столом («Tischzuchten»), как, например, немецкое гробианство (Hauffen 1926).

Особое место среди эпидейктических жанров занимает пропаганда — тип речи, теоретически не связанный жестко с манипулированием, хотя самим фактом повтора она достаточно активно вмешивается в повестку дня. Согласно энциклопедии *Britannica*: «Deliberateness and a relatively heavy emphasis on manipulation distinguish propaganda from casual conversation or the free and easy exchange of ideas» (*Britannica* 2016). Для нас важно, что пропаганда не предполагает полемики, и это позволяет ее отнести к эпидейктическому роду. Дело ее не просто «хвалить и порицать» или «постулировать», но внедрять в сознание слушателя определенные паттерны активно и под любым предлогом. Эта активность приводит к тому, что пропаганда проникает в полемические жанры, искажая их природу. Советская пропаганда может служить здесь хорошим примером, так как она проникала и в научную полемику, мешая ее объективности, как это было в случае с генетикой, и в судовое дело на так называемых показательных процессах. Интересно, что само название «показательные процессы» — перевод с английского *show trials* — в русском вернулось к кальке с греческого «эпидейктический».

В пропаганде наиболее заметно свойство, присущие и другим жанрам этого рода. В выражении “values that are shared in the community” надо поменять модальность или смягчить его вводными словами: «ценности, которые должны разделять члены сообщества» или «ценности, которые, как считается, разделяют члены сообщества». Это относится и к дидактическим жанрам, к нашему примеру с обучением языковому стандарту. Постулативность инвариантна, а всеобщность ценности варьируется во времени и социальном пространстве. К тому же феномен пропаганды напоминает нам, что признак отсутствия сиюминутной актуальности также факультативен для непolemических жанров.

Наконец, эпидейктические жанры сближают с игровыми формами риторики, известными со времен античности. Надо, однако, учесть, что игра — это шуточное постулирование, постулирование-самоотрицание. В логике и математике эту роль играют софизмы, показанные в учебных целях. На темы игры и софизма рассуждает Йохан Хёйзинга в своей знаменитой «*Homo ludens*», замечая, что у софистов невозможно провести четкую грань между игрой и серьезностью (Хёйзинга 2016). Нам стоит, однако, обращать внимание на то, в какую модальную рамку вписаны постулаты эпидейктизма. Одно дело выдвигать человека на должность президента застолья, другое — компании или страны. Тема модальной рамки подводит нас к вопросу о художественном вымысле.

Отдельный и непростой вопрос — отношение к трем родам красноречия художественного слова. Здесь мы имеем возможность лишь поставить его. Сегодня многие литературоведы проводят мост от риторики к литературе через категорию «нарратив», и это делает постановку вопроса правомерной (Тюпа 2001). Связь литературы с эпидейктическим красноречием представляется убедительной,

во всяком случае генетическая связь: отмечается, что торжественные слова Горгия повлияли на развитие античной прозы (Зелинский 1995: 25—238). Очевиден и постулирующий характер художественного произведения, которое предлагает читателю принять готовый мир. Однако у художественной литературы, особенно у драмы и романа, есть свои источники полемичности, оказывающие влияние на коммуникативный климат в обществе, о чем будет сказано ниже.

Все эпидейктические жанры, включая и пропаганду, решают, хотя и в разной степени, культурно-созидательную задачу. Они культивируют язык вертикальных отношений. Проповедь учит, как думать о Боге, университетская дидактика — как рассуждать на научные темы, пропаганда — как рапортовать на собрании или выступать на митинге, корпоративные речи — как вести себя в компании. Полемические жанры, напротив, культивируют связи горизонтальные. Но чтобы понять, что означает это «культивирование» для культуры, то есть во что выливается то и другое культивирование, обратимся к истории. Мы будем демонстрировать процесс окультуривания общения главным образом на примере истории русской словесности. И начнем с полемических жанров.

2. ПОЛЕМИЧЕСКОЕ КРАСНОРЕЧИЕ И ЕГО ВКЛАД В КУЛЬТУРУ

История русской словесности показывает, что полемика трудно пробивала себе дорогу. Отечественная словесность не знала, например, феномена университетских диспутов, а первый парламент заработал только в 1906 г. Если эпидейктическое красноречие достигло высот уже в XI в., когда красноречие было исключительно эпидейктическим (Еремин 1987), что формировало и сам образ мысли (Pliuchanova 1986: 333—343), то первые проблески полемики в письменной культуре мы видим в XVI в. в связи со спором иосифлян с нестяжателями и перепиской Ивана Грозного с Андреем Курбским. Надо, однако, заметить — и это очень важно для оценки роли художественного слова, — что полемическое начало может проявляться и в монологических жанрах. Иными словами, и монологические жанры могут участвовать в культивировании языка горизонтальных связей.

Важной вехой развития полемического начала внутри монологического слова для русской культуры была так называемая тема двойничества, мощно заявившая себя в XII в. (Лихачев, Панченко, Понырков 1984). Персонажи повестей раздваивались, как это много позже произошло с Джекилом и Хайдом («Повесть о Горе и Злочастии», «Повесть о Савве Грудцыне»).

Внутренний диалог с двойником давал образцы спора. Любой спор — это поиски аргументов, это мобилизация существующих на слуху топосов и привлечение новых. Poleмика — это всегда толчок к развитию языка и в когнитивном, и в коммуникативном отношении. Например, в «Повести о Горе и Злочастии» ложный друг главного персонажа — Горе, совращая молодца с праведного пути, говорит, что бедному «шумит разбой». Это впервые высказанная вслух мысль о том, что бедному терять нечего и он может стать разбойником. Автор не считает эту мысль полезной, но, как всякий человек, которому приходится спорить или

хотя бы описывать спор, волей-неволей работает на расширение ноэтического пространства языка. При спорах и конфликтах, будь то двойническая или плутовская повесть вроде приключений Фрола Скобеева, в монологический текст попадает описание горизонтальных отношений. Благочестивые размышления о Боге и благоговейные рассуждения о царе и царстве сменяются рассуждениями людей о людях.

Общим местом истории литературы и языка стало обмирщение языка и рост диалогического начала в описываемом нами периоде, т.е. в семнадцатом веке. Оба процесса тесно связаны между собой, взаимно усиливают друг друга. Полемичность ведет к расширению языка. Спорящие вынуждены вдумываться в слова. Споры часто ведут к образованию неологизмов, окказиональных значений слов, внутренних, присущих данному спору перифраз и цитаций. Это заметно уже в переписке Грозного с Курбским, где «возвращенное» слово оппонента может изменить значение. Курбский, например, употребляет выражение «праги церковные» как метонимию в высоком контексте: Иван обагрил церковные пороги кровью. Иван же использует слово в прямом значении и говорит об украшении им церквей, не только их порогов.

Второй волной роста полемики в монологическом слове явился роман XIX в. И здесь можно только сослаться на мысли Бахтина о полифонии у Достоевского (Бахтин 1972: 3—8), хотя, если посмотреть на ситуацию под риторическим углом, Достоевский продолжает линию использования диалогизации (риторическая серmocинация) и цитации «чужого слова», что делал уже Иван Грозный, не в таком, разумеется, масштабе.

Особое место занимает драма. Будучи монологом автора, сама она состоит из диалогов. Драмы Шекспира представляют собой целую школу риторики (Platt 1999). В России позднее развитие драмы и ее «прозаичность» свидетельствуют и о позднем развитии полемиического начала, которому не способствовал существовавший социальный уклад.

В контексте наших рассуждений интересна и другая мысль Михаила Бахтина: его теория первичных и вторичных жанров (Бахтин 1996), открывающая интересный аспект функционирования художественного текста в культуре. Первичные жанры рождаются в речи, а в литературе они получают художественное осмысление, например, объяснение в любви и письмо Татьяны к Онегину. Но цепочка на этом не заканчивается. Из литературы жанры опять возвращаются в речь. Письмо Татьяны — образец того, как можно объясняться в любви. И трудно считать число тех русских девушек, которые не учились на этом письме. Но таковы же и другие образцы развития горизонтальных отношений, данные романистами девятнадцатого столетия.

Однако в XIX в. развивается не только монолог. Одна за другой появляются в России площадки для развития полемиического слова. Это журнальная критика, которая уходит далеко вперед по сравнению с XVIII веком хотя бы из-за одного того, какой материал находится в ее поле зрения. Вторая площадка — суды приcяжных, появившиеся после реформы 1864 г. Тогда же начинает развиваться и академическое красноречие. Все это дало мощнейший импульс развитию рус-

ского языка и русской культуры. Возникло общество, оформилась в самостоятельную силу русская интеллигенция. Сам русский язык достигает едва ли не вершины своего развития, которое бы не могли дать ему одни проповеди и оды.

В XX веке уже возникает парламентское красноречие — новая площадка. Русскому судебному красноречию пришлось бы трудно, если бы к тому времени не существовал богатый опыт русской литературы и литературной критики, о чем мне случалось писать (Хазагеров 2012: 67). Использование этого опыта в речах известных судебных ораторов встречается постоянно. Точно так же без опыта судебного красноречия невозможно было бы русское парламентское красноречие. И здесь влияние заметно невооруженным глазом. Так возникает цепная реакция развития полемизма.

Сегодня мы знаем о попытках «расширения» языка комбинаторным способом от проекта Александра Солженицына до проекта Михаила Эпштейна. В литературе схожим образом действовал аббат Фариа в замке Иф, получая новогреческий язык из древнегреческих корней. Но чтобы «расширение» произошло, нужна потребность в этом расширении. Такую потребность всегда дает ситуация полемики. Чтобы спорить с кем-то, надо вслушиваться в его слова, надо представлять себе его картину мира, что сегодня называют реципиент-дизайном.

Полемика предполагает тонкие дистинкции, к которым вынуждены прибегать спорящие. Более того, полемика стимулирует и метаязыковое мышление. Уже само употребление фигур, особенно таких, как парадокс, антитеза, диалексис, полиптих, частотных в полемических жанрах, актуализирует связи между звуковой оболочкой слова и лексическим значением.

Культивирование языка часто идет путем разведения значений синонимов, как это делали французские синонимисты при составлении академического словаря. Но если разведение синонимов как результат государственной политики происходит методом мобилизации ученых, практиковавшимися при Людовике XIV и при советской власти, то в ходе подлинной полемики не в Академии, а в Конвенте разведение синонимов становится повседневным делом и притом делом естественным.

3. ЭПИДЕЙКТИЧЕСКОЕ КРАСНОРЕЧИЕ И ЕГО ВКЛАД В КУЛЬТУРУ

Эпидейктическое красноречие культивирует социальность опосредовано через утверждение единых для сообщества образцов мышления и говорения. Этот процесс затрагивает лишь одну сторону социальности, так как не касается того, как окультуривать горизонтальные отношения между людьми и разрешать конфликты. Но эта сторона социальности совершенно необходима. Она формирует постулаты. Это, так сказать, аксиоматическая часть культуры, ее алфавит, но не текст.

Проповедь, выраженная в многократно переписываемых торжественных «словах» первых веков русской литературы, заложила крепкий фундамент культуры. В восемнадцатом веке потребность в строительстве светского государства снова вызвала к жизни неполемические жанры и на этот раз и подкрепляющую их теоретическую мысль.

Характерной и неслучайной чертой русского классицизма был расцвет панегирических жанров, как неслучайной чертой было прославление царей. Все это было проявлением культивирования вертикальных отношений в обществе.

Показательна в этом смысле риторика этой эпохи, так называемая декорум-риторика (Лахманн 2001). Широко известная теория «трех стилей» (Ломоносов 1984) Ломоносова, как и менее известный подход его к общим местам как порождающему алгоритму, «плодящему» мысли (Ломоносов 1952: 158—160), ясно показывают направленность усилий выдающегося филолога именно на культивирование вертикальных, а не горизонтальных связей.

Античная теория трех стилей основывалась на задачах воздействия на аудиторию. Ср. античное учение о стилях в «Риторике к Гереннию» и более поздних: (Стрельникова 1976), а не на достижении «пристойности», соблюдении регламента. Неслучайно третий стиль у Ломоносова был не «простым», а «низким». Простым стилем, согласно античной мысли, можно доказывать и учить, низким же стилем можно только смешить в «подлых» комедиях. Он существует как оппозиция высокому — играет роль шута при монархе, подчеркивает «вертикализм».

Теория общих мест у Ломоносова построена таким образом, что с ее помощью можно порождать декоративные тексты, но никак не подготовиться к полемике. Одно общее место у Ломоносова может раскрываться через другие и т.д. Эту теорию и сегодня можно успешно использовать при составлении юбилейных речей. Весьма характерно в связи с этим упоминание об «изобилии». Юбилейные, праздничные, красочные речи должны быть именно изобильны, богато украшены. Такими же точно чертами обладал и так называемый сталинский классицизм, где идея изобилия проявлялась и в вещном мире различных с большим размахом организованных выставок.

4. ИЗДЕРЖКИ ЭПИДЕЙТИЧЕСКОГО КУЛЬТИВИРОВАНИЯ

Третьим и тоже востребованным периодом культивирования вертикальных связей для русской культуры был период советский, когда пропаганда возводила в роль аксиом новую идеологию. В этот же период мы наблюдаем закат полемических жанров и проникновение пропаганды вовнутрь полемики, когда сами диалоги оказываются срежиссированными, превращаются в ритуал, что можно было наблюдать на советских собраниях. Диалоги же в художественной литературе стремительно теряли роль образцов, на которые можно было бы ориентироваться в реальной жизни. Реальные диалоги допускались только в юморе с неизбежным «низким» стилем. Дефицит диалога вызывал огромный интерес к кинокомедии, хорошо видный в словаре киноцитат (Кожевников 2001), где именно сниженные, но реалистичные реплики зафиксированы как идиомы. Таким же поставщиком крылатых слов послужил «Диалог у телевизора» Владимира Высоцкого.

Что касается теории, то риторику вскоре после кратковременного всплеска интереса к «живому слову», что отражено в названии «Института живого слова», просуществовавшего до 1924 г., и отдельных работ (Миртов 2013), заменило лекторское мастерство, или мастерство лектора-пропагандиста, см. например (Ножин 1913). Неслучайно много позже риторическое возрождение пошло у нас по линии описания тропов и фигур, а не разработки аргументативной риторики.

Можно было бы проанализировать сам характер фигур, попавших в поле зрения на заре риторического возрождения. Мне представляется, что они были больше связаны с торжественным выступлением на собрании, чем со спором. Таков, например, список фигур, предложенных так называемой практической стилистикой. Различна, скажем, судьба анафоры, о которой знали всегда, и диафоры, которая была настолько забытой, что советские ученые придумывали для нее новые названия. До настоящего времени теория риторической инвенции явно не самое сильное место в учебниках риторики. Причем это в большей степени, чем к силлогистике, относится именно к учению об общих местах — содержательной стороне подготовляемой речи.

В стилистической науке первое место принадлежало функциональной стилистике, цель которой — стилистическая регламентация языкового общения. Культура речи как нормативная дисциплина мыслилась и для многих авторов мыслится, по-видимому, и сейчас как единственная дисциплина, культивирующая речь. Никак не хочется принижать роли того революционного прорыва в понимании нормы, который обеспечили идеи Пражского лингвистического кружка, породившие представление об отшлифованной форме национального языка — литературном языке (Матезиус 2003). Но пражане искали теоретической основы для «гибкой стабильности языка» в условиях распада Австро-Венгрии и в дальнейшем их взгляды столкнулись с новыми вызовами (Schmiedtová 2013). Советская же речевая культура решала задачу ликвидации безграмотности и насаждения политграмоты. «Гибкая стабильность» ей была нужна скорее на словах, как и сама идеология на словах признавала примат развития. В действительности речь шла о закладке паттернов, что хорошо видно на примере дидактического материала словарей и языковых учебников. «Развитие» же было связано главным образом со сменой политических кампаний.

Переизбыток «вертикализма» в советской культуре приводил к тому, что горизонтальные связи не получали должного окультуривания. Официальная культура не давала достаточного количества релевантных образцов. Невозможно было говорить в быту языком комсомольских собраний. В таких условиях закономерно расцветал сленг с двумя чертами, которые выявились позже, когда масштаб этого явления стал понятен в результате снятия цензурных запретов. Речь идет об амбивалентности и глумлению, позже названной лингвистическим цинизмом (Скородников 2014).

Амбивалентность — прямое следствие отсутствия полемичности. Высмеивание пропагандистских штампов в последние годы советской власти сочеталась с некритическим отношением к содержанию этих штампов. Цитаты «классиков», над которыми принято было смеяться, не признавались истинной, но не признавались и ложью. Просто их было слишком много, и это становилось смешным. Рождение поверхностного «стёба», тормозящего сознательное отношение к слову и порождающего лингвистический цинизм — самое тяжелое последствие того, что горизонтальные отношения оказались не окультуренными. Причем это случилось в обществе, где культивирование вертикальных связей было беспрецедентно высо-

ким для истории русского языка. Даже малограмотный человек мог при желании заговорить языком передовицы. Но и образованный человек вынужден был пользоваться такими словами, как «шарашка» или «шабашка», потому что в литературном языке зияли лакуны. Сам характер горизонтальных связей маргинализировался, как это происходило на «рынке товаров и услуг» в обход плановой экономики (Кордонский 2014). Маргинализировался и обслуживающий эти связи «блатной» язык.

Менее значимо, но также заметно влияние переизбытка эпидейктического начала на сами эпидейктические жанры. Здесь отмечается парадокс: исчезновение высокого стиля. Отчасти это объясняется обычным переходом экспрессии в стандарт (Костомаров 1971) в результате интенсивности работы пропагандистской машины. Рекламщики знают об этой проблеме в связи с интенсификаторами («эксклюзивный», «самый лучший» и т.п. (Кронгауз 2008: 27—32), обесмысливающими позиционирование товара. Но в рекламе, рассчитанной на потребителя и связанной с вещным миром, есть широкая возможность использования различных средств деинтенсификации через сравнение с приятными потребителю объектами («с запахом морской волны», «с ароматом свежей травы» и т.п.). Пропаганда же с ее шаблонами большим маневром на этот счет не обладает. В результате высокий стиль стал скучным. Отчасти отсутствие высокого стиля объясняется соображениями «стёба», с которым оказалось трудно конкурировать.

Но наиболее остро дефицит образцов цивилизованной полемики сказался на самой полемике. В классической риторике существовало представление о стасисах (Гаспаров 2000) — линиях обороны в споре. Существуют четыре таких стасиса. Но если мы обратимся к постам в Интернете, мы увидим достаточно однотипную картину: не желая вдумываться в аргументацию оппонента, автор поста сразу же переходит к последнему стасису — стасису отвода: нет нужды спорить с оппонентом, потому что он несостоятелен. Разумеется, статус отвода имеет право на существование, и вопрос о том, когда мы вправе не принимать во внимание высказывание человека — отдельная тема, которой посвящена целая книга современного автора (Walton 1998). Но регулярное использование уничижительной характеристики вместо аргументации — иное дело. Понятно, что таким способом вести диалог невозможно. Получается, что интенция реплики — не уговорить оппонента и не найти с ним общую почву, а просто оборвать общение, «заткнуть рот». Сетевое общение, если это не общение между единомышленниками, становится затруднительным.

В ситуации, когда люди не хотят и не умеют полемизировать, падает не только авторитет риторики, но и авторитет культуры. Нет смысла учиться, безграмотности перестают стесняться (Хазазеров 2016), разрастается функциональная неграмотность (Жукова 2006). Конечно, эти тенденции не тотальны. Но тренды очевидны, и они должны привлекать к себе общественное внимание и прежде всего внимание филологического сообщества.

Все сказанное выше говорит о том, что коммуникативное пространство устроено сложно, и наши активные действия в нем вызывают различные следствия,

в том числе и те о которых заранее никто не предполагал. «Мораль» же данной статьи — стремление к гармонии полемических и неполемических жанров в обществе. Миссия ученого сообщества — мониторинг коммуникативной ситуации. Целью статьи было показать, как полемические и эпидейктические жанры культивируют общее коммуникативное пространство.

© Г.Г. Хазагеров, 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/ REFERENCES

- Аристотель *Риторика* // Античные риторика: изд-во Московского университета. 1978. С. 15—166. [Aristotel' (1978) *Ritorika*. (Rhetoric). Antichnii Ritoriki: izd-vo Moskovskogo universiteta, 15—166. (In Russ).]
- Бахтин М.М. *Проблемы поэтики Достоевского*. М.: Художественная литература, 1972. 469 с. [Bakhtin, M.M. (1972) *Problemy poetiki Dostoevskogo*. (Problems of Dostoevskii's Poetics). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ).]
- Бахтин М.М. *Проблема речевых жанров* // Бахтин М.М. Собр. соч. М.: Русские словари. 1996. Т. 5. С. 159—206. [Bakhtin, M.M. (1996) *Problema rechevykh zhanrov*. (Problems of Speech Acts) / Bakhtin M.M. Sobr. soch. Moscow: Russkie slovani, 159—206. (In Russ).]
- Гаспаров М.Л. *Античная риторика как система* // Михаил Гаспаров Об античной поэзии. СПб.: Азбука. 2000. С. 424—472. [Gasparov, M.L. (2000) *Antichnaya ritorika kak sistema*. (*Antique Rhetoric as a System*) / Mikhail Gasparov Ob antichnoi poezii. SPb.: Azbuka. 2000, 424—472. (In Russ).]
- Еремин И.П. *Лекции и статьи по истории древней русской литературы*. Издательство Ленинградского университета. 1987. 323 с. [Eremin, I. P. (1987) *Lektsii i stat'i po istorii drevnei russkoi literatury*. (Conspectus and Articles on Russian Ancient Literature). Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russ).]
- Жукова Т. *Функциональная неграмотность — чума XXI века* // Независимая газета. 10.03.2006. [Zhukova, T. (10.03.2006) *Funktsional'naya negramotnost' — chuma XXI veka*. *Nezavisimaya gazeta*. (In Russ).]
- Зелинский Ф.Ф. *Художественная проза и ее судьба* // Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей в 4 т. 1995. Т. 2. М., С. 225—238. [Zelinskii, F.F. (1995) *Khudozhestvennaya proza i ee sud'ba*. Literature. (Proze and its Destiny) / Zelinskii F.F. *Iz zhizni idei v 4 t.* Т. 2. М., 225—238. *Istoriya russkoi literatury X—XVII*. In D.S. Likhachev (ed.). Moscow: Prosveshchenie. (In Russ).]
- История русской литературы X—XVII веков* / под ред. Д.С. Лихачева. М.: Просвещение. 1980. 459 с. [Likhachev, D.S. (1980) *Istoriya russkoi literatury X—XVII vekov*. (History of Russian Literature). Moscow: Prosveshchenie. 1980. (In Russ).]
- Кожевников А.Ю. *Большой словарь. Крылатые фразы отечественного кино*. М: ОЛМО_ПРЕСС, 2001. [Kozhevnikov, A.Yu. (2001) *Bol'shoi slovar'. Krylatye frazy otechestvennogo kino*. (Big Dictionary. Catch Phrases of Russian Cinema). Moscow: OLMO_PRESS. (In Russ).]
- Кордонский С. *Рынки власти. Административные рынки в СССР и России*. [Электронный ресурс] М.: ОГИ, 2006 // <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/80871710>. [Kordon-skii, S. (2006) *Rynki vlasti. Administrativnye rynki v SSSR i Rossii*. (Markets of Power. Administrative Markets in USSR and in Russia). Retrieved from: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/80871710>].

- Костомаров В.Г. *Русский язык на газетной полосе*. М.: изд-во МГУ, 1971. С. 245 [Kostomarov, V.G. (1971) *Russkii yazyk na gazetnoi polose*. (Russian Language in Newspaper). Moscow: izd-vo MGU, 245. (In Russ).]
- Кронгауз М. *Русский язык на грани нервного срыва*. М.: Языки славянских культур. 2008. 232 с. [Krongauz, M. (2008). *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva*. (Russian Language Close to the Stress Edge). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ).]
- Лахманн Р. *Демонтаж красноречия*. СПб.: Академический проект. 2001. С. 361 [Lakhmann, R. (2001) *Demontazh krasnorechiya*. (Dismantling of Eloquence). SPb.: Akademicheskii proekt. (In Russ).]
- Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. *Смех Древней Руси*. Л.: Наука 1984. С. 285 [Likhachev D.S, Panchenko A.M., Ponyrko N.V. (1984) *Smekh Drevnei Rusi*. (Laugh of Ancient Rus). L.: Nauka. In Russ).]
- Ломоносов М.В. *О пользе книг церковных* // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 7. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1952. С. 589—590. [Lomonosov, M.V. (1952) *O pol'ze knig tserkovnykh*. (In praise of Church Books) / Lomonosov M. V. Poln. sobr. soch. T. 7. Moscow: L.: izd-vo AN SSSR. In Russ).]
- Ломоносов М.В. *Краткое руководство к красноречию* // Ломоносов М.В. Избранные произведения в 2 т. Т. 2. М.: Наука. 1986. С. 158—160 [Lomonosov, M.V. (1986) *Kratkoe rukovodstvo k krasnorechiiu* (Short Guidelines to Eloquence) / Lomonosov M. V. Izbrannye proizvedeniya v 2 t. T. 2. Moscow: Nauka, 158—160. In Russ).]
- Матезиус В. *О необходимости стабильности литературного языка* // Матезиус Избранные труды по языкознанию. М.: УРСС, 2003. С. 194—209 [Matezius, V. (2003) *O neobkhodimoi stabil'nosti literaturnogo yazyka*. (On the Necessity of Literature Language). Matezius Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu. Moscow: URSS. 194—209. In Russ).]
- Миртов А.В. *Живое слово* [Электронный ресурс] // <http://www.studfiles.ru/preview/395692>. [Mirtov, A.V. *Zhivoe slovo*. (Living Word). Retrieved from: <http://www.studfiles.ru/preview/395692>].
- Ножин Е.А. *Основы советского ораторского искусства*. М.: Знание. 1973. С. 350 [Nozhin, E.A. (1973) *Osnovy sovetskogo oratorskogo iskusstva*. (Fundamental Principles of Soviet Rhetoric). Moscow: Znanie. In Russ).]
- Сковородников А.П. *К определению термина «лингвоцинизмы»* // Мир русского слова, № 3, 2014. С. 49—54. *Социальная сеть* [Электронный ресурс] // [https://ru.wikipedia.org/wiki/социальная_сеть_\(социология\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/социальная_сеть_(социология)) 2016 [Skovorodnikov, A.P. (2014) *K opredeleniyu termina «lingvotsinizmy»*. *Mir russkogo slova* (World of Russian World), 3, 40—54. Retrieved from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>].
- Стрельникова И.П. *«Риторика для Геренния»* // Кузнецова Т.И., Стерльникова И.П. Ораторское искусство в Древнем Риме. М.: Наука, 1976. С. 62—91.
- Тюпа В.И. *От поэтики к риторике. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса* [Электронный ресурс] // http://gumfak.ru/otech_html/chekhov/chekhov-kritics/tupe/tupe2.shtml [Тура, V.I. *Ot poetiki k ritorike. Narratologiya kak analitika povestvovatel'nogo diskursa*. (From Poetics to Rhetoric. Narratology as Analytics of Narrative Discourse). Retrieved from: http://gumfak.ru/otech_html/chekhov/chekhov-kritics/tupe/tupe2.shtml].
- Хазазеров Г.Г. *Норма как ценность в речи журналиста* // Учимся говорить по-русски. Проблемы современного языка в электронных СМИ. М., 2016. С. 209—217 [Khazagerov, G.G. (2016) *Norma kak tsennost' v rechi zhurnalista*. *Uchimsya govorit' po-russki. Problemy sovre-*

menogo yazyka v elektronnykh SMI. (Norm as a value of journalist's speech. Learning to speak Russian. Problems of Modern Language in Internet Media). Moscow, 209—217. In Russ.)]

Хазагеров Г.Г. *Риторика тоталитаризма*. Ростов-на-Дону, 2012. С. 276. [Khazagerov, G.G. (2012) *Ritorika totalitarizma*. (Rhetoric of Totalitarianism). Rostov-na-Donu, 276. In Russ.)]

Хейзинга Й. *Хомо луденс Глава IX* [Электронный ресурс] <http://profilib.com/chtenie/98983/yokhan-kheyzinga-homo-ludens-59.php> [Kheizinga, I. *Homo ludens Glava I*. Retrieved from: <http://profilib.com/chtenie/98983/yokhan-kheyzinga-homo-ludens-59.php>].

Шаталова С.В. *Эпидейктические жанры речи*: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ярославль, 2009. 379 с. [Shatalova, S. V. (2009) *Epideikticheskie zhanry rechi (Epideiktic Speeche Genres)*. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01. Yaroslavl'. In Russ.)]

Badke, D. (2011) Introduction. *The Medieval Bestiary*. Retrieved from: <http://bestiary.ca/intro.htm>.

Hauffen, A. (1926) *Grobianische Dichtung. Reallexikon der deutschen Literaturgeschichte*, Berlin: hrsg. von P. Merker und W. Stammler, I B.

Hoffman, H. (1956) *Der Struwwelpeter. Lustige Geschichten und drollige Bilder*. Berlin. Kinderbuchverlag.

Klein, J. *Praising the Ruler: Panegyric Poetry and Russian Absolutism*. Retrieved from: <http://www.slovene.ru/ojs/index.php/slovene/article/view/109>.

Lanham, R. (1968) *A Handlist of Rhetorical Terms*. University of California press. Berkley and Los Angelos.

Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. (1969) *The new rhetoric: a treatise on argumentation*, University of Notre Dame Press.

Platt, P. (1999) *Shakespeare and Rhetorical Culture*. Retrieved from: <http://www2.idehist.uu.se/distans/ilmh/Ren/platt.htm>

Pliuchanova, M. *Rhetoric and Russian Historical Thought of the 16th and 17th Century* // *Europa Orientals* 5 (1986). Retrieved from: <http://www.europaorientalis.it/uploads/files/1986/1986.17.pdf> P. 333—343.

Propaganda (2016) // *Encyclopedia Britannica*. Retrieved from: <https://global.britannica.com/topic/propaganda>

Schmiedtová, V. (2013) *Theory of language culture and the current language situation in the Czech Republic* // Retrieved from: <http://www.nigma.ru/?s=culture+of+language+Praha&t=web&rg=/>.

Walton, D. (1998) *Ad Hominem Arguments*. University of Alabama Press.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27 декабря 2016

Дата принятия к печати: 30 января 2017

Для цитирования:

Хазагеров Г.Г. Коммуникативная культура в свете противопоставления полемиического и проповеднического начал // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 2. С. 348—361.

Сведения об авторе:

Георгий Георгиевич Хазагеров, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Южного федерального университета. Автор книг и статей по риторике и русской филологии, вузовских учебников по риторике. *Сфера научных интересов*: риторика, стилистика, рецепция античных теорий стиля и учения о тропах и фигурах в теории и практике отечественного красноречия. *Контактная информация*: e-mail: khazagerov @gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-348-361

CULTIVATION OF COMMUNICATIVE SPACE: POLEMICAL ELOQUENCE VS. EPIDEICTIC ELOQUENCE

Georgii G. Khazagerov

Southern Federal University

105 Sadovaja str., 344005 Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The article focuses on the problem of the influence of rhetorical genres of cultivating communication. This influence varies polemical and epideictic genres. The first affect the cultivation of horizontal social relations. Second on the — on the development of vertical ones. Epideictic kind of eloquence interpreted expanded. This takes into account those new genres, which could not have known Aristotle defined the function epideictic speeches as “praise or blame”. It is about propaganda, advertising, homiletics and didactics. At the same time the controversy is associated not only with the dialogic, but also with the monological texts. This raises the question about the role of literature in the cultivation of controversy. The material is mainly the history of Russian literature and language. The conclusion is that the excessive development of some sorts of eloquence at the expense of others can be counter-productive for the culture.

Keywords: *rhetoric: vertical and horizontal communication, epideictic eloquence, polemical genre*

Article history:

Received: 27 December 2016

Revised: 20 January 2016

Accepted: 30 January

For citation:

Khazagerov, G.G. (2017). Cultivation of Communicative Space: Polemical Eloquence vs. Epideictic Eloquence. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2), 348—361.

Bio Note:

Khazagerov, G.G., Dr. of Philology, Professor, head of Russian language Department of Southern Federal University. *Research interests:* Rhetoric, Stylistics, Cultural, Socio-Psychological, Linguistic problems of the Russian language. *Contact information:* e-mail: khazagerov@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-362-378

ТЕКСТ КАК ЭЛЕМЕНТ ИНТЕГРАЦИОННОГО НАУЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

И.А. Щирова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48

В статье акцентируется значимость гибких научных подходов, использование которых связано с утверждением антропоцентричной научной парадигмы и возрождением холистических взглядов на мир. Целью статьи является описание художественного текста как элемента интеграционного научного пространства, образуемого рядом ключевых понятий, находящихся между собой в отношениях оппозиции: наука vs. искусство, научная истина vs. художественная истина, научная картина мира vs. художественная картина мира, рациональное познание vs. чувственное познание, научная информация vs. эстетическая информация. Исследование выполняется на материале текстов эссе с применением гипотетико-дедуктивного метода, сравнительно-сопоставительного метода, а также методов контекстологического и лингвостилистического анализа. Как показывают результаты исследования, границы между сравниваемыми понятиями носят гибкий характер. Ту же гибкость демонстрирует текст эссе, чья синкретичная природа определяется сочетанием дистинктивных характеристик научного стиля и стиля художественной литературы, фиксирующих авторское обращение к неразрывно связанным между собой сферам *emotio* и *ratio*.

Ключевые слова: *художественный текст, эссе, наука, искусство, познание, истина, оппозиция, антропоориентированная наука, гибкие вероятностные подходы*

1. ВВЕДЕНИЕ

Поэтика «открытого произведения» 20—21 вв. отразила новые тенденции в науке: отказ от статического, силлогистического видения мира, открытость к изменчивости решений, к ситуативности и исторической обусловленности ценностей. Новой поэтике соответствовала не двузначная логика, исповедующая строгую дизъюнкцию между истинным и ложным, между фактом и его противоположностью, а многозначные логики, учитывающие *неопределенность как правомерный элемент познания* (Эко 2006: 103) (Курсив мой — И.Щ.). При освоении знаний о тексте исследователь акцентирует сегодня его сложность и «человекомерность», коррелирующие со сложностью и «человекомерностью» современного мира (Ушаков 2005).

Интерпретирующий характер познания «расширил» исследовательские права. Уникальность личности литературного коммуниканта и признание того факта, что человеческое сознание определяет содержательное наполнение текстовых характеристик в акте текстопорождения и в акте текстовосприятия, предопределили вероятностный характер выводов о художественном тексте как о научном объекте. Анализ оппозитивных зависимостей, формируемых понятиями, ключевыми для описания художественного познания в его сравнении с научным познанием, будет,

таким образом, утверждать не тотально господствующие репрезентации, а вхождение упомянутых пар в один ряд как его сильных и слабых противопоставлений. Включение текста в контекст таких понятий, во-первых, будет вынужденно схематизированным, поскольку из теоретически бесконечного числа текстовых признаков оно будет ограничиваться признаками, релевантными для решения конкретной задачи. Во-вторых, демонстрируя размывание границ между сравниваемыми понятиями, оно будет иллюстрировать интегративные тенденции современной науки, возвращающие исследователя к идеалу цельного знания.

2.1. Текст сквозь призму оппозитивных ключевых понятий: постановка проблемы

Представление о природе художественного текста и научного метода, «пронимающего», по словам В.Н. Вернадского, всю науку и являющегося наиболее характерным ее проявлением (Вернадский 1922, URL), можно описать с помощью понятий, которые носят основополагающий характер и находятся между собой в оппозитивных отношениях. Такие значимые для осмысления художественного текста оппозиции, как *наука vs. искусство*, *научная истина vs. художественная истина*, *научная картина мира vs. художественная картина мира*, неоднократно подвергались научному анализу, но сохраняют актуальность и сегодня. На их восприятие современным исследователем закономерно влияют ценностные ориентиры когнитивной научной парадигмы, концептуальные и методологические установки современного научного сообщества и культурные ценности социума, которым «принадлежит» исследователь и в условиях которого развиваются литература и наука как составляющие современной культуры. Неизбежно запечатлевая своеобразие научных предпочтений и мировосприятия исследователя, научное описание художественного текста и его свойств отражает особенности и требования времени.

Остановимся на вышеупомянутых понятиях более подробно и начнем с важнейших составляющих культуры человека — *науки и искусства*.

2.2. Наука и искусство

Согласно определению А.В. Зиновьева, **наука** представляет собой «особую сферу разделения труда человека, специальной задачей которой является приобретение и фиксирование знаний, а также изобретение новых средств для этого» (цит. по (Степанов 2001: 470)). Как особый вид познавательной деятельности наука направлена на выработку объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире. Для проверки истинности этих знаний проводится научный эксперимент. Научное мышление — лишь один из способов познания реальности, существующий наряду с другими и «ведущий с ними постоянный диалог», в результате которого эти способы познания *взаимодействуют*.

Как отмечает В.А. Лекторский, граница между научными и вне-научными формами мышления является гибкой, скользящей исторически изменчивой. В современной ситуации плодотворным оказывается взаимодействие науки с другими познавательными традициями, что не означает стирания грани между научным

и вне-научным мышлением. Наука своими специальными средствами разрабатывает комплекс идей, коррелирующих с идеями вненаучных познавательных традиций и, понимая свои границы, понимает и необходимость дополнения вненаучными способами осмысления реальности [Лекторский 2001: 51, 48].

В эпоху глобального кризиса и поиска новых ценностных ориентаций особую важность обретает *сочетание ценностей* научно-технологического мышления с ценностями, которые представлены нравственностью, искусством, религиозным и философским постижением мира. Все более заметную роль в науке играют включающие человека исторически развивающиеся системы: генная инженерия, крупные экосистемы, биосфера, человеко-машинные системы, в том числе системы искусственного интеллекта (Грицанов 1999: 457—459). Методология изучения этих объектов *сближает* исследования в разных дисциплинарных областях и, учитывая присутствие человека, формирует основу для *союзов* научных дисциплин. В число тенденций современной науки включается *холистический взгляд на мир*, ориентирующий ученого на интеграцию различных областей научного знания на полях полидисциплинарного исследования и развивающий в нем умение нелинейно и целостно мыслить, контекстуализируя знание, т.е. понимая глобальный контекст (Князева 2004).

Стремление к формированию целостного мировидения не ново и обнаруживалось еще в античной философии. Так, в теории человека равностороннего (*homo quadrates*), связанной с именами Халкидия и Макробия, мир сравнивался с большим человеком, а человек — с сокращенным миром. Та же идея развивалась средневековыми схоластами, которые указывали на слияние эстетических и этических реакций и сложность разграничения формы и содержания средневековым читателем. Видя жизнь в «ее нерасторжимом единстве», средневековая литература стремилась к сочетанию приятного с полезным. Для описаний таких объединяющих этапов в истории развития человечества У. Эко использует особое понятие — «интегрированная цивилизация» (Эко 2004: 38, 41).

Идеи целостности мировосприятия обнаруживаются и в русской философии всеединства, представленной именами В.С. Соловьева, А.Ф. Лосева и П.А. Флоренского. В своей первой работе «Критика отвлеченных начал» В.С. Соловьев так формулировал идею холизма: <...> объективное явление в своей действительности для меня совсем не имеет характера простой суммы или какого бы то ни было отвлеченного произведения из многих элементов, а представляет собою определенное индивидуальное единство или, точнее, определенную *единицу*, и все частные ощущения и представления, связанные в моем сознании с этим единичным явлением, относятся к нему не как самостоятельные элементы, его слагающие, а как видоизменения и проявления, его выражающие <...> действительность объективного явления дается не чувственным опытом, а воображением; она открывается не в ощущениях чувств, а в образах или идеях ума (Соловьев 1988, URL).

Сегодня способность рассматривать сложные, иерархически организованные феномены с холистической точки зрения объявляется необходимым и единственно

возможным условием их осмысления (Князева 2004: 30—31). Когнитивистикой акцентируется важность производства и потребления знания для понимания разнообразных явлений. Сфера подобных явлений широка и охватывает в том числе интересующие нас науки о языке и тексте: когнитивную лингвистику, когнитивное литературоведение, когнитивную поэтику, когнитивную стилистику и прочие области гуманитарного знания, фокусирующие внимание на когнитивных подходах к объектам исследования. По мнению Е.С. Кубряковой, *объединение* наук в рамках когнитивистики диктуется, в частности, пониманием того, что *разум — настолько сложный объект познания*, что изучение его не может быть ограничено рамками одной дисциплины (Кубрякова, Демьянков, Панкрац и др. 1997: 58—59) (Курсив мой — И.Щ.).

В отличие от науки, **искусство** трактуется как творческая деятельность, направленная на создание художественных произведений и шире — эстетически-выразительных форм. Понятие искусства коннотируется историческими изменениями и взаимодействиями форм и типов культуры и представляет собой многомерное смысловое образование, принципиально открытое для включения новых смысловых элементов, порождаемых «непрестанно длящимся и трансформирующимся художественно-эстетическим опытом человечества» (Грицанов 1999: 284).

Являясь одной из форм познания жизни и борьбы человека за «необходимую ему истину», искусство не является обязательным с точки зрения жизненных и общественных связей человека (производить или потреблять художественные ценности — признак факультативный). Его нельзя признать и факультативным элементом культуры. Искусство — это «особая коммуникация», «особым образом организованный язык», «генератор языков особого типа», которые оказывают человеку незаменимую услугу, обслуживая одну из самых сложных и не до конца ясных по механизму сторон человеческого знания (Лотман 1998: 15, 17). Искусство — система, в основе которой лежит натуральный язык и которая обретает «дополнительные сверхструктуры, создавая языки второй степени». Содержанием искусства как моделирующей системы выступает мир, «переведенный на язык нашего сознания, переведенного на язык данного вида искусства» (Лотман 1998: 387—388). Художественная литература как вид искусства «говорит на особом языке, который надстраивается над естественным языком» (Лотман 1998: 33). В качестве модели (аналога) реального мира художественный текст порождается авторским воображением и становится уникальным средством реализации авторского замысла; в нем объективируется авторская картина мира — система индивидуально-авторских смыслов, принимающих форму смыслового текстового конденсата — базового концепта (глубинного смысла текста).

В познании мира наука и искусство *взаимосвязаны* и в равной степени важны для развития общества и личности. Подчеркивая этот факт, Ю.М. Лотман сравнивает науку и искусство с глазами человеческой культуры, необходимыми человеку, чтобы взглянуть на окружающий мир. *Различие и равноправие* научного и художественного мышления определяют *объемность знания* и фиксируются *научной и художественной картинами мира* (Лотман 1998: 400) (Курсив мой — И.Щ.).

2.3. Научная картина мира и художественная картина мира, научная истина и художественная истина

Картина мира признается базисным элементом мировидения человека и уподобляется призме, сквозь которую преломляется мир. Образ (картина) внешнего мира, формируемый человеческим сознанием в актах мировосприятия, мироощущения и мирооценки, передается от поколения к поколению, меняясь в ходе развития общества. Неисчерпаемая по своему содержанию картина мира служит основой человеческого поведения (Вайсгербер 2004). Своеобразие научной и художественной картин мира обнаруживается на фоне *многообразия* культуры, в которой наука, наряду с моралью, религией, философией и интересующим нас искусством, формой которого является художественное произведение, составляет лишь одну из сфер.

Под *научной картиной мира* традиционно понимается связанная совокупность представлений о мире, полученная в ходе развития науки. Научная картина мира — это интерпретация суммы научных знаний, характерных для данного исторического периода. Она создается совместным усилием философов и ученых и строит *целостный* и наглядный образ мира. Термин «научная картина мира» рассматривается как синоним термина «научное мировоззрение», однако использование слова «картина» выделяет возможность существования различных точек зрения на мир, отражения тех или иных его существенных сторон (Ушаков 2005, URL). Каждая область человеческой деятельности — повседневность, искусство, религия, мифология выстраивают (рисуют) различные картины мира. К построению научной картины мира приводит стремление увидеть мир в научном ракурсе.

Научная картина мира является не только осмыслением результатов научного познания, но и концептуальной средой, поддерживающей продвижение науки. В одних ситуациях она подлежит проверке, в других — предоставляет принимаемые без доказательства аксиоматичные знания, на которые ученый опирается как на исходные допущения (Ушаков 2005, URL). Существование исходных знаний предопределяет консервативность научной картины мира, но не отрицает влияния на нее научных достижений и тех изменений, которым она подвергается в этой связи. Согласно концепции научных революций Т. Куна, наиболее интенсивную и радикальную модификацию научная картина мира претерпевает в периоды больших революционных изменений. Единственным эффективным путем к научному открытию Т. Кун признает *конфликт* между парадигмой, которая обнаруживает аномалию (новшество), непредсказуемую в рамках существующей научной парадигмы, и парадигмой, которая позднее делает эту аномалию закономерностью. Что касается кумулятивного накопления «непредвиденных новшеств», то оно, по мнению Куна, является «почти не существующим исключением» в закономерном ходе развития науки (Кун 2003: 134—135).

«Основу рационального постижения жизни» (В.Г. Гак) и главную предпосылку научного знания составляет стремление к **истине**, формирующее важный компонент этоса науки и определяющее отношение «внутри науки и внутри научного сообщества» (Ю.С. Степанов). «Всякое знание, — напоминает К. Поппер, — яв-

ляется человеческим знанием, <...> оно смешано с нашими ошибками, предубеждениями, мечтами и надеждами, и единственное, что мы можем делать — это искать эту истину, даже если она недостижима» (Поппер 2004: 57). В современном понимании истина тесно соединена с природой человека. В число методологических оснований антропоориентированной науки включается ряд концепций, отрицающих претензии знания на абсолютную истину (объективность).

Такова концепция научного знания К. Поппера и сформулированный им принцип фальсификации, означающий возможность опровержения научных утверждений. Такова модель развития науки Т. Куна, в которой наука связывается с деятельностью научных сообществ, признающих определенную парадигму как совокупность убеждений и ценностных установок, регламентирующих решения научных проблем. Таковы по сути равноценные отказу от истины радикальные идеи П.К. Фейерабенда, который видит в научных теориях замкнутые миры, выражающие мнение группы ученых и потому не поддающиеся критике традиционными средствами. Все размышления, побуждающие рассматривать научную истину «сквозь призму» субъективности человека, трактуют истинность знаний как адаптивную (эвристическую) полезность, а истинное — как систему гипотез, лучших из доступных на данном этапе историко-культурного развития (Баксанский 2007: 10, 13, 21). «*Человеческое измерение*» научной истины, свойственное современной науке, *сближает ее с истиной художественной* и обращает нас к понятию художественной картины мира.

Художественную картину мира определяют как «систему смысловых, эстетических и эмоционально-оценочных комплексов», представленных на языковом и дознаковом уровне (Миллер 2003: 6—7). Художественная картина мира отражает специфику национальной ментальности, является концептуализированным художественным пространством, обрамляющим литературный феномен (Миллер), основывается на мировоззрении и мироощущении креативного субъекта художественной деятельности и получает выражение в структурах и содержании его художественной индивидуально-авторской картины мира.

Художественный текст не просто актуализирует субъектность стилей художественного мышления. Он абсолютно антропоцентричен, поскольку создается человеком, адресован человеку и повествует о человеке. Какую бы форму не принимало индивидуально-авторское видение действительности, воспроизводимой в литературном произведении, оно неизбежно антропомерно. Вместе с тем, как и ученый, художник ищет истину, что превращает создаваемое им искусство в «изыскание» истины (Коллингвуд 1999: 263).

Ссылаясь на пушкинские строки, Ю.С. Степанов определяет «возможный мир поэзии» как «истину страстей» (Степанов 1998: 453). Справедливость такой позиции коренится в онтологии художественного текста, являющего собой уникальный вариант осмысления мира. Перцепция художника субъективна, особую роль в его картине мира играет индивидуальная составляющая. Все языковые репрезентанты авторской картины мира как концептуальной системы представляют собой результат индивидуально-авторского выбора на различных этапах порождения текста

и участвуют в передаче текстового смысла как авторского посыла, имеющего своей целью воздействие на когнитивную систему реципиента. Иными словами, все средства вербализации авторской картины мира неминуемо фиксируют в материальной данности теста авторское отношение к художественной модели и той реальной действительности, на базе которой она конструируется.

Реализуясь на всех этапах текстопорождения и в каждом языковом репрезентанте, творческое «Я» художника слова становится их объединяющим началом, программирует целостность текстового смысла. Выраженные эксплицитно и имплицитно авторские оценки так или иначе актуализируют авторское «Я», позволяя делать выводы об авторе как о компоненте абстрактной коммуникативной ситуации. Игровые, эстетические, экспрессивные и эмотивно-прагматические мотивации к построению мира текста отражают специфику фантазийно-игрового мышления и, по справедливому наблюдению М.В. Никитина, «далёки от онтологической строгости» (Никитин 2003: 247).

Однако субъективность авторского восприятия ограничена рамками объективной действительности, которой принадлежит творческий субъект, и в этом смысле действительный мир первичен: «все начинается с него и его коррелята в сознании — базисного ментального мира. Они вкуче образуют точку отсчета для всех идеальных миров» (Никитин 2007: 779) (Курсив мой — И.Щ.). Художественная фантазия, таким образом, лишь осуществляет акт селекции из того набора свойств, которые присущи объективному (вещному) миру и находят отражение в его художественной модели. «Укорененность» текста в объективном мире создает основу для пересечения смысловых полей литературных коммуникантов и прогнозирует правомерность вопроса об адекватности интерпретации текста. Напомним, что сегодня этот вопрос нередко снимается с повестки дня радикально ориентированными на читателя литературно-критическими концепциями.

2.4. Рациональное мышление и чувственное мышление, рациональное объяснение и интуитивное понимание

Задавая «глобальный образ мира», наука и искусство опираются на свой инвентарь средств: наука — на абстрактность категорий и понятий, искусство — на конкретно-чувственное образное начало. Наука стремится к поиску объективной истины, искусство связано с личностью творца и заявляет свою субъективность. Пропущенный через творческое «я» и адресованный читателю реальный мир отражается в идеальном мире эстетической действительности. Воспринимая, осмысляя и оценивая реальность, художник трансформирует ее закономерности в образное «инобытие». В основе научной и художественной картин мира, таким образом, лежат разные виды познания. *Рациональное познание* формирует основу научной картины мира, а *образное, чувственное познание* — художественной.

Иллюстрацией размытости границ между рациональным познанием и чувственным познанием могут служить идеи В. Дильтея об альтернативе рационального объяснения и интуитивного понимания как основании для разграничения гуманитарных и точных наук, а также динамика этих взглядов в трудах поздних герменевтов. Как известно, В. Дильтей включил в описание науки понятие **наук**

о духе, под которыми подразумевал гуманитарные науки. Рассуждая об их своеобразии, философ распространял его на ключевое для науки понятие метода, предостерегая от использования методов естественных наук для решения гуманитарных проблем и призывая к поиску собственных приемов и принципов на основе «наиболее общих понятий учения о методе» (Дильтей 1996: 17).

В основе разработанной им описательной психологии, ориентирующейся на гуманитарные науки, лежал метод «понимания», в то время как традиционная объяснительная психология, использовавшаяся для решения проблем естественных наук, опиралась на гипотезы.

«Первейшим отличием» наук о духе от естественных наук признавался тот факт, что в естественных науках факты даются «извне, при посредстве чувств», как единичные феномены, в то время как в науках о духе они «выступают изнутри, как реальность и как некоторая живая связь», не поддающаяся механическому расчленению. Помещая науки о духе на более высокую ступень, чем точные или естественные науки, Дильтей заявлял, что они строятся на **понимании**, которое формирует основу человеческого знания и благодаря которому может быть осмыслена внутренняя, психическая жизнь, объективирующая себя в языке, мифах, литературе и искусстве. Интуитивное по природе понимание не связывалось с **рациональным объяснением**, — его Дильтей считал уделом точных наук, интерпретирующих не внутренний, а *внешний* мир: «Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем» (Дильтей 1996: 16).

Иной взгляд на соотношение понимания и объяснения мы находим в поздней герменевтике П. Рикёра, который не рассматривает взаимоотношение названных методов как альтернативу или конфликт, считая методологическим лишь объяснение. Понимание, согласно П. Рикёру, в лучшем случае «может требовать приемов или процедур», когда, например, речь идет о соотношении части и целого, однако его основа и в этом случае остается интуитивной (Рикёр 1995: 5).

П. Рикёр акцентирует *диалектику понимания и объяснения на стыке, а не на линии разграничения которых располагается текст*. Понимание предваряет, сопутствует и завершает объяснительные процедуры. Понимание *предваряет* объяснение путем сближения с авторским замыслом: читатель «обживает» мир текста» через предмет его изображения благодаря воображению и симпатии. Понимание *сопутствует* объяснению, поскольку восходит к диалогической вопросно-ответной структуре, т.о., «пара ‘письмо—чтение’» формирует интересубъективную коммуникацию. Понимание *завершает* объяснение в той мере, в какой преодолевает географическое, историческое и культурное расстояние между текстом и интерпретатором. При этом конечное понимание *не уничтожает дистанцию через эмоциональное слияние, а скорее состоит в игре близости и расстояния*. Таким образом, понимание *предполагает* развитие объяснения, в той мере, в какой объяснение *развивает* понимание, а поэтому понимание художника *не следует противопоставлять* объяснению ученого. «Больше объяснять, чтобы лучше понимать», — так резюмирует П. Рикёр «двойное соотношение» объяснения и понимания (Рикёр 1995: 8, 9, 87—88) (Курсив мой — И.Щ.).

2.5. Научная информация и эстетическая информация

Различия между рациональным познанием и чувственным познанием программируют различия в *видах информации*, доминирующей в научных и художественных текстах.

В разных видах текста присутствуют отдельно или в совокупности несколько видов содержательной информации: фактологическая информация, соответствующая эмпирическому уровню познания; концептуальная и гипотетическая информация, соответствующие теоретическому уровню познания; методическая информация, заключающая в себе описание способов и приемов усвоения информации; эстетическая информация, связанная с категориями оценочного, эмоционального и нравственно-этического плана; инструктивная информация, ориентирующая на определенные действия. Приняв во внимание понятийные оппозиции, анализируемые в статье, отметим, вслед за Н.С. Валгиной, что для научных текстов характерна фактологическая, теоретическая и гипотетическая информация, а для художественных — фактологическая и эстетическая. Важной является потенциальная способность этих видов информации обнаруживать *точки пересечения* (совмещаться): она подтверждает продуктивность применения вероятностных подходов к описанию художественных текстов. Так, например, синкретичные по природе публицистические и газетные тексты рассчитаны на два вида человеческой деятельности — познавательную и ценностно-ориентационную, а поэтому совмещают в себе фактологическую и эмоционально-оценочную информацию (3, URL).

Примером синкретичного текста служит текст эссе, к которому прибегают мастера слова и философы с целью расширения аудитории и популяризации достижений естественно-научной и гуманитарной мысли. По своей функционально-стилевой принадлежности эссе находится в зоне синкретизма. Заимствуя этот термин у В.В. Бабайцевой, Н.В. Славянская (2009) экстраполирует его на область текстотипологии. Синкретичный текстотип эссе помещается ею на периферию публицистического стиля, где он граничит с функциональными стилями научной прозы и художественной прозы, обнаруживая в себе сочетание их дистинктивных характеристик (Славянская 2011: 7). Само выделение зоны функционально-стилевого синкретизма подтверждает важную для посыла статьи возможность *слияния* научного и творческого (эстетического) познания мира, способность эссеиста обращаться *одновременно к сфере ratio, логического познания, и к сфере emotio, эмоционально-образного мышления*.

Особую значимость с точки зрения сопоставления интересующих нас оппозитивных ключевых понятий представляют собой два вида информации, посредством которых реализуются познавательная и коммуникативная социальные функции духовно-производственных институтов науки и искусства — **научная информация** и **эстетическая информация**.

Как было отмечено, научные и художественные формы познания различны по своей природе. Наука вскрывает сущность и объективные закономерности пред-

мета путем понятий, суждений и умозаключений и делает это «относительно объективно», поэтому одним из основных признаков функционального стиля научной прозы является объективность изложения [Разинкина 1989: 43].

Искусство показывает типичные проявления сущности и законов человеческого бытия в наглядных, эстетически окрашенных образах, при этом всегда несет на себе отпечаток личности создателя. Достоверность реальных научных фактов подтверждается свидетельствами различных наблюдателей, в то время как «наблюдателем» художественного факта (художественного образа) является художник, чьей фантазией эти факты опосредованы. Научная информация воздействует на сферу логического мышления, сообщая новые сведения о внешнем мире и вскрывая сущность реально существующих явлений, эстетическая информация — на эмоциональную сферу, вызывая чувства сопереживания. Формальная общественно организованная система эстетической информации не сложилась до сих пор, позволяя говорить о «мозаичности» эстетических представлений современного человека. Научная информация, напротив, распространяется, хранится, обрабатывается и систематизируется в рамках общественно организованной системы научных коммуникаций (Соколов 1996, URL).

Эти общеизвестные различия не исключают *приложимости понятия эстетического к научному стилю*. Эстетика — это наука о прекрасном, об оценках чувственных восприятий, о законах, которым следуют наши переживания (Гальперин 2005: 37). Художественный текст суть произведение словесного искусства, его определение как «эстетического события» (М. Бахтин) является классическим.

Однако при более близком рассмотрении понятия красоты и гармонии, центральные для эстетики и, как следствие, для текстов художественной литературы, оказываются взаимосвязанными с иными функциональными стилями. Связующим звеном в этом случае выступает понятие целесообразности. Уже для зрелой средневековой мысли решающую роль в определении красоты играет принцип соответствия цели. У. Эко замечает: «Фома (Фома Аквинский — И.Щ.) не колеблясь, назвал бы безобразным хрустальный молоток, потому что при всей внешней Красоте материала, он не пригоден для выполнения своей функции. Красота — это взаимодействие вещей, и прекрасными могут быть названы взаимные усилия камней, которые, поддерживая и подталкивая друг друга, обеспечивают прочность здания. Это правильное отношение интеллекта и вещи, интеллектом постигаемой» (Эко 2006: 88).

Вывод о приложимости эстетического критерия к описанию природы функционального стиля закономерно касается и функционального стиля научной литературы. Например, Н.М. Разинкина оправданно считает вопрос о соотношении красоты и целесообразности важным аспектом изучения прекрасного, сущность которого *не противопоставлена* пользе и целесообразности. Если научное произведение излагает идею понятно и лаконично, а мышление ученого выработало адекватную форму изложения этой мысли, то такое научное произведение будет представлять собой познавательную и эстетическую ценность (Разинкина 1989: 26—27) (Курсив мой — И.Щ.).

2.6. Синкретичный текст эссе как сочетание оппозитивных характеристик

Примером органического сочетания анализируемых оппозитивных характеристик выступает синкретичный по своей природе текст эссе (см. раздел 2.5). Подтвердим это, обратившись к эссе Джона Фаулза «'Элидик'» и 'Ле' (1974—1978)» Марии Французской (Fowles 1999). Предметом эссе выступают авторские рассуждения о творчестве поэтессы XII в. По глубокому убеждению писателя, Мария Французская ввела в европейскую литературу «совершенно новый элемент» (a totally new element) — сексуальную честность (sexual honesty), женское знание того, как люди ведут себя в действительности (a very feminine awareness of how people really behave).

Отдавая должное ее желанию понять универсальные человеческие чувства, Фаулз высоко оценивает выработанные поэтессой «новые критерии тщательности и точности в показе человеческих эмоций и их крайних проявлений» (set a new standard for accuracy regarding human emotions and their absurdities).

Предмет описания эссе позволяет определить его жанровую разновидность как литературно-критическую. Доминирование коммуникативно-целевой установки публицистического стиля — убедить в правомерности собственной точки зрения, заявляя выраженную индивидуальную позицию, — обеспечивается в тексте сочетанием целеустановок двух, традиционно противопоставляемых друг другу функциональных стилей: научного стиля и стиля художественной литературы. Первый ориентирует адресанта на доказательство достоверности формулируемой им научной гипотезы с опорой на объективные данные, второй — на донесение до читателя авторской идеи в образной форме, посредством воздействия на эстетические чувства. Сочетание экстралингвистических факторов влечет за собой сочетание лингвистических факторов, проявляющихся в лексическом наполнении текста, его синтаксической организации и композиционной структуре.

Художественная составляющая текста подтверждается присутствием разветвленной сети образов, фиксирующих обращение эссеиста к *чувственному, эмоционально-образному познанию* и выявляющих разные уровни восприятия и концептуализации действительности: перцептуальных образов и метафорических образов (тропов).

Перцептуальные образы (визуальные, слуховые, тактильные), часто представленные в сочетании, указывают на работу органов чувств и делают создаваемый Фаулзом образ почти осязаемым для читателя:

A camera cannot photograph a voice, it has to show a face as well; they were to be performed, sung and mimed; we imagine those auditors listening with totally straight faces; Celtic lais she based her stories on were, in Bedier's phrase, 'half sung, half spoken'; with that freshness, greenness, immediacy.

Высокую степень авторской рефлексии фиксируют метафорические образы, развивающие идею творчества и заставляющие вспомнить идею Ортеги о «мета-

форе, удлиняющей «руку» интеллекта. Творить — это значит давать бытие, созидать, производить:

I must have severed the umbilical cord — the real connection requires such a metaphor — much more neatly than I supposed at the time. Или: The attendant midwife at this event is Marie de France, the first woman novelist of our era.

Эксплицируются метафорическими отношениями и сравнения:

her stories remain as formal as tapestries at one moment, as natural as life the next; like a spring day in the Anjou of the royal family to which she may have belonged, she will not be forgotten.

Как и художественный текст, текст эссе насыщен языковыми единицами, раскрывающими оценочную позицию автора, например, обозначающими его литературные предпочтения:

I would award Marie... high praise; her greatest attraction for me; Eliduc is a beautiful reworking of one of the oldest themes; The great Greek story.

Примером эксплицитно выраженного авторского мнения служат многочисленные эмоциональные и оценочные эпитеты:

Marie also possesses an exquisite eye for the precise, poetic, and colourful detail; a finely educated young woman; her work was a tremendous and rapid literary success; a desperately needed attempt to bring more civilization (more female intelligence) into a brutal society; a very great art.

Коммуникативная целеустановка на доказательность **научного знания** определяет присутствие в эссе такой характеристики, как объективизированность. «Обращенность к разуму» (И.В. Арнольд), присущая научному стилю, реализуется здесь с помощью обильной общенаучной (*form, content, function, method, classification*) и частнонаучной (*the term 'novel, poetic terms, theme, composition, meaning and story, style, prose fiction, verse, lais, at a quazy-dramatic level, academic criticism, the rhyming octosyllabic couplets, a rudimentary mnemonic system, means to express the writer's 'voice', narrator*) терминологии. Автором декларируется предмет обсуждения — литературное произведение, его элементы и характеристики, включая характеристики, обнаруженные в творчестве Марии Французской. Специфику творчества поэтессы и ее интерес к сексуальным проблемам и помогают раскрыть термины и аллюзии из сферы психологии и греческой мифологии (*ego, The Freudian and Jungian undertones; the unattainable muse-figure that haunts every male novelist; long-suffering Penelopes and marriage-wrecking Circes*).

Эффективность обращения к *рациональному познанию* обеспечивается логичностью и последовательностью изложения. Четкие причинно-следственные связи между и внутри абзацев поддерживаются разветвленной сетью союзов, союзных и вводных слов (*but, and, because, therefore, indeed, besides* и пр.), позволяющих следить за ходом авторской мысли; синтаксическими структурами с глаголами в страдательном залоге (*It also needs to be remembered; Mary cannot be known in a day or in a single reading; it must be added at once*), модусными глаголами умственной деятельности, выражающими разную степень уверенности автора

в правомерности высказываемого мнения (*I suppose, I suspect, I believe, I regard, I think*). Актуализируя композиционно-речевую форму «рассуждение», перечисленные языковые особенности функционально ориентированы на демонстрацию доказательности с опорой на аргументацию и факты, а не на личные субъективные предпочтения.

Особый интерес с точки зрения сочетания субъективного и объективного, эмоционального и рационального представляет использование местоимений. Оно варьируется от открытого выражения мнения (*I would much rather call it economy*) до его представления как неопределенно-личного (*We know miserably little; but what little evidence we have; if what we know of Henry II is true; One may take it as a piece of padding; One may bring the two even closer*) или безличного, демонстрирующего отстраненность, беспристрастность и обобщенность (*It would be hard to imagine a more exact premonition*).

Итак, стремление автора воздействовать на читателя с целью убеждения, краткость литературной формы (эссе занимает семь страниц печатного текста), выраженность авторской позиции и фактологичность, т.е. дистинктивные черты публицистического функционального стиля, сочетаются в анализируемом тексте с узнаваемыми характеристиками стиля научной и художественной литературы. Образность и оценочность контрастируют с логичностью и объективизированностью повествования, эмоциональность — с исследовательской беспристрастностью. Принадлежит публицистическому стилю, эссе вместе с тем является произведением искусства и науки, интегрирует в себе эстетическое и научное познание, логическое и эмоционально-образное мышление.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ ряда оппозитивных пар, формируемых понятиями, значимыми для изучения художественного текста (наука vs. искусство, научная истина vs художественная истина, научная картина мира vs. художественная картина мира, рациональное познание vs чувственное познание, научная информация vs эстетическая информация, научный текст vs художественный текст) показал продуктивность применения к их осмыслению вероятностных подходов. Границы между выделенными понятиями носят гибкий, а не жесткий характер, а их содержательное наполнение обнаруживает точки пересечения, что объясняется антропомерностью современной науки, абсолютной антропоцентричностью художественного текста, его сложностью как научного объекта.

Изучая характеристики текста, мы абстрагируем их от иных «измерений» и от самого текста, получая тем самым частичное знание. Абстрагирование конкретных признаков детерминируется конкретикой задач исследования и современной исследователю парадигмой научного знания. Ракурсы рассмотрения художественного текста, доминирующие в науке сегодня, отражают постулируемые когнитивистикой субъектность стилей мышления, аксиологизацию познания и его интерпретирующий характер. Представляя холистический взгляд на мир, в котором живет человек, они учитывают сложность этого мира, и обращают исследова-

теля к поиску решений, основанных на новых теоретических и методологических принципах. Примером такого решения является попытка осмыслить текст как неотъемлемую составляющую интеграционного научного пространства, ключевые понятия которого, несмотря на их противопоставленность, демонстрируют тесные концептуальные связи, в том числе основанные на сходстве.

© Щирова И.А., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. *Когнитивно-синергетическая парадигма НЛП*. От познания к действию. М.: Эдиториал УРСС, 2007. С. 184. [Baksanskii O.E., Kucher E.N. (2007) *Kognitivno-sinergeticheskaya paradigma NLP*. Ot poznaniya k deistviyu. (Cognitive and Synergetic Paradigm NLP. From cognition to action). Moscow: Editorial URSS, (In Russ).]
- Вайсгербер Л. *Родной язык и формирование духа*. М.: УРСС Эдиториал, 2004. С. 232. [Vaisgerber, L. (2004) *Rodnoi yazyk i formirovanie dukha*. (Native Language and Spirit Formation). Moscow: URSS Editorial. (In Russ).]
- Валгина Н.С. *Теория текста*. М.: Изд-во МГУП «Мир книги», 1998. 210 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/part-011.htm> (дата обращения: 04.01.2017). [Valgina, N.S. (1998) *Teoriya teksta*. (Text Theory). Moscow: Izd-vo MGUP "Mir knigi". Retrieved from: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/part-011.htm> Accessed on 4 January 2017 (In Russ).]
- Вернадский В.Н. *О научном мировоззрении* // В.И. Вернадский. Очерки и речи. Вып. 2. Пг., 1922. С. 24—25 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sgm.ru/223> (дата обращения 04.01.2017). [Vernadskii, V.N. (1922) *O nauchnom mirovozzrenii (On Scientific Vision)* // V.I. Vernadskii. Ocherki i rechi. Vyp. 2, 24—25. Retrieved from URL: <http://www.sgm.ru/223> Accessed on 4 January 2017 04.01.2017). (In Russ).]
- Гальперин И.Р. *Избранные труды*. М.: Изд-во Высшая школа, 2005. С. 255. [Gal'perin, I.R. (2005) *Izbrannye trudy*. (Selectas). Moscow: Izd-vo Vysshaya shkola. (In Russ).]
- Грицанов А.А. *Новейший философский словарь*. Гл. научн. ред. и сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1999. 896 с. [Noveishii filosofskii slovar'. (New Philosophical Dictionary (1999) In. A.A. Gritsanov (ed.). Minsk: Izd. V.M. Skakun. (In Russ).]
- Дильтей В. *Описательная психология*. М.: Алетея, 1996. С. 160. [Dil'tei, V. (1996). *Opisatel'naya psikhologiya*. (Descriptive Pscychology). Moscow: Aleteiya. (In Russ).]
- Князева Е.Н. *Трансдисциплинарные когнитивные стратегии в науке будущего* // Вызов познанию. Стратегии развития науки в современном мире. М.: Наука, 2004. С. 29—49. [Knyazeva, E.N. (2004) *Transdistsiplinarnye konitivnye strategii v nauke budushchego. (Interdisciplinary Strategies in Future Science)* // Vyzov poznaniyu. Strategii razvitiya nauki v sovremennom mire. Moscow: Nauka, 29—49. (In Russ).]
- Коллингвуд Р.Дж. *Принципы искусства. Теория эстетики. Теория воображения. Теория искусства*. М.: Языки русской культуры 1999. 328 с. [Kollingvud, R. Dzh. (1999) *Printsipy iskusstva. Teoriya estetiki. Teoriya voobrazheniya. Teoriya iskusstva*. (Art Principles. Theory of Esthetics. Theory of Imagination. Theory of Art). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ).]
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. *Краткий словарь когнитивных терминов*. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. С. 245. [Kubryakova, E.S., Dem'yankov V.Z., Pankrats Yu.G., Luzina L.G. (1996). *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov*. (Concise Dictionary of Cognitive Terms). Moscow: Filologicheskii fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova. (In Russ).]

- Кун Т. *Структура научных революций*. М.: Изд-во АСТ, 2003. 605 с. [Kun, T. (2003). *Struktura nauchnykh revolyutsii*. (Structure of Scientific Revolutions). Moscow: Izd-vo AST. (In Russ).]
- Лекторский В.А. *Эпистемология классическая и неклассическая*. М.: Эдиториал URSS, 2001. 256 с. [Lektorskii, V.A. (2001) *Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya*. (Classical and Non-classical Epistemology). Moscow: Editorial URSS. (In Russ).]
- Лотман Ю.М. *Об искусстве*. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. С. 704. [Lotman, Yu. M. (1998) *Ob iskusstve*. (About Art). SPb.: Iskusstvo-SPB. (In Russ).]
- Миллер Л. В. *Художественная картина мира и мир художественных текстов*. СПб.: 2003. 156 с. [Miller, L. V. (2003) *Khudozhestvennaya kartina mira i mir khudozhestvennykh tekstov*. (Artistic Worldview and World of Literary Texts). St. Petersburg. (In Russ).]
- Никитин М.В. *Курс лингвистической семантики*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. 819 с. [Nikitin, M.V. (2007) *Kurs lingvisticheskoi semantiki*. (Course of Linguistic Semantics). SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena (In Russ).]
- Никитин М.В. *Основания когнитивной семантики*. СПб.: Изд-во РГПУ, 2003. С. 819. [Nikitin M.V. (2003). *Osnovaniya kognitivnoi semantiki*. SPb.: Izd-vo RGPU, 819. (In Russ).]
- Поппер К. *Предположения и опровержения: Рост научного знания*. М.: ООО «Издательство АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2004. 638 с. [Popper, K. (2004) *Predpolozheniya i oproverzheniya: Rost nauchnogo znaniya*. (Assumptions and Refutations). Moscow: ООО «Izdatel'stvo AST»; ЗАО NPP «Ermak». (In Russ).]
- Разинкина Н.М. *Функциональная стилистика английского языка*. М.: Высшая школа, 1989. [Razinkina, N.M. (1989) *Funktsional'naya stilistika angliiskogo yazyka*. (Functional Stylistics of English Language). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ).]
- Рикёр П. *Герменевтика. Этика. Политика*. М.: КАМІ, 1995. С. 160. [Riker, P. (1995) *Germe-nevtika. Etika. Politika*. (Hermeneutics. Ethics. Politics.). М.: КАМІ. (In Russ).]
- Славянская Н.В. *Функция воздействия в тексте эссе*. На материале современных англоязычных эссе. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. 184 с. [Slavyanskaya, N.V. (2011) *Funktsiya vozdeistviya v tekste esse*. (Na materiale sovremennykh angloyazychnykh esse. (Linguistic Manipulation in Essay: on the Basis of Modern English Essays). Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG. (In Russ).]
- Соколов А.В. *Введение в социальных коммуникаций*. СПб.: СПбГУП, 1996. 320 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://gigabaza.ru/doc/61624-p9.html> (дата обращения 04.01.2017). [Sokolov, A.V. (1996) *Vvedenie v sotsial'nykh kommunikatsii*. (Introduction to Social Communications). SPb.: SPbGUP. Retrieved from: <http://gigabaza.ru/doc/61624-p9.html> Accessed on 4 January 2017. (In Russ).]
- Соловьев В.С. *Критика отвлеченных начал* // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 691—709. [Электронный ресурс] <http://predanie.ru/solovev-vladimir-sergeevich/book/98683-kritika-otvlechennyh-nachal/#description> (дата обращения 04.01.2017). [Solov'ev, V.S. (1988) *Kritika otvlechennykh nachal Solov'ev V.S. Sochineniya v 2 t*. М., Mysl'. Т. 1, 691—709. Retrieved from: <http://predanie.ru/solovev-vladimir-sergeevich/book/98683-kritika-otvlechennyh-nachal/#description> Accessed on 4 January 2017. (In Russ).]
- Степанов Ю.С. *Константы: Словарь русской культуры*. М.: Академический проект, 2001. 990 с. [Stepanov, Yu.S. (2001). *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury*. (Constants: Russian Culture Dictionary). Moscow: Akademicheskii proekt. (In Russ).]
- Степанов Ю.С. *Язык и метод. К современной философии языка*. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с. [Stepanov, Yu. S. (1998) *Yazyk i metod. K sovremennoi filosofii yazyka*. (Language and Method. To the Modern Philosophy of Language). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury. (In Russ).]

- Ушаков Е.В. *Введение в философию и методологию науки*. М.: Экзамен, 2005. С. 528. [Электронный ресурс] <http://yourlib.net/content/view/5240/63> (дата обращения 04.01.2017). [Ushakov, E.V. (2005) *Vvedenie v filosofiyu i metodologiyu nauki*. (Introduction to Philosophy and Methodology of Science). Moscow: Ekzamen. Retrieved from: <http://yourlib.net/content/view/5240/63> Accessed on 4 January 2017. (In Russ).]
- Щирова И.А. *Текст сквозь призму сложного*. СПб.: Политехника-Сервис, 2013. 217 с. [Shchirova, I.A. (2013) *Tekst skvoz' prizmu slozhnogo*. (Text through the complexity). SPb.: Politekhnika-Servis. (In Russ).]
- Эко У. *История красоты*. М.: СЛОВО\ SLOVO, 2006. 440 с. [Eko, U. (2006) *Istoriya krasoty*. (History of Beauty). Moscow: SLOVO\ SLOVO. (In Russ).]
- Эко У. *Роль читателя*. СПб.: SIMPOSIUM, М.: Изд-во РГГУ, 2005. 502 с. [Eko, U. (2005) *Rol' chitatelya*. (Readers Role). SPb.: SIMPOSIUM, Moscow: izd-vo RGGU. (In Russ).]
- Эко У. *Эволюция средневековой эстетики*. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 288. [Eko, U. (2004) *Evolutsiya srednevekovoi estetiki*. (Evolution of Medieval Esthetics). SPb: Azbuka-klassika. (In Russ).]
- Fowles, J. (1999) *Wormholes*. L.: Vintage.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 декабря 2017

Дата принятия к печати: 20 февраля 2017

Для цитирования:

Щирова И.А. Текст как элемент интегративного научного пространства // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 2. С. 362—378.

Сведения об авторе:

Ирина Александровна Щирова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии РГПУ им. А.И.Герцена. *Сфера научных интересов*: общие вопросы теории текста; лингвистика текста, интерпретация текста, стилистика; философия литературы, философия и методология науки; вопросы текстотипологии и литературной семантики. *Контактная информация*: e-mail: schirova@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-362-378

TEXT AS AN ELEMENT OF INTEGRATIVE SCIENTIFIC SPACE

Irina A. Schirova

Herzen University

191186, St. Petersburg, Russia, Moika river embankment, 48

Abstract. The article accentuates the importance of flexible scientific approaches, the use of which is caused by the anthropocentric paradigm and the revival of the holistic view on the world. The aim of the article is to describe a fictional text as an element of integrative scientific space, formed by a number of opposite key concepts, which are, however contrary they are, turn to have much in common: science vs. arts, scientific truth vs. artistic truth, scientific worldview vs. artistic worldview, scientific cognition

vs. perceptual cognition, scientific information vs. aesthetic information. The research is done on the text of the essay with the use of hypothetico-deductive method, comparative method, as well as methods of contextological and lingvo-stylistic analysis. As the results of the research show, the border-lines between the concepts compared are flexible. The same flexibility is demonstrated by the text of the essay, whose syncretic nature is determined by the combination of the distinctive features of scientific style and belles-lettres style. Those style manifestations reflect the author's appeal to both ratio and emotio, thus proving these two spheres to be inseparably linked.

Keywords: *fictional text, essay, science, arts, cognition, truth, opposition, flexible probabilistic approaches, anthropo-oriented science*

Article history:

Received: 20 December 2017

Revised: 15 February 2017

Accepted: 20 February 2017

For citation:

Schirova, I. (2017). Text as an Element of Integrative Scientific Space. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2), 362—378.

Bio Note:

Irina A. Schirova, Dr, Professor, head of the Department of English Philology at Herzen State Pedagogical University. *Research Interests:* Text Theory, Text Linguistics, Text Interpretation, Stylistics, Philosophy of Literature, Philosophy and Methodology of Science, Text Typology and Literary Semantics. *Contact information: e-mail:* schirova@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-379-389

REDEFINING NEUTRALITY IN LANGUAGE AND DISCOURSE

Marklen E. Konurbaev

The Lomonosov Moscow State University
Lenin Hills, 1st Humanities (building 51), Moscow 119899, Russian Federation

Abstract. This paper explores some aspects of functional stylistics with relation to discourse analysis. The basis of every stylistic research is the identification of a set of linguistic elements that determine stylistic variation in a context of speech. Without this basis, every unit of speech may be considered only optionally marked with no ground for the estimation of its relative significance or communicative value. It is argued in the paper based on the theory of ‘timbre strings’ (Konurbaev 2015) that contextual neutrality is primarily functional rather than purely stylistic in nature. Linguistic elements marked in the dictionary as stylistically marked may remain neutral in the context of stylistically comparable elements as is the case with the Bible or other context heavily fraught with inherently connotative elements. Every instance of stylistic markedness or neutrality can be determined against the broad stylistic background of the context under investigation. Intonation and timbre may serve as a good marker of stylistic hierarchy of elements in speech.

Keywords: *functional stylistics, cognitive linguistics, functionalism, timbre, neutrality, King James Bible*

1. THE ESSENCE OF STYLISTICS

The core essence of stylistics is selecting words from the stock of the language and arranging them in a particular order and combination in speech (Akhmanova and Idzelis 1978). However, this choice is not entirely determined by the dictionary meaning of the words alone. Each lexical item during its ‘life-time’ accumulates a stylistic ‘history’ of its own: contexts, styles, situations that are collectively considered by the author during the creation process. A word may be absolutely plain and ordinary but the context and syntax may turn this neutrality into a strong aesthetic impact. The opposite is also true. A word, that has a specific stylistic colouring in a dictionary, as, for example, the word ‘multitude’ marked as biblical in the dictionary, is used almost exclusively to imply plain ‘crowd’ in the Old Testament of the King James Version. Its aesthetic potential is faded by its stylistic contrast with the biblical allegories and semantically parallel constructions. There is always a certain identifiable intention of the author behind his or her creative schemes of turning neutral lexical stock into marked elements in the context of speech and also in contextually neutralizing the marked elements.

These propositions are a natural development of the theory of functional styles promoted by the outstanding Russian scholar, Professor Victor Vinogradov (Vinogradov 1963; Lipgart 2006; Konurbaev 2002) who profitably extended the premises of the Pra-

gue Linguistic School concerning the functions of language in speech. According to Havránek (1963), each linguistic item can be either *automated* in speech, *intellectualized* or used in a way that allows it to realize its semantic potential to the full (the function of *impact*). Normally, every act of speech contains linguistic elements that realize all of these functions, but to various degrees, depending on the intention of the speaker. Vinogradov associates the five main functional styles with the domineering function of the linguistic units used in an act of speech. Domineering *automation* underlays the style of *everyday communication*; *intellectualization* is typical of the *scientific* and *official* texts; the function of *impact* predetermines the quality of *journalism* and *fiction*.

It follows therefore, that based on the speaker's purport, practically every linguistic element can be either automated, when used at the 'functional background' of the text not involved in an act of forming the core of the message, or foregrounded with the purposes of building the context where the elements of speech may expand their semantic capacity to such an extent that other, related to them contextual elements, form the area of rich and powerful semantic associations (Douthwaite 2000).

Neutral elements in this context are those whose meaning- and style-forming capacity is intentionally played down by the speaker for the benefit of the foregrounded elements. However, such choice of linguistic behavior is not entirely unrestricted, since every element may be relegated by the speaker to the background area only and exclusively by means of establishing the relative stylistic significance between the elements of the text. Once a biblical lexical item is used, for example, it can never stay in the background unless other, stylistically similar elements are used in the same text in whose context the current item will either be foregrounded or relegated to the background.

2. FUNCTIONAL NEUTRALITY DEFINED

Neutrality is the lack of cultural specificity, when the reader cannot determine with a degree of certainty in which cultural or attitudinal direction the text is taking him or her and which values it is trying to impart. Ask a foreign student at a university to give his or her estimation of the number of English words he or she knows — and their answer would normally be around 1500—2000. The next question usually brings them to a psychological halt, 'Can you talk almost on any subject and fully express yourself relying merely on this stock of words?' The answer is usually, 'not sure, but possibly'. Given that the English learner's bilingual dictionary uses slightly above 2500 words to define the remaining sixty thousand, my reply is usually that this means that they probably know the wrong two thousand words that do not allow them to express themselves freely around sixty thousand potential concepts. All right, what are we up to? The question is, 'do style and connotations really matter if we mean to develop the tone and attitude in speech or writing'? Are these not fully determined by syntax and our familiarity with the phenomena of life?

3. THE WAY IT WORKS IN THE BIBLE

We might check it on the basis of a broadly familiar text in two variations — Ecclesiastes 12:

The Good News Bible (GNT)	King James Bible (KJB)
So remember your Creator while you are still young, before those dismal days and years come when you will say, “I don't enjoy life”.	Remember now thy Creator in the days of thy youth, while the evil days come not, nor the years draw nigh, when thou shalt say, I have no pleasure in them;
2 That is when the light of the sun, the moon, and the stars will grow dim for you, and the rain clouds will never pass away.	2 While the sun, or the light, or the moon, or the stars, be not darkened, nor the clouds return after the rain:
3 Then your arms, that have protected you, will tremble, and your legs, now strong, will grow weak. Your teeth will be too few to chew your food, and your eyes too dim to see clearly.	3 In the day when the keepers of the house shall tremble, and the strong men shall bow themselves, and the grinders cease because they are few, and those that look out of the windows be darkened,
4 Your ears will be deaf to the noise of the street. You will barely be able to hear the mill as it grinds or music as it plays, but even the song of a bird will wake you from sleep.	4 And the doors shall be shut in the streets, when the sound of the grinding is low, and he shall rise up at the voice of the bird, and all the daughters of musick shall be brought low;
5 You will be afraid of high places, and walking will be dangerous. Your hair will turn white; you will hardly be able to drag yourself along, and all desire will be gone. We are going to our final resting place, and then there will be mourning in the streets.	5 Also when they shall be afraid of that which is high, and fears shall be in the way, and the almond tree shall flourish, and the grasshopper shall be a burden, and desire shall fail: because man goeth to his long home, and the mourners go about the streets:
6 The silver chain will snap, and the golden lamp will fall and break; the rope at the well will break, and the water jar will be shattered.	6 Or ever the silver cord be loosed, or the golden bowl be broken, or the pitcher be broken at the fountain, or the wheel broken at the cistern.
7 Our bodies will return to the dust of the earth, and the breath of life will go back to God, who gave it to us.	7 Then shall the dust return to the earth as it was: and the spirit shall return unto God who gave it.
8 Useless, useless, said the Philosopher. It is all useless.	8 Vanity of vanities, saith the preacher; all is vanity.

The message is basically the same in the two versions: remember God while you are still young, because when you get old and have no pleasure in life, praising God will seem vain and boring to you. But the language of the King James Bible might inspire awe and adoration and make the reader think of eternity, while The Good News Translation appeals more to reason than emotion, its vocabulary being almost exclusively part of the common stock of Modern English and the imagery and symbolism of the Bible

without any mercy transformed into plain English. Correspondingly, this change brought about a rather jerky rhythm and practically no pauses between the elements of the former symbolic imagery: ‘keepers of the house’ vs. ‘arms’; ‘strong men vs. legs’; ‘daughters of music vs. song’; ‘grinders vs. teeth’, and so on.

4. NEUTRALITY IS THE WAY ‘IT SOUNDS’

As a result, the diapason of voice and the rhythm become different in the two versions. The GNT is positive, affirmative, matter-of-fact and clear: the domineering contour is descending and low. The text is lexically and semantically clear and causes no slowing down of tempo. The voice is rather low, while the tone rests on the tokens of repetitive instructions. Even the whole of it begins with the business-like ‘So’. The narrative types of sentences in the KJB are the same but the diapason of voice is wide and the contours are longer due to the rhythm which elongates the syntagms on the back of extended metaphors. Hence, the slowing down of tempo necessary for the perception of a very involved symbolism; each symbolic element needs to stand out, because without it the probability of linking them all together into a single image in the mind of the reader gets rather vague with each next turn of the allegory. The semiotic potential of the text is quite high: the reader may not necessarily grasp the meaning of the whole at the very first reading but the symbolic meaning of words associated with eternity on the basis of faith and religion, as well as smooth and sing-song rhythms, syntactic parallelism and the final strong stylistically elevated and rhythmically balanced construction (‘vanity of vanities’) full of additional semantic implication in the whole book of Ecclesiastes — turn the whole narration into the echoing preaching suitable to be read in the stone buildings.

The timbre structure of the text, as in the case with Ecclesiastes, is not so much dependent on the stylistic characteristics of individual words used by the creators of the text — words could be generally neutral and, when taken separately, will not evoke any cultural or stylistic associations in the reader’s mind, but the way these words are made to serve as the tokens of timbre and then form the stylistic impact zones by establishing the relationship between each other to serve the purport of developing the pictorial or auditory image of the text is important.

Rhythm helps, of course. Syntax determines voice. Words are matched with each other in such a manner that no effect of defamiliarization is caused. The image should be whole — smooth and organic. And once the writer begins on a fairly high stylistic note, he or she should keep eyes and ears open to a potential pop-up of undesirable auditory sensations caused by the lack of uniformity where uniformity should be maintained. When the word is made to stand out due to its specific semantic or stylistic connotations — the potential contextual broadening of its semantic scope or the expressive narrowing when the words lose their semantics for the sake of rendering a high expressive tone (incredibly beautiful, outrageously vibrant) — both the writer and the reader should start on a journey to seek the tokens matching this word or a set of words in developing a recognizable image.

5. THE HINGES OF STYLE

The preacher wants to describe old age and chooses to use the metaphor ‘keepers of the house’. In a rather long list of words that could be used in this situation there are quite a few lexical units that in essence do not stand out for their unique stylistic colouring: ‘head’, ‘master’, ‘host’, ‘overseer’, ‘controller’, ‘superintendent’, ‘organiser’, ‘manager’, ‘curator’. However, the functional implications that each of these words have will inevitably evoke in the mind of the reader multiple associations with formal contexts and a limited list of collocations where these words would occur. It was necessary to find relatively neutral lexical units that are unrelated to the recognisable functional contexts and that would be broad enough to be able to collocate with a wide range of words. The chosen chain of tokens seems to be quite successful: ‘keeper’, ‘strong man’, ‘grinder’, ‘those that look out of the windows’, ‘doors’, ‘daughter of musick’. Some of these words belong to the common stock of English and easily form recognisable collocations in speech (except probably ‘daughters of musick’ and ‘the almond tree’ that are even more specific to the general public, but quite easily identifiable by the people of Israel) (Konurbaev et al. 1996).

6. FUNCTIONAL NEUTRALITY VS STYLISTIC NEUTRALITY

Writing with neutral words is like drawing with a pencil — images could be rich and deep, but no misuse of colour can spoil the whole impression with undesirable associations. The GNT is also using plain words of the common stock of English. But these do not match the quality of timbre in the KJB which adds just a couple of elements for the voice and timbre to ring a mighty melody in the mind of the reader of the King James Version: allegory, symbolism, rhythm and sound repetition. Even the ‘almond tree shall flourish’ that may look and sound quite specific to the European eye and ear — signify nothing else but the old age, since this tree blossoms in winter with small white flowers on leafless branches; the local people certainly know of this peculiarity and identify the metaphor immediately. We would even assume it might work as a key to the whole passage unlocking all other metaphors and forming them into a single elevated form. The ‘almond tree’ to the local people may be not much more unusual than the financial terms to the American public, for whom the description of worldly gain is best presented through this type of lexis:

Good News Bible 11 (GNT)	King James Bible 11 (KJB)
1 Invest your money in foreign trade, and one of these days you will make a profit.	1 Cast thy bread upon the waters: for thou shalt find it after many days.
2 Put your investments in several places — many places even — because you never know what kind of bad luck you are going to have in this world.	2 Give a portion to seven, and also to eight; for thou knowest not what evil shall be upon the earth.

The King James Bible with its ‘neutral metaphor’ based on the words of the common stock of English reaches a much higher power of impact and solemnity of voice than the materialized interpretation of the GNT, that intended to interpret the text for

the general public and divest it of possible ‘complications’, but, in fact, bereaved the text of its recognisable voice and timbre and begat ‘Moses in a lounge-suit’. Symbolism and extended allegory in the KJB slow down the overall tempo of reading, while association with preaching the eternal truth increases solemnity of timbre and the neutrality of lexis is only a benefit in such voice development. Any shift in this or that narrow conceptual area would become an impediment on the road of allegorical associations.

Neutral, culturally unrelated vocabulary molds new timbres relatively easily when united by an allegory or symbol, but may completely impoverish the narration with the lack of a strong timbre token forming a recognizable image.

Konurbaev (2015) shows that in any kind of writing all words pass a test of prominence: each lexical element introduced in the writing must become either the backdrop or the foreground in the text. *Tertium non datur*. The so-called stylistic neutrality means cultural and functional indifference. But then comes the moment of choice, when the writer must decide what bricks and mortar to use for his or her own imagery. And once the choice is made in favour of the inherently connotative lexis — immediately the whole host of related functionality starts growing like mushroom spawn and is hurled on the writer to bear. It may be the vocabulary of a narrow conceptual area, terminology, a recognizable name, title or a situation. But it should be consistent with the image the writer is drawing, or it might start falling apart having no reliable conceptual ground to rely on. And the image will have a compositional logic of its own. James Martin (2017) states that “from a relational perspective <...> words don’t have meaning; rather they do meaning — they mean in relation to the other words that might have been chosen. Similarly, groups and phrases mean in relation to other groups and phrases, clauses in relation to other clauses, exchanges in conversation in relation to other exchanges, phases of discourse in relation to other phases, genres in relation to other genres and so on”. Likewise, lexical neutrality may be an issue in stylistics but as concerns the mental representation of the author’s voice and timbre — it is subordinated to the formation of mentally complete forms or images and may be contextually marked in terms of timbre or, on the contrary, contextually neutral.

It may sound weird, but the contexts relying on neutral lexis may have a distinctive voice and timbre of their own if the author is successful enough in molding the organic auditory and visual whole in a text; while contexts with marked vocabulary may generally produce the white noise of the stock exchange just minutes before the outburst of a financial crisis, when every sentence ‘speaks or shouts’ at the same time, but out of tune with the rest of the text; or the visual image is created, but the lexis is too diverse to form into a comprehensible euphony:

Mr Hirsch, known in the 1950s and 1960s for virtuoso performances in Feydeau farces at the Comédie-Française, and later as Nero in Racine’s ‘Britannicus’ opposite Marie Bell, and as Shakespeare’s ‘Richard III’, is an actor of phenomenal physical mobility and comic timing, undimmed by age. His mime of Bernhardt’s mother angrily flicking the train of her gown while pleading in a quivering mezzo soprano with her wilful daughter, is a theatrical marvel. His Oscar Wilde, haunted but gallant, is a transformation of tone and physical detail equally magical. Watching this vigorous, seemingly possessed actor at work, you feel that the name of this creaking vehicle ought really to be changed to ‘Robert’ (Paris theatre, 2002).

What you might hear in this type of writing is occasional ‘cock-a-doodle-does’ from an exorbitantly bright bird exceedingly proud of its linguistic achievements. The stylistic and cognitive mess is caused by the careful avoidance of neutral words that might form together at least some semblance of a backdrop for a good foreground. It has neither context nor plot; neither criticism nor advice; neither is it an ample description of acting or play. Nothing in fact, except a very poor attempt to sound original through the combination of highly unoriginal, incompatible word-combinations that do not go together well. The word ‘phenomenal’ is an expressive epithet, the word ‘physical’ is obviously clear and refers to the material condition of objects of reality, the word ‘mobility’ describes the ability to move around very quickly, the word ‘comic’ is a literary critical term or the description of something funny and unusual, ‘timing’ is the ability to do something within the expected period of time, the word ‘undimmed’ is somewhat unusual in terms of style with the domineering verbal element. However, ‘phenomenal physical mobility’ is a bit tautological and has never been used either in books or speech before. ‘Comic timing’ is somewhat vague but relatively clear on abstract terms. But ‘phenomenal physical mobility and comic timing, undimmed by age’ is an important-sounding meaningless piece of nothing — gobbledygook. But curiously enough, it has voice and timbre in it. The reader will inevitably stop to resolve this quiz and will surely fail. As a result, he or she will hear an empty bravado — phony omniscience that is always pompous, fast and unintelligible.

Add a couple of neutral words, connect them into a semblance of a narration and then link around a token or two — and the voice becomes more narrative and pleasant to listen to. But the description similar to the one above will continue to remain dumb and unreasonably bright:

A man called James Langton was running a repertory theatre at Middlepool that was attracting a good deal of attention; and after Michael had been with Benson for three years, when the company was going to Middlepool on its annual visit, he wrote to Langton and asked whether he would see him. Jimmie Langton, a fat, bald-headed, rubicund man of forty-five, who looked like one of Rubens' prosperous burghers, had a passion for the theatre. He was an eccentric, arrogant, exuberant, vain and charming fellow. He loved acting, but his physique prevented him from playing any but a few parts, which was fortunate, for he was a bad actor. He could not subdue his natural flamboyance, and every part he played, though he studied it with care and gave it thought, he turned into a grotesque. He broadened every gesture, he exaggerated every intonation. But it was a very different matter when he rehearsed his cast; then he would suffer nothing artificial. His ear was perfect, and though he could not produce the right intonation himself he would never let a false one pass in anyone else. ‘Don't be natural’, he told his company. ‘The stage isn't the place for that. The stage is make-believe. But seem natural’. (Maugham 2011).

Well, ‘eccentric, arrogant, exuberant, vain and charming fellow’ is dark and dumb, but fatness like Rubens' prosperous burghers (timbre token); and ‘natural flamboyance ... turning everything into grotesque’ (timbre token) — is clear enough. All other language in the passage is neutral and is used as a basis for clear narration. This is an example where neutral words and phrases are authentically neutral and have neither taste nor colour. The author lets them stand as a background for the story with no clear cognitive mission.

Lexical neutrality is a good basis for unconstrained narration in the press. The reason is the freedom of combinability where each neutral word is relatively unrestricted to form very clear and recurrent word-combinations and phrases (Konurbaev 2015). As a result, the story unwinds easily with very few places to slow down. Lexical pairs and oppositions create comfortable endocentric rising-falling contours, that boldly draw the shape of the foregrounded mostly attributive vision of the theatre which is exactly what a good publication might need to promote a theatrical performance in a quality press:

So much theatre is big and juicy. People fall in love and sing about it, or they murder someone and rue the day. But much of life is made of small, modest pleasures (tasty mints, starry nights) and tiny tragedies (an errant comment, an uncomfortable shoe). The real dramas are not easily dramatised. They involve quiet feelings of disappointment or vague questions about what constitutes a meaningful life. These are the concerns, at once existential and banal, that drive the plays of Will Eno. The results are moving and rather funny. (New American theatre 2014).

The voice is shaped by the rising-falling contours ('big and juicy'; 'fall in love and sing'; 'murder and rue'; 'small, modest pleasures and tiny tragedies', 'existential and banal') and mostly affirmative intonations with a slight slowing down in the middle or at the end as the afterthought. It evokes the feeling of an easily told story by a theatre critic who is also a bit of a philosopher and a story-teller who not only analyses but also entertains.

The use of voice and timbre to draw the neutral vocabulary is praised primarily for its freedom of combinations. Neutral words may stay unmarked and uninvolved in the foreground development in the text; or on the contrary be very active in forming the impact zones by creating recognizable cultural patterns. But the fact that this lexis is free from any need to be associated with a particular cultural phenomenon or a specific area of usage, makes this layer of the vocabulary a pliable and convenient instrument in writing on a range of broad or unspecific subjects with the voice of the author being clearly heard.

7. CONCLUSIONS

Language acts as a source-code of multiple combinations in speech where message and meaning are ineluctably connected to style and purport. But while pragmatics serves as platform for the analysis of the role of context for the formation of the meaning of each element used in the text (Tomasello and Kecskes 2014), cognitive science relates every instance of language usage in the text to hundreds of external aspects that are not immediately observable in the context of speech but whose presence is invariably felt in the variations and voice and its tone, reflecting the hierarchy of the elements used where the attitude of the speaker or writer is one way or another reflected (Brang 2010).

Expressively strong elements in speech may serve as semiotic triggers that will reunite the words into a meaningful global shape and the whole hierarchy of speech elements may change on the spur of the moment. Every new element of speech will be

added to this hierarchical map in keeping with the rule of reference where the semiotic trigger will define the position and the relative weight of elements in a speech event. But this may suddenly change the moment a new such trigger appears when the whole hierarchical map will have to be redrawn (Konurbaev 2015).

The opposite of the semiotic timbre-trigger is the neutral word or expression that has the maximum level of automation, which means that the reader barely notices it and his or her eyes slide smoothly from word to word that is instantaneously reflected in the reader's mind as ordinary elements of the unfolding syntactic construction. These automated elements have minimum articulation and the auditory control of individual words is minimized for the benefit of the holistic speech control (ZveginsteV 1996). But once the author chooses to surprise the reader or to inhibit him or her to pay special attention to a fact or a phrase — the reader will involuntarily slowdown in order to have a close-up of such word or construction and probably read it again and mentally estimate its weight by comparing and producing the horizontally unlikely matches across paragraphs and pages uttering it half aloud or slightly moving the lips and the tongue and voicing this half-articulation a little. Then you speed up and read on until you reach another timbre-trigger. When the reading exercise is over the reader will involuntarily attempt to shape the whole on the basis of such peaks of attention where the tempo was slow, the rhythm clear and regular and internal articulation — most distinct. As a result, the hearing effect was most ostensible, which in its turn served as a powerful impetus in the cognitive processes where the elements of speech are being actively compared to each other, weighted and arranged into a mental scheme (Konurbaev 2015). Without these processes there is hardly any cognitive process possible. But the peaks and the hierarchy may serve as an excellent basis for mentalese where new cognitive entities are derived computationally by putting together two or three or more elements in order to arrive at a qualitatively new quality of perception — a new cognitive whole (Fodor 2008; Pinker 2013).

© Marklen E. Konurbaev, 2017

REFERENCES

- Akhmanova, O. & Idzelis, R. (1978) *What Is The English We Use?: A Course in Practical Stylistics*. Moscow: Moscow University Press.
- Douthwaite, J. (2000) *Towards a Linguistic Theory of Foregrounding*. Alessandria: Edizioni del'Orso.
- Fodor, J. A. (2008) *LOT 2: The Language of Thought Revisited*. Oxford University Press.
- Havránek, B. (1963) *Studie o spisovném jazyce* in *Studies of standard language*. Praha.
- Kecskes, I. (2014) Word, Context and Communicative Meaning // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 1. С. 7.
- Konurbaev, M.E. (2015) *The Style and Timbre of English Speech and Literature*. Palgrave MacMillan.
- Konurbaev, M., Komarova, A. & Lipgart, A. (1996) *Does It Ring a Bell? (Reopening the Bible for the Occident)* // *Folia Anglistica: Biblical Studies*, # 1, p. 7 (Moscow: MAX Press).

- Martin, James. The discourse Semantics of Attitudinal Relations: Continuing the Study of Lexis // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 1. С. 22—47.
- Maugham, W.S. (2011) *Theatre* (Vintage International). ‘New American theatre. Mind the gaps: The super sad, true plays of Will Eno’ (2014) in *The Economist*, April 5 (Economist Newspaper Ltd.). ‘Paris theatre. How it's done: A chance to see what acting can be’ (2002) in *The Economist*, October 17 (Economist Newspaper Ltd.).
- Pinker, S. (2013) *Language, Cognition and Human Nature: Selected Articles*. Oxford University Press.
- Tomasello, M. (1999) *The Cultural Origins of Human Cognition*. Cambridge, Massachusetts, London, England: The Bradford Book, The MIT Press.
- Tomasello, M. (2014) *A Natural History of Human Thinking*. Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University Press.
- Бранг П. *Звучащее слово: заметки по теории и истории декламационного искусства* / Петер Бранг; пер. с нем. М. Сокольской и П. Бранга. Москва: Языки славянской культуры, 2010. 285 с. [Brang, Peter (2010) *Das Klingende Wort. Zu Theorie und Praxis der Deklamationskunst in Russland*. Moscow: Yazyki slavianskoi kultury (in Russ).]
- Виноградов В.В. *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. Москва: Изд. АН СССР, 1968. 255 с. [Vinogradov, Viktor (1963) *Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSS].
- Звегинцев В.А. *Мысли о лингвистике*. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008 [Zvegintsev, V.A. (1996) *Thoughts on Linguistics*. Moscow: Moscow University Press. (In Russ).]
- Конурбаев М.Э. *Стиль и тембр текста*. Москва: МАКС Пресс, 2002. 212 с. [Konurbaev, Marklen (2002) *Stil' i tembr teksta* (The Style and Timbre of Text). Moscow: MAKS Press. (In Russ).]
- Щерба Л.В. *Опыт лингвистического толкования стихотворений: Воспоминания Пушкина* // Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз. 1957. [Scherba, L.V. (1957) A case study of the linguistic interpretation of poems: Reminiscence by Pushkin in Selected works on the Russian language, Moscow: Uchpedgiz. 26—44. (In Russ).]
- Успенский Б.А. Избранные труды, том I. Семиотика истории. Семиотика культуры, 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 1996 [Uspensky, B. A. (1996) *Izbrannyje trudy. Tom I. Semiotika istorii, Semiotika kultury* (Selected works. Vol. 1. Semiotics of History, Semiotics of Art). Moscow: Yazyki Russkoi Kultury (In Russ).]

Article history:

Received: 20 January 2017

Revised: 18 February 2017

Accepted: 22 February 2017

For citation:

Konurbaev, M. (2017). Redefining Neutrality in Language and Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2), 379—389.

Bio note:

Marklen E. Konurbaev, Dr, Professor at Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. *Research Interests*: General Linguistics, Linguopoetics, English Phonetics, Phonostylistics, English Bible Studies, Theory and Practice of Translation. *Contact information*: e-mail: marklen@konurbaev.ru

О РАЗГРАНИЧЕНИИ НЕЙТРАЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

М.Э. Конурбаев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119899 Москва, Россия, Ленинские горы, д. 1, стр. 51

В статье рассмотрены некоторые аспекты функционально-стилистического анализа в контексте исследований дискурса. В основе любого стилистического исследования лежит необходимость выявления слоя лингвистических единиц, образующих базу стилистической вариативности в контексте речи. Это слой нейтральной лексики, которую академик Л. В. Щерба (1957) образно называл «упаковочным материалом» речи. Без него любая речь теряет стилистический ориентир и не может быть воспринята как ситуативно релевантная. Всякий элемент в такой речи будет произвольно идентифицирован пользователем как маркированный или нейтральный, исходя лишь из словарного значения языковой единицы. Проведенное нами широкое функционально-стилистическое и лингво-поэтическое исследование современных английских текстов (Конурбаев, 2002) показало, что, к примеру, в библейских контекстах (в составе Библии Короля Иакова в сопоставлении с современными переводами Библии), в которых по определению практически каждая вторая единица речи маркирована, тоже возможно отчетливо выявить слой функционально-нейтральной лексики, которая и создает необходимый фон для адекватного, ситуативно-маркированного восприятия широкого контекста речи.

Ключевые слова: *функциональная стилистика, когнитивная лингвистика, тембр, нейтральный стиль, стилистическая маркированность, Библия Короля Иакова*

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 января 2017

Дата принятия к печати: 22 февраля 2017

Для цитирования:

Konurbaev M.E. Redefining Neutrality in Language and Speech // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 2. С. 379—389.

Сведения об авторе:

Марклен Эрикович Конурбаев, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. *Сфера научных интересов:* общепилологические вопросы, лингвостилистика, лингвопоэтика, фонетика английского языка, фоностилистика, теория и практика перевода. *Контактная информация:* e-mail: marklen@konurbaev.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-390-404

A DISCOURSE-BASED VIEW IN INTERDISCIPLINARY APPROACHES TO FICTIONAL TEXT ANALYSIS

Alcina Sousa

University of Madeira

Colégio dos Jesuítas, Rua dos Ferreiros, 9000-082 Funchal, Portugal

Abstract. As patterns of communication change in a globalized society, literacy in foreign languages, especially English, becomes an issue of ever growing relevance to all those involved in the educational system, not to mention those who are to learn all their life long. As such, the goal of this article is to discuss how EFLit (English as a Foreign Literature) students can gain in both linguistic competence and critical awareness thereof, should their teachers/lecturers abide to a discourse-based view on (literary) language and approach the selected texts by following a pedagogical stylistics orientation also drawing eclectically on pragmatics and other areas of knowledge within the broader domain of applied linguistics. Here under focus will be a discussion of the topics on which literary and linguistic studies show greatest potential for (theoretical) convergence and, above all, combined applications in lecture setting. Crucially, it will be argued that a pedagogical stylistics approach to EFLit teaching/learning both develops students' linguistic competence and raises their awareness as to the meaning making potential of language in use in the texts at hand as well as in their larger historical and sociocultural settings. This will be illustrated by highlighting some textual features within a short extract of Fred D'Aguiar's *The Longest Memory* (1995) and the linguistic competence that its comprehension would demand from students.

Keywords: *EFLit, pedagogical stylistics, reading, language and literary awareness, discourse-based view*

1. INTRODUCTION

Most reading research in the twenty-first century shows that there is a common concern among teachers, researchers and educationalists dealing with the ways to address reading for different purposes and the diverse challenges (cf. Kamil, et al. 2001) in an era dominated by a wide panoply of media, with a focus on skills, strategies, dispositions, and practices required for successful online reading and reading achievement (Lankshear & Knobel 2006, Leu et al. 2006, 2007, 2013, 2015, Leu & Markel 2015).

The relationship between literariness and language has always been a contentious research topic. Ultimately, focusing on deviation from ordinary language (for instance Leech 1969), others on tropes and figures of speech (such as de Man 1979) and others still opting to think of literariness as a cline of layers of meaning (Carter 1997). It can thus be argued that the literary text, in which several registers, voices, modes blend and clash, challenges the reader with unfamiliar features, from graphology, semantics, lexis, syntax, coherence, cohesion and register (discourse) to pragmatics. When it comes

to the threshold level, undergraduates' lexical competence and reading development might be fostered by allowing readers to interact with creative uses of language (Crystal and Davy 1985) not to be found in the usual class materials (*i.e.*, manuals, dictionaries) as, among others, in the journalese, advertising or literary discourse. In this regard, Laura Calvo's contention extends the scope of language in use (2009: 17) to a wider panoply of discourse practices and communities to be studied by discourse analysts. Hence, it is necessary to reassess the contribution of an interdisciplinary approach to reading in an era where most information is encoded and processed in English, be it a mother tongue, second language or lingua franca.

In the scope of the issues to be discussed in the current paper, Gee's contentions from a discourse-based view (2001) seem relevant, given the focus on social context, the shared experiences and practices which are at the core of language interaction and meaning making, particularly concerning the multiple encounters in literary discourse to be equally fostered in the formal setting of education and literacy practices. To put it briefly and borrowing from Hall, Curtin and Rutherford (2014: 128), "language is given its meaning in use through its association with the situated meanings, cultural models and the sociocultural groups that socialize learners in communities of practice and literacy practices".

It is also worthy of reference a contrastive perspective from the readers' source language into the language in which the text is encoded (the target language). Thus, Hutcheon explains (1995: 120) within a pragmatics stance regarding the use of irony:

The flip side of this, a basically ethical position, is the one that says that the responsibility to guarantee the comprehension of irony (and the avoidance of misunderstanding) lies with the encoding ironist who must coordinate assumptions about codes and contextual information that decoders will have accessible to them, and be likely to use... The ethical dimension enters the intentionalist debate around irony in yet another way, though, for without the accountability that could come with intentionality, irony might well mean never having to say you really mean it. The potential for evasion through only tacit affirmation ... can be obviously viewed as a negative.

Extending the scope of discussion to reading literary texts, and the relevance of pragmatics in literary interpretation, Verdonk (1993: 2) sheds some light on the dilemma between interpretation and language competence (Durant 2001) resorting to the argument that "successful communication is the combined effect of textual (linguistic) competence and contextual (pragmatic) interpretation". Indeed, the various dimensions of speech act theory addressed by theorists such as Austin (1976), Grice (1991), Searle (1995), Iser (1993) and Traugott and Pratt (1980), as well as the theory of communicative action, grant an ideal field of inquiry in the contemporary paradigm of knowledge. Accordingly, conventions and assumptions of a culture are constantly being probed or reassessed whether in the local or in the global context, in interaction with other cultures, not to mention the literary forms and modes of oral communication and their reception in academic and other disciplinary contexts, too. The development of several theoretical strands within pragmatic stylistics, drawing on neo-Gricean and post-Gricean approaches, of which relevance theory (MacMahon 2006; Clark 2013) is a well-researched example, offers

students/readers the possibility to read different (stretches of) texts with differing levels of analytical detail and precision as best suits their own reading interests (Clark 2014) in and beyond lecture setting (see Sousa 1997, 1998, 1999, 2000, 2002, Sousa & Cíbková 2016, Sousa & Costa 2001).

Although there is not enough evidence about how L2 (second language) readers process texts syntactically, Urquhart and Weir (1998: 60) “suspect that they apply a collection of pragmatic strategies. For example, in English, the first [noun phrase] is likely to be the subject”. Sousa (1994) has gathered evidence on metalinguistic awareness in the native and in the foreign languages reported to be significant related variables. *A propos*, Losonsky (1999), in his introductory note to Humboldt’s ([1836] 1999) seminal writings on language, foregrounds pragmatic maxims (Grice 1991) in language negotiation and cooperation for meaning-making, particularly in that (1999: xxiii—xxiv) “language is first an activity of an individual speaker; people begin to speak because they must co-operate, communicate, and, most importantly, cultivate their own minds”. Losonsky rightly puts two complementary issues related to pragmatics and the way it casts new light in the interpretation of literary texts, in the line of Humboldt’s claims, (1999: xv):

1. For instance, speakers may have a clear distinction in mind between the subjunctive and future moods, but in their language-making power may be too weak to mind out the corresponding sounds. So even if laws governing the language-making power are the same everywhere, they differ in “intensity, veracity, and regularity”.

2. Imagination and emotion will also contribute to diversity. “*Imagination and feeling*”, he writes, “engender individual shapings, in which the individual character... emerges, and where, as in everything individual, the variety of ways in which the thing in question can be represented in ever-differing guises, extends to infinity”. Language is rule-governed for Humboldt, but it is also like a work of art, and this dimension of language “cannot be measured by the understanding” and is “the deepest and inexplicable part” of language.

[author’s emphases]

From the above it might be well advanced that it is deemed important to allow for pragmatic and cognitive approaches in the study of style and discourse which involve readers in a dynamic move beyond the literary text allowing them to grasp its meaning potential within the discursive and societal context. An example of the pedagogical potential lying in such pragmatics-inspired approaches to discourse is given by Semino’s (2014) analysis of fictional narratives in which autistic characters experience instances of pragmatic failure in their attempts to communicate as a result of their condition. Benefitting from the detail and precision which characterise text stylistic analysis, such activities can allow for the discussion of wider societal issues that go beyond the text(s) and raise students’ critical awareness of the (dis)continuities between fictional and non-fictional language use (Clarke & Zyngier 2003). Thus, readers’ intuition and simultaneous emotional involvement in the interpretation of texts, search to understand them in the light of those approaches, along with their usefulness in the process of meaning-making, will be a value-added issue.

2. TOWARDS A PEDAGOGICAL STYLISTICS APPROACH

Within an applied stylistics paradigm borrowing extensively from discourse analysis, Naciscione (2001: 25) outlines the types of figurative meaning associated with the base form: metaphor, metonymy, hyperbole, understatement, allusion, oxymoron, euphemism, periphrasis, antonomasia, transferred epithet and irony. Hutcheon (1995: 122) has particularly discussed irony which requires “the discrimination of differences between said and unsaid”, involving thereby (*Op. cit.*, pp. 160, 174) “*inferential skills*” and “social cognitive development, (...) that operate on several different levels”, notably on semantic and pragmatic levels. From her bearings, it might be concluded that anticipation, inference and presupposition equally call for (*Op. cit.*, p. 174) “the ability to infer both the knowledge shared by speaker and addressee and the attitude of the speaker toward what is being” said.

What seems a common denominator, among many scholars and theorists, is rephrased by Carter as (1997: 138): “semantic densities and rereadings are activated by readers”. Further on, he concludes (*Op. cit.*, *Ibidem*) that “differently positioned readers may well frame different answers to questions concerning the nature of literary language”. Given the eclectic and dialogic nature of the approach under discussion, readers are equally perceived as “interested parties”, to subscribe Carter’s contention (*Op. cit.*, *Ibidem*), “willing, in certain sociolinguistic circumstances, to do interpretive work on all kinds of discourses if it appears contextually appropriate to do so”.

Students/readers might also stand to gain from being exposed to the analytical methodologies employed by critical discourse analysts. As Reisigl (2011: 22) rightly points out, there are a number of theoretical and practical commonalities between pragmatics and critical discourse analysis (CDA) remarking that both tend “towards analysing language as a social phenomenon or practice, and language use in a social context”, departing as well from the so-called genre analysis (Swales 1991). In this sense, by being instructed on the cognitive structures and functional and rhetorical effects of language in use (Hart 2014) in, for instance, media discourse, students/readers can draw some benefit. They are empowered to freely discuss their views and opinions with an analytical metalanguage and the theoretical bases that support it. From an EFL pedagogical perspective, such approaches to real discourse in the lecture setting can be said to have threefold benefits. Firstly, it requires students’ intensive study to attain mastery over linguistic concepts and theory. Secondly, learners are empowered to use the target language, in this case English, to discuss professional and sociocultural issues which interest them, such as advertising (Cook 1992) and gender (Jeffries 2007), respectively. And lastly, a focus on discourse geared towards criticality can add to the diversity of lecture practice and, thus, engage more students in more ways. After all, as Porto & Byram (2015) put it, “languages are best learnt when they are used for other things which are engaging and stimulating”.

A pedagogical stylistics approach is aimed at enhancing “understanding... of the richness of language in its multiple uses” rather than “reducing appreciation of literary language use”. Literary awareness is as vital in the interaction with literary discourse as language and culture awareness. This is one of the reasons for familiarising students/readers

with all the analytical tools used in the understanding of literary discourse, including the many insights on deviation defended by different schools of criticism, though beyond the scope of the current paper.

The scheme enclosed underneath, though comprehensive in nature, aims at wrapping up in a schematic way what has been argued so far about the interactional nature of reading and the extent to which several disciplines, and not only literary criticism and linguistic analysis, have contributed to the search for understanding the reading of texts, from the production to the reception of meaning. Considering its complexity, it might be of utmost importance, for readability issues, to offer a staged but brief description of the three main blocks (at the core of the reading process) without overlooking the interrelationship of many of the components in the visual display.

Some of the disciplines, namely social sciences and applied linguistics, cognitive psychology, theories of interpretation and literary criticism, have been at times briefly touched upon because of their bearings to pedagogical stylistics. Furthermore, the schematic presentation seeks to bring together, in a selective fashion, the contribution of seminal scholars from various strands, displayed on the vertical dimension along three main blocks, concerning the reader, his/her interaction with the text and the text itself, which have come to offer a set of theoretical guidelines to explain the pedagogical stylistics approach as a (Carter 1994: 5) “crisscrossing”/interdisciplinary field.

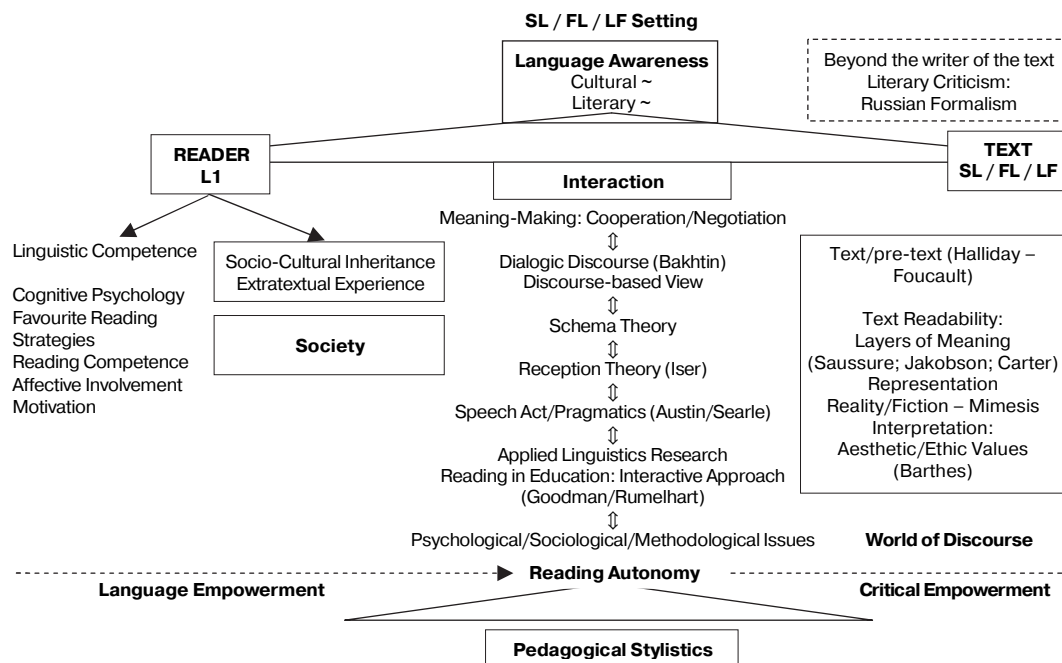

Fig. 1. EFLit READING — Interdisciplinary Approach

The principal horizontal dimension in the scheme depicts the reader and his/her interaction with a text, encoded in a foreign language, in this case English. The discontinued bottom line in the second horizontal dimension edging the graphical display, indicates the lifelong nature of language and critical empowerment underlying reading autonomy and exerting influence upon the individual’s language, literature and culture

awareness. In their quest to interact with the text, readers gradually improve their creative and critical skills.

At one end of the main axis there is the reader with the linguistic competence in his/her mother tongue, together with a basic knowledge of the foreign language, which are prerequisites for being able to identify as well as understand the code of the text.

Furthermore, Halliday and Hasan's ([1985] 1989: 117) "theoretical writings about language" will offer a counterargument to "a commonsense conception... that our ideas, our knowledge, our thoughts, our culture are all there — almost independent of language and just waiting to be expressed by it". Conversely, the authors have briefly argued that the speakers'/readers' awareness of language (*Op. cit.*, *Ibidem*) "is so deeply rooted" in notions of linguistic and textual context, provided that "the notions of text and context are inseparable: text is language operative in a context of situation and contexts are ultimately construed by the range of texts produced within a community".

Naciscione (2001: 34) equally acknowledges the role of discourse awareness in the interpreting process:

In reading or listening the discourse is processed all the time whether consciously or not. The reader or the listener is concerned with an exceedingly complex inferential process in both written and oral discourse. Knowledge of the linguistic features of PUs [Phraseological Units] and their possible applications in discourse facilitates recognition and identification. It follows that inability to cope with ambiguities caused by a figurative interaction of language elements may inhibit comprehension and a faithful evaluation of the aesthetic and/or pragmatic implications of the text. Semantic and stylistic identification fosters comprehension and leads to more accurate interpretation of the relevant stretch of discourse.

McCarthy and Carter (1994: 168) further contend that "learners are likely to gain more interest and to be more empowered as educated citizens. Once again, a staged instruction on autonomous reading, depending firstly on the teacher's/lecturer's appropriate input at times (for instance, via scaffolding), recognisably facilitates individual experiences and understanding of texts (Rosenblatt [1938] 1999: 27). Also, less competent readers might benefit from teachers'/lecturer's strategic teaching of layers of meaning.

In the long run, readers not only become autonomous interpreters but also get acquainted with different text types along with dissimilar textual approaches. Their agency is fostered in their reading selection, not to mention their conscious choice of reading strategies appropriate to text types. Besides, they become responsive to language and literariness likely to be met in any discursive practice. It is thus reasonable that this stylistics approach borrows extensively from many bearings within the so-called wide field of pragmatics together with some pragmatic implications on many related fields such as semiotics and discourse analysis.

Departing from everyday language corpora and different domains, Cook (1992, 1994) argues that literariness occurs whenever a text affords a considerable challenge to readers' schemata — schema disruption — resulting in some cognitive change of view. This comprises either "schema refreshment" or "schema reinforcement". Drawing on his study of advertising language, Cook has offered some illustrations on both processes. In the case of proverbs, idioms, fixed phrases of readers' common knowledge, they acquire new meanings when the message is presented through linguistic deviation, in a dynamic creative way.

3. MEANING MAKING

Linguistics, advance Traugott and Pratt (1980: 18), “can contribute a great deal to our understanding of a text”. It is based on this premise that a pedagogical stylistics approach resorts to linguistics since it offers readers (*Op. cit.*, *Ibidem*) “a vocabulary and a methodology through which” they can talk about their experience of a text, while focusing on their verbal structure. Yet, it is also true that the deconstructive theory will also contribute to open up the text, in which there is no final meaning. In readers’ meaning-seeking, there should be an echo of Barthes’s (1977) “The Death of the Author”, in which there is an apology of the reader and a freedom of the text: its unity does not depend on its origin but on the interpretation. Moreover, Derrida’s definition of a “text” (“Structure, Sign and Play in the Discourse of Human Sciences”, 1972) as “a fabric of traces referring endlessly to something other than itself, to other differential traces” breaks the ties between signifier and signified, even though Saussure ([1959] 1966) had advocated the arbitrariness of the sign long before. As a consequence, the act of reading is an act of discovery (Derrida 1972), of *différance*. Meaning is not linear and there are as many readers as meanings/interpretations. Furthermore, “the act of interpreting texts” perceived from a stylistics stance, advances Carter (1994: 9), “involves a *seeing through language* to the ideologies which all texts reveal and conceal to different degrees” [scholar’s emphasis]. In an EFL pedagogic setting, this sort of linguistic and meta-interpretational awareness can be augmented by resorting, for instance, to cognitive linguistic frameworks (see Giovanelli 2010). The metacognitive awareness of the role that students/readers take up in the process of reading enabled by lecturers’ foregrounding of the links between “linguistic, contextual [form] and embodied knowledge in generating meaning” (Giovanelli 2016: 123) via their own perception and conceptualization systems offers new possibilities in terms of the development of literacy skills. If EFL students are acquainted with different codes (language system and its different uses), conventions and modes of the discourse (*e.g.*, transactional language, interpersonal language and genre), they will not have to rely immediately on literary/critical theory to be able to tackle any text, be it literary or non-literary.

Indeed, and as Jeffries (2010: 16) rightly points out, while attempting to distinguish critical stylistics from critical discourse analysis, readers (students/lecturers) are first and foremost “concerned with stylistic choices, and the textual analysis which can illuminate the choices that a text producer has made, whether consciously or not”. The framing of results borne by such textual analyses into a wider socio-political, literary, cultural or philosophical context can only come at a later stage after a rigorous linguistic analysis.

To reiterate the above contention, Crystal and Davy (1985) have offered a counter-argument either to many critics’ claims on misinterpretations of literary texts in EFL language environments or to many researchers’ suspicions concerning the reliability of literary interpretation. In their opinion (*Op. cit.*, pp. 4—5), “literature allows a greater range and more extreme kinds of deviation from the linguistic norms present in the rest of the language”. These promote “an understanding of the varieties which constitute normal, non-literary language”. At this point, it is pertinent to mention McRae’s view on the prerequisites to teach English as a literary medium (1994: 35):

They [literary or linguistic schools] are just backup to the approaches but they are not something the teacher should worry about or be intimidated by... We want to say to the

teacher: “Take the text as text and don’t worry, just trust the text”. There are no right or wrong answers, there are questions of interpretation, questions of imagination so that in the classroom, the student is encouraged in his/her own thinking, his/her opinion, to react even without language.

Based on a gradual instruction on different levels of meaning and layers of context, i.e. the linguistic context, the interactional context and the social context, to use Lier’s terminology (1995: 40), readers, in this perspective either teachers or students, concentrate on words, cohesive ties (anaphoric, cataphoric and exophoric references or the troublesome demonstrative determiners and proforms), otherwise overlooked (Traugott and Pratt 1980), but determinant for the interpretation of any excerpt as well as for broader everyday literacy practices. A rigorous understanding of the discourse structures and persuasive power of advertisements, for instance, requires an elaborate awareness of lexico-grammatical choices and figurative language, as well as an awareness of sound patterning (effects) and (the cognition of) schematic language (Cockcroft, Cockcroft, Hamilton & Hidalgo-Downing 2014).

While enhancing “interactional potentialities of texts” (McRae 1991: 18), the lecturer may upgrade students’ knowledge of morphological and syntactical structures to a higher level of semantic unity of the whole text by means of a lecturer-student dialogue (*Op. cit.*, *Ibidem*) “as a kind of *pedagogical communicative relation*” [author’s emphasis]. Dialogue in education is perceived by Burbules (1993: xii) in the following fashion:

One of the mistakes often made in understanding dialogue is thinking that it is essentially like any other kind of conversation and that, since we all know how to have conversations, we must already know the basics of dialogue. People often use “dialogue” synonymously with “discussion”, “chat”, and related terms. But good, effective dialogue is much more difficult than ordinary conversation.

[author’s emphases]

Reading between the lines (McRae and Boardman 1984), students’ speaking and sharing their own voices, along with writing their own texts (comprising thus forms of dialogue), ultimately promote language, text and literary awareness, or as Morgan (1997: 13) puts it, a “self-empowering act”. In addition, looking for cohesive ties in a text, for example, or “clues”, to borrow from Rumelhart’s (1984) illustration of the process of text comprehension (and its bearings with schema theory), might illustrate how the latter is thought to operate. His line of reasoning stands out for resorting to narrative clues understood to (Rumelhart 1984: 18) “suggest possible instantiations of schemata which are then evaluated against the successive sentences of the story until finally a consistent interpretation is discovered”.

Finally, and before drawing on final considerations, a passage is provided to illustrate how the process of text/excerpt understanding might be monitored in an EFL language course. Students/readers are likely to perceive that, while reading for instance fiction, “authors... do not need to spell out every detail” (Rumelhart 1984: 19). Instead, they provide readers with “subtle clues which they can expect” them to pick up. Furthermore, and to tag along McCarthy and Carter’s assertions (2001: 59), it is the goal now in this discussion to consider how “an integrative view of discourse influences the na-

ture of the syllabus and the teaching that evolves from it”, particularly when reading is placed at the core of EFL curriculum design.

All **I** could do was wait. My master delayed his departure to the North with his family and guests, until the trackers returned with **my son**. Mr Whitechapel was to accompany them to the next town, then return with his second son, William, leaving his wife and young daughter in the capable hands of his elder son, Thomas. **I** could do nothing but walk about the plantation sticking close to the main road up to the house, along which the party was sure to come bearing **my son**. The hours passed like an axle driven through mud. The usual sounds of industry around the plantation quietened as everyone listened for the approach of the overseer. Even the wildlife that sometimes made the place a veritable Eden with their cacophony were today flying about soundlessly and trotting through the woods on tiptoe. So it seemed to **me** with my eyes peeled for sign that **my son** was back and not consigned to a premature paradise.

The master threw up his arms as he emerged from the house with his family and guests. It was early afternoon. He said he could not delay his departure for Fredericksburg with his guests another minute, otherwise they would be on the road in the dark. He issued orders that my son was to be locked up to await punishment when he returned. Those were his parting words to the deputy. This deputy heard the order in the company of four slaves, **myself** not included. **I was the fifth**. Why my heart sank then **I know now**, but **at the time I** thought my alarm foolish and misplaced. How many times had the master left the plantation having issued orders that were carried out to the letter? Countless. This allayed my fears a little. I also reasoned that the trackers would pass him on the road on their way back and he would tell them in person. Then I remembered that a message had been sent to them to change the course of **their pursuit of my son** to the path alongside the river therefore any such meeting was unlikely.

[bold, underlined Mine]

Fred D’Aguilar, *The Longest Memory* (1995: 18—19)

If students are not given any preliminaries about the text displayed above, their attention should be drawn to the first person pronoun reference “I”, right at the beginning of the passage. This constitutes an anaphoric reference accounting for an omniscient (Emmott 2002) first person narrator, since, argues Culler (1994: 200), “in the case of first person narration, choices for which the reader can find no other explanation may be read as excesses which display the narrator’s individuality and as symptoms of his obsessions”.

Conversely, and by means of interactive reading of the passage, students/readers and lecturer gradually unveil the first person pronoun reference “I”, as a cataphoric reference (through turn-taking), related to the proform “I was the fifth”. By “suggesting a different emphasis from that attached to cohesion and reference”, (in McCarthy and Carter 2001: 57) liable to come across in very many activities suggested in language through literature courses, readers end up pointing out a close relation between “I” and “the fifth slave”, or the narrator/focaliser himself in the process of prediction, while concentrating on discursive markers, *i.e.*, “then”, forwarded by the unusual collocate “the party”/“bearing my son”, especially for EFL contemporary readers. From the contextual meaning, readers disclose its connotative meaning (such as *group, assembly* and *chasers*).

Also, they may perceive a kind of beastly pleasure derived from setting an example through physical punishment, evidenced in the focaliser's euphemistic image. It is conveyed by a passive structure — “not consigned to a premature paradise” — without readers having to rely immediately on their background knowledge, but on experiential and procedural knowledge, instead.

The usual sounds of industry around the plantation quietened as everyone listened for the approach of the overseer. Even the wildlife that sometimes made the place a veritable Eden with their cacophony were today flying about soundlessly and trotting through the woods on tiptoe. So it seemed to me with my eyes peeled for sign that my son was back and not consigned to a premature paradise.

[emphases Mine]

The narrator's voice comes up to contrast with: the pronoun form in the third person “he” (a pronominal shift), and the binary “their pursuit”/ “my son [’s flee]”. The latter is strongly marked by the possessive determiners, along with the omitted lexical item “flee”, implicit in the use of the genitive form, namely in the utterance “their pursuit of my son” — the main theme of the excerpt. The intentional use of the cataphoric reference seems to have temporarily “delayed” (Derrida [1978] 1997) the meaning potential of the excerpt as well as readers' ever-increasing emotional commitment with the unfolding of events. This is also attained by the use of pronominal shifts to emphasise the characters' power relations in the literary discourse. These are marked by the binary *empowered/disempowered* (reinforced by tense, aspect and voice: “are to be returned”/ “returned”) experienced by the “I” (the focaliser) in the crushing dilemma between “their” authority/pursuit and “he”/“my son”/the chased. The conflict is thus expressed by the liberating voice in the interior monologue and self-questioning complemented by the lexical choice, associated with the language of the oppressors, “my master”, “the overseer”, “the trackers” over the oppressed. The character ends up estranged from his own self, evidenced by the use of the appositive phrase “myself not included”, as well as the simple clause “I could do nothing”, both of which shift the readers' attention back to the opening sentence: “All I could do was wait”.

Briefly sketched, and extending from the explanation provided by McCarthy and Carter (2001) on “how” to make meaning out of texts (within a strategic discourse-based syllabus), the point of entry hitherto considered, *i.e.*, (grammatical and lexical) cohesion, has led to identify the semantic density of the excerpt, reinforced by other layers of meaning, such as lexis, register, syntax, period and style. The last one comprises the narrator's peculiar way/craft of conveying a highly emotive episode by making use of simple language albeit charged with a plurality of meanings. In short, posit the scholars (2001: 58), “there is every reason to suppose that knowing “what” [is meant] can inform and support knowing “how” [it is meant]”.

In this fashion, McCarthy and Carter (2001: 59) foreground their discourse syllabus requiring from the student/reader the task of (in the line of Aston 1988) “a language observer” from the standpoint of a “discourse-analyst rather than as the sentence-parser and rule-discoverer of some approaches to traditional grammar-based syllabuses”:

Ours is also an integrative view, wherein the over-arching perspective of language-as-discourse will affect *every* part of the syllabus, including any conventional “system” (lexico-

grammatical) components and functional/speech-act components, however they are treated, whether as a series of layers of language, or as realizations within general specifications of discourse strategies.

[authors' emphases]

Reading can, thus, be looked at as an integrative skill and a meaningful activity rather than a mechanical exercise, as it is frequently offered under the heading of “reading comprehension”, followed by grammar and vocabulary exercises which leaves little to develop serious personal analysis and critical and imaginative skills without running the risk of undue speculation. In fact, a prescriptive approach to language education, for instance with a focus on the traditional grammar of usage, spelling and the correct styles, has been, to shortlist briefly some of the scholars cited by Lier (1995: 39), “condemned by many educators and linguists for a long time”, such as Frye (1990), Halliday (1985, 1989), Sinclair (1991) and Fairclough (1992, 1995).

4. FINAL CONSIDERATIONS

In short, a pedagogical stylistics approach is aimed at enhancing “understanding... of the richness of language in its multiple uses” rather than “reducing appreciation of literary language use”. Literary awareness is as vital in the interaction with literary discourse as language and culture awareness. This is one of the reasons for familiarising learners/readers with all the analytical tools used. A further motivation for bringing together different theories under a pedagogical stylistics approach to reading EFLit has to do with the potential to develop “the skills of critical interpretation of language” by grounding them on strategies which are activity-based rather than purely speculative and self-reflective. Texts are not only to be deconstructed but, as Carter wrote (1997: 83), are instead framed so as to equally undergo “construction and reconstruction” in a dialogical lecture setting. Taking a discourse-based view means sensitising students/readers towards the meaning potential of texts, literary or otherwise, by ensuring that they are given ways-in to texts, and are empowered to explore the creativity and interactiveness of meaning creation in the reading/writing process.

© Alcina Sousa, 2017

REFERENCES

- Aston, G. (1988) *Learning Comity*. Bologna: Editrice CLUEB.
- Austin, J. (1976) *How to do Things with Words: An Essay in the Philosophy of Language*. Oxford: Oxford University Press.
- Bally, C., Sechehaye, A. (eds.) (1966) *Ferdinand de Saussure: Course in General Linguistics* [1959] (trans. Wade Baskin). New York: McGraw-Hill.
- Barthes, R. (1977) *Image — Music — Text*. New York: Hill and Wang.
- Calvo, L. (2009) *Perspectives on Discourse Analysis: Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge Scholars.
- Carter, R. (1997) *Investigating English Discourse: Language, literacy and literature*. London and New York: Routledge.

- Carter, R. (1994) Teaching Literature: A View for the 90s. *Greta*, Granada, vol. 2 (2/Dec.), 5—10.
- Clark, B. (2013) *Relevance Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Clark, B. (2014) Pragmatics and Inference. In Stockwell, P., & Whiteley, S. (eds.) *The Cambridge Handbook of Stylistics* (300—314). Cambridge: Cambridge University Press.
- Clarke, U., & Zyngier, S. (2003) Towards a Pedagogical Stylistics. *Language and Literature*, 12, 4, 339—351.
- Cockcroft, R., Cockcroft, S., Hamilton, C., & Hidalgo-Downing, L. (2014) *Persuading People: An Introduction to Rhetoric*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Cook, G. (1992) *The Discourse of Advertising*. London and New York: Routledge.
- Crystal, D., Davy, D. (1985) *Investigating English Style*. New York: Longman,
- Culler, J. (1994) *Structuralist Poetics — Structuralism, Linguistics and the Study of Literature* [1975]. London & New York: Routledge & Kegan Paul.
- De Man, P. (1979) *Allegories of Reading: Figural Language in Rousseau, Nietzsche, Rilke and Proust*. New York: Yale University Press.
- Derrida, J. (1978) *Writing and Difference*. Chicago: University of Chicago Press.
- Durant, A. (2001) Comprehension and Problem-Solving in The Literature Classroom. *The Nottingham Linguistic Circular* 16, The School of English Studies, University of Nottingham, Nottingham, 1—18.
- Emmott, C. (2002) Split Selves in Fiction and in Medical Life Stories. In Semino, E. & Culpeper, J. (eds) *Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis*, 153—182).
- Fairclough, N. (1992) *Language and Power*. Essex: Longman.
- Fairclough, N. (1995) *Media Discourse*. London: Edward Arnold.
- Frye, N. (1990) *Anatomy of Criticism: Four Essays* [1971]. New Jersey: Princeton University Press.
- Gee, J. P. (2001) *Discourse and Sociocultural Studies in Reading*. Kamil, M., Mosenthal, P., Pearson, P., Barr, R. (2001) Methods of Literacy Research: The Methodology Chapters of the Handbook of Reading Research, Vol. III., chapter 9 (195—207), New Jersey/London: Lawrence Earlbaum Associates.
- Giovanelli, M. (2010) Pedagogical Stylistics: A Text World Theory Approach to the Teaching of Poetry. *English in Education*, 44, 3, 214—231.
- Giovanelli, M. (2016) Text World Theory as Cognitive Grammatics: A Pedagogical Application in the Secondary Classroom. In: Gavins, J., & Lahey, E. (eds) *World Building: Discourse in the Mind*.
- Grice, P. (1991) *Studies in the Way of Words*. Harvard: Harvard University Press.
- Hall, H., Curtin, A., Rutherford, V. (2014) *Networks of Mind: Learning, Culture, Neuroscience*. London & New York: Routledge.
- Halliday, M. (1985) *An Introduction to Functional Grammar*. London: Edward Arnold.
- Halliday, M. (1989) *Spoken and Written Language* [1985]. Oxford: Oxford University Press.
- Hart, C. (2014) *Discourse, Grammar and Ideology: Functional and Cognitive Perspectives*. London and New York: Bloomsbury Academic.
- Humboldt, W. (1999) *On Language*. In M. Losonsky (ed.). Cambridge: Cambridge University Press.
- Hutcheon, L. (1995) *Irony's Edge: the Theory and Politics of Irony*. London and New York: Routledge.
- Iser, W. (1993) *The Fictive and the Imaginary: Charting Literary Anthropology*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Jeffries, L. (2007) *Textual Constructions of the Female Body*. Basingstoke: Macmillan.
- Jeffries, L. (2010) *Critical Stylistics: The Power of English*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

- Kamil, M., Mosenthal, P., Pearson, P., Barr, R. (2001) *Methods of Literacy Research: The Methodology Chapters of the Handbook of Reading Research*, Vol. III. New Jersey/London: Lawrence Earlbaum Associates.
- Lambrou, M., & Durant, A. (2014) Media Stylistics. Stockwell, P., & Whiteley, S. (eds) *The Cambridge Handbook of Stylistics*. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 503—519.
- Lankshear, C., & Knobel, M. (2006) *New literacies*. 2nd ed. Maidenhead, UK: Open University Press.
- Leech, G. (1969) *A Linguistic Guide to English Poetry*. London: Longman.
- Leu, D. Castek, J., Hartman, D., (2006) *Evaluating the development of scientific knowledge and new forms of reading comprehension during online learning*. Final Report to North Central Regional Educational Laboratory/Learning Point Associates. Chicago, IL.
- Leu, D. J., Zawilinski, L., Castek, J., Banerjee, M., Housand, B., Liu, Y., and O'Neil. (2007) What is new about the new literacies of online reading comprehension? In L. Rush, J. Eakle, & A. Berger (eds.). *Secondary school literacy: What research reveals for classroom practices*. (37—68). Urbana, IL: National Council of Teachers of English. Available at <http://www.newliteracies.uconn.edu/docs/whats%20new%20about%20online%20reading%20comprehension.pdf>.
- Leu, D. J., Kinzer, C. K., Coiro, J., Castek, J., Henry, L. A. (2013) New literacies: A dual level theory of the changing nature of literacy, instruction, and assessment. In Alvermann, D.E., Unrau, N.J., & Ruddell, R.B. (Eds.). *Theoretical models and processes of reading* (6th ed.), 1150—1181. Newark, DE: International Reading Association. Available at: <http://www.reading.org/Libraries/books/IRA-710-chapter42.pdf>.
- Leu, D. J., Forzani, E., Rhoads, C., Maykel, C., Kennedy, C., Timbrell, N. (2015) The new literacies of online research and comprehension: Rethinking the reading achievement gap. Manuscript accepted for publication in *Reading Research Quarterly*, 50(1). doi:10.1002/rrq.85.
- Leu, D. J., Maykel, C. (2015) Thinking in new ways and in new times about reading. *Literacy Research and Instruction*, 55 (2).
- Lier, L. (1995) *Introducing language Awareness*. London: Penguin.
- MachMahon, B. (2006) Relevance Theory: stylistic applications. In: Brown, K. (ed) *Encyclopaedia of Language and Linguistics* (519—522). Oxford: Elsevier.
- McCarthy, M., & Carter, R. (2001) Size isn't everything: spoken English, corpus and the classroom. *TESOL Quarterly*, 35, 2, 337—340.
- McRae, J., & Boardman, R. (1984) *Reading between the Lines: Integrated Language and Literature Activities*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McRae, J. (1991) *Literature with a Small 'l'*. London: Macmillan.
- McRae, J. (1994) "An Interview with John McRae". *Greta*, Granada, vol. 2 (2/Dec.), 35—41.
- Naciscione, A. (2001) Phraseological units in literary discourse: implications for teaching and learning. *Cauce: Revista de Filologia e su Didáctica*, 24, 53—67.
- Porto, M., & Byram, M. (2015) Developing intercultural citizenship education in the language classroom and beyond. *Argentinian Journal of Applied Linguistics*, 3, 2, 9—29.
- Reisigl, M. (2011) (Critical) Discourse analysis and pragmatics: Commonalities and differences. In Hart, C. (ed.) *Critical Discourse Studies in Context and Cognition* (7—27). Amsterdam/Philadelphia: Johns Benjamins Publishing Company.
- Rumelhart, D. (1984) Understanding Understanding. James Flood (ed.). *Understanding Reading Comprehension*. Newark: International Reading Association, 1—20.
- Searle, J. (1995) *The Construction of Social Reality*. New York: Free Press.

- Semino, E. (2014) Pragmatic failure, mind style and characterisation in fiction about autism. *Language and Literature*, 23, 2, 141—158.
- Sinclair, J. (1991) *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford: Oxford University Press.
- Sousa, L. (1994) *The Relation between Metalinguistic Awareness and Reading in the Native and the Foreign Language*. Unpublished PhD dissertation. Azores: University of the Azores.
- Sousa, A. (1997) Down with 'cribs': developing discourse competence". *Proceedings of the 1st International Conference on Discourse Analysis*, Maria Emília Ribeiro Pedro (ed.), Lisbon, Portugal, May 1997, 103—124.
- Sousa, A. (1998) Who cares about stylistics in an EFL classroom? *Greta*, 7 (1), 85—96.
- Sousa, A. (1999) Who Cares About Stylistics in an EFL Classroom? In *Greta*, Adelina Espinosa and Bryan Robinson (eds.), Granada, Spain, vol. 7 (1), 85—96.
- Sousa, A. (2000) Breaking the Ice with Literary Extracts: Old/New Voices in Ever Developing EFL Reading Contexts". *ANPLI Proceedings — 8th and 9th Meetings, English — Diversity and Challenge*, Braga, Portugal, 124—141.
- Sousa, A. (2000) The clashing I's in literary and pedagogical discourse: André Brink's *A Dry White Season* in an EFL/Portuguese setting. *PALA 19 Conference Papers, Discourses of War and Conflict*, Annette Combrink and Ina Biermann (eds.), Potchefstroom, South Africa, 201—217.
- Sousa, A. (2002) Is text analysis in EFL contexts reader-oriented/"real" student-oriented? — The Validity of Questionnaires in Pedagogical Stylistics? *PALA Proceedings 21, Textual Secrets, The Message of the Medium*. In Judith Mólнар and Szilvia Csábi (eds.), Budapest, Hungary, 2002, 513—524.
- Sousa, A., & Cibíková, I. (2016) *A Stylistics Approach to Canon Breaking Texts*. Tmave: University of Ss. Cyril and Methodius.
- Sousa, A & Costa, D. (2001) Broadening horizons in stylistics: The multimedia lab as a challenging tool for text analysis in EFL contexts. *CAUCE, Teaching and Learning Foreign Languages*, John McRae (ed.), Seville, Spain, 2001, vol. 12/1, 175—184. Available at: <http://dialnet.unirioja.es/servlet/oaiart?codigo=625278>.
- Swales, J. (1991) *Genre Analysis, English in Academic and Research Settings*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Traugott, E., & Pratt, M. (1980) *Linguistics for Students of Literature*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.
- Urquhart, A., & Weir, C. (1998) *Reading in a Second Language: process, product and Practice*. London and New York: Routledge.
- Waugh, L, Monville-Burston, M. (eds.) (1998) *On Language: Roman Jakobson*. Cambridge: Harvard University Press.
- Verdonk, P. (ed.) (1993). *Twentieth Century Poetry: From Text to Context*. London & New York: Routledge.

Article history:

Received: 18 January 2017

Revised: 18 February 2017

Accepted: 22 February

For citation:

Sousa, A. (2017). A Discourse-Based View in Interdisciplinary Approaches to Fictional Text Analysis. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2), 390—404.

Bio Note:

Alcina Sousa, Dr, Assistant Professor (with tenure) at University of Madeira. *Research interests:* Applied Linguistics, Corpus Linguistics, Discourse Studies, Intercultural Communication, Rhetoric, Intercultural Pragmatics, Semantics, Discourse Analysis. *Contact information:* e-mail: alcina.sousa@staff.uma.pt

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-390-404

ДИСКУРСИВНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Альсина Соуса

Университет Мадейры

Colégio dos Jesuítas, Rua dos Ferreiros, 9000-082 Фуншал, Португалия

С изменением моделей коммуникации в ситуации глобализации изучение иностранных языков, особенно английского языка, становится все более важной проблемой для лиц, работающих в системе образования, не говоря о тех, кто должен поддерживать свой академический уровень на протяжении всей жизни. Целью данной статьи является обсуждение возможных способов наращивания языковой компетенции и навыков анализа языка обучающимися по программам EFLit. Соответственно, автор задается вопросом о том, должен ли преподаватель придерживаться основанного на дискурсивном подходе понимания (нормативного) языка и анализировать тексты, следуя принципам педагогической стилистики и учитывая знания прагматики и других областей знания в рамках более широкой области прикладной лингвистики. На первый план обсуждения в статье вынесены те области, которые в наибольшей степени подвержены конвергенции лингвистики и методики обучения языку. В частности, в статье показано, что педагогическая стилистика в обучении EFLit развивает учебные компетенции и повышает осведомленность учащихся о процедурах передачи языкового значения в рамках текста и, более широко, культурного и социального контекста. Анализ отрывка из книги Фреда Д'Агуайра «Насколько я помню» (1995) помогает понять, какие языковые компетенции требуются в процессе чтения для понимания этой книги.

Ключевые слова: *EFLit, педагогическая стилистика, чтение, языковая грамотность, дискурсивный подход*

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 января 2017

Дата принятия к печати: 22 февраля 2017

Для цитирования:

Sousa A. A Discourse-Based View in Interdisciplinary Approaches to Fictional Text Analysis // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 2. С. 390—404.

Сведения об авторе:

Альсина Соуса, доктор, доцент кафедры английского языка Университета Мадейры (Португалия). *Сфера научных интересов:* прикладная лингвистика, корпусная лингвистика, анализ дискурса, межкультурная коммуникация, риторика, межкультурная прагматика, семантика, дискурс-анализ. *Контактная информация:* e-mail: alcina.sousa@staff.uma.pt

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-405-423

«ОБЕЩАНИЕ» КАК МОДЕЛЬ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ: МЕТОДИКА КОНТРАСТИВНОГО АНАЛИЗА (на материале русского и немецкого языков)¹

Е.Г. Которова

Зеленогурский университет

al. Wojska Polskiego 71A, 65-762, 65783 Zielona Góra, Poland

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
634050, Томск, Россия, проспект Ленина, дом 30

Целью статьи является представление методики сопоставительного анализа базовых единиц внутри- и межкультурной коммуникации и демонстрация ее применения на примере модели речевого поведения ОБЕЩАНИЕ. В отличие от ранее предложенных терминов, таких как *речевой акт* (Дж. Остин и Дж. Сёрль), *речевой жанр* (М. Бахтин), основную единицу коммуникации предлагается назвать моделью речевого поведения (МРП). Иллокутивное содержание и общая организация моделей речевого поведения могут считаться универсальными, в то время как их языковая реализация является культурно обусловленной и может существенно различаться в разных языковых сообществах. В составе анализа каждой модели необходимо вычлениить и описать следующие компоненты: 1) коммуникативную цель МРП или ее иллокуцию в терминах Естественного семантического метаязыка, 2) структуру модели, включающую лексическую и грамматическую характеристику основных компонентов высказываний, реализующих данную МРП, 3) коммуникативно-прагматические факторы, влияющие на реализацию модели, 4) коммуникативно-прагматическое поле, отражающее иерархическую организацию МРП, в составе которого выделяются прототипический центр и градуально сформированная периферия, 5) перлокутивный эффект МРП, то есть описание возможных реакций на высказывания, реализующие данную МРП. На основе данной методики в статье представлен сопоставительный анализ МРП ОБЕЩАНИЕ в русском и немецком языках. Исследование базировано на существующих корпусах немецкого и русского языков.

Ключевые слова: *речевое поведение, обещание, межкультурная коммуникация, контрастивная лингвистика, русский, немецкий*

ВВЕДЕНИЕ

Для научных лингвистических исследований в XXI в. характерным является выраженный интерес к вербальному и невербальному речевому поведению представителей различных языков и культур. Фокус анализа смещается в сторону полипарадигмального анализа практической коммуникации и изучения условий использования языковых средств говорящими как в каждом отдельном языке так и в сопоставлении.

¹ Данная статья является составной частью проекта «Контрастивное описание моделей речевого поведения в немецком и русском языках», выполняемого Е. Которовой и В. Гладровым.

Хотя сравнительные исследования закономерностей коммуникативного поведения и составляющих его высказываний проводятся с начала 1970-х гг., в них практически нет согласованности в отношении научного подхода и методологии. Основной проблемой является выделение и определение базовой единицы коммуникативной сферы, которая могла бы служить основой для анализа речевого поведения индивидуумов и коммуникативных сообществ. В ходе исследований внутри- и межкультурной коммуникации был предложен ряд таких единиц, наиболее известными из них являются «речевой акт» (Дж. Остин и Дж. Серль) и «речевой жанр» (М. Бахтин).

Несмотря на то, что изначально теория речевых актов была создана исключительно на базе английского, а теория речевых жанров — на базе русского языкового материала, данные базовые единицы были широко использованы последователями выше названных теорий как основа для контрастивного анализа коммуникативного поведения носителей разных языков [см., напр., Rose 1992, Eslamirasekh 1992, Félix-Brasdefer 2009, Шеловских 1995, Дубровская 2003, Фенина 2005, Гашева 2007 и др.]. Хотя в целом сравнительные исследования были осуществлены успешно, стало понятно, что каждая из моделей требует определенной доработки и адаптации для целей контрастивного изучения языков.

Так, понятие «речевого акта» подразумевает одномоментность и индивидуальность речевого действия, в то время как на самом деле авторы теории речевых актов вкладывают в этот термин более широкий смысл, объединяя в нем различные формы реализации одной и той же иллокуции и обозначая с его помощью не процесс производства высказываний, а их функциональную общность. Стремясь преодолеть данное противоречие, авторы более поздних работ вместо термина «речевой акт» (speech act) употребляют выражение «набор речевых актов» (speech act set) или же «речевое действие» (speech action) [см. напр. Olshtain / Cohen 1983; Murphy / Neu 1996, Sbisà / Turner 2013 и др.]. Понятие «речевого жанра» также, по мнению многих отечественных лингвистов, относится «к числу наиболее многозначных и неопределенных терминов-понятий» [Дементьев 2010: 11, см. также Кожина 1999: 60, Комлева 2011: 296 и др.]. На это обстоятельство указывал и сам Бахтин, отмечавший «крайнюю разнородность речевых жанров» [Бахтин 1996: 159].

Основываясь на анализе описанных выше речевых элементов и моделей, предложенных разными авторами при исследовании коммуникативного поведения [подробный анализ см. в Гладров / Которова 2015], представляется целесообразным определить единицу, лежащую в основе стереотипных коммуникативных действий как модель речевого поведения (МРП). Такие модели включают в себя некий набор вербальных (и/или невербальных) действий и распространяются на повседневные ситуации межперсонального общения, ограниченные относительно небольшим временным отрезком.

Таким образом, понятие МРП уже, чем понятие речевого жанра; оно сближается с представлением о «наборе речевых актов», представленном в работах последователей Дж. Остина и Дж. Серля. К типичным МРП относятся такие широко обсуждаемые в прагмалингвистике модели, как ОБЕЩАНИЕ, ПРОСЬБА, УГРОЗА и т.п.

Целью данной статьи является демонстрация применения авторской методики сопоставительного анализа моделей внутри- и межкультурной коммуникации [описание данной методики см. в Гладров/Которова 2015] на примере модели речевого поведения ОБЕЩАНИЕ.

Для всестороннего описания каждой из моделей необходимо, на наш взгляд, вычленив в ее составе и проанализировать следующие компоненты.

1. **Коммуникативная цель МРП или ее иллокуция.** Организующим фактором МРП является иллокуция. То или иное высказывание может быть отнесено к определенной модели исключительно на основе того, какую иллокутивную цель преследует Говорящий при его произнесении. Важной проблемой при этом является необходимость семантической экспликации каждой конкретной целевой установки, то есть необходимо определить, что следует понимать под иллокуцией ОБЕЩАНИЯ, ПРОСЬБЫ, УГРОЗЫ и т.п. Такие дефиниции должны быть в максимальной степени универсальными, культурно независимыми; кроме того, они должны быть сформулированы как можно более единообразно в отношении различных МРП. В качестве научной основы для описания прагматического инварианта МРП была использована теория Естественного семантического метаязыка Анны Вежбицкой [Wierzbicka / Goddard 2014], так как она в наибольшей степени способна обеспечить универсальность дефиниции иллокутивной цели.

2. **Структура модели, включающая лексическую и грамматическую характеристику основных компонентов высказываний, реализующих данную МРП.** Каждая модель речевого поведения реализуется в определенных базовых грамматических структурах. Набор этих структур варьирует от модели к модели². В составе полной перформативной формулы можно выделить, как правило, четыре составляющих: компоненту Действия, компоненту Говорящего, компоненту Адресата³ и компоненту Повода (для совершения речевого акта) [ср. Pisarek 1995: 48]. Последняя компонента является специфичной для каждой конкретной МРП: она может выражать содержание ПРОСЬБЫ или СОВЕТА, причину ИЗВИНЕНИЯ, повод для ПРИГЛАШЕНИЯ и т.п. Каждая из составляющих перформативной формулы может иметь сходства и различия в грамматическом оформлении в каждом из сопоставляемых языков, которые должны быть выявлены и описаны.

3. **Коммуникативно-прагматические факторы, влияющие на реализацию модели.** Ситуативно-прагматические различия касаются двух возможностей: а) в одной и той же коммуникативной ситуации в одной речевой культуре данная МРП регулярно реализуется, а в другой культуре нет; б) в одной и той же коммуникативной ситуации в разных культурах реализуются разные речевые акты. К прагматическим факторам, влияющим на формы реализации МРП, относятся возраст, социальный статус, социальная дистанция между коммуникантами, реже — пол, этнос и др.

² Так, В. Дементьев, рассуждая о факторах, необходимых для характеристики речевых жанров, подчеркивает, что «для лингвистического осмысления и систематизации РЖ особенно важно учитывать лексику, синтаксис (пропозиции)...» (Дементьев 2016: 11).

³ В контексте данной статьи термин «адресат», употребляемый в работе Pisarek 1995, синонимичен термину «слушающий».

4. **Коммуникативно-прагматическое поле, отражающее иерархическую организацию МРП.** Высказывания, входящие в данную МРП, организованы по принципу поля, в составе которого выделяется прототипический центр и градуально сформированная периферия, включающая выражения от граничащих с прототипическими до маргинальных [подробнее см. Которова 2013, Kotorova 2014]. Задачей исследователя является определение места основных субмоделей в составе иерархии.

5. **Перлокутивный эффект МРП.** Данный раздел предполагает описание возможных реакций на высказывания, реализующие определенную МРП. В этом аспекте также можно наблюдать межкультурные различия. Так, Д. Карбо приводит пример, когда, некое высказывание, задуманное носителем американской культуры как комплимент, воспринимается в финском лингвокультурном сообществе как преувеличение (Carbaugh 2005: 8). Интересны также наблюдения Т. Лариной и Е. Щелчковой (2013: 23—34) в отношении МРП ПРИГЛАШЕНИЕ. Авторы показывают, что фатические (ложные) приглашения, распространенные в американской культуре, нередко истолковываются представителями других культур как истинные, что может привести к недоразумениям и коммуникативным конфликтам.

Далее вниманию читателя предлагается анализ модели речевого поведения ОБЕЩАНИЕ в русском и немецком языках, основанный на обозначенных выше принципах. Материалом для анализа служат основные корпуса русского и немецкого языков (см. Список источников). В некоторых немногочисленных случаях примеры заимствованы с аутентичных сайтов различного содержания.

1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ОБЕЩАНИЕ

1.1. ОБЕЩАНИЕ среди комиссивных речевых актов

Согласно классификациям Дж. Остина и Дж. Серля ОБЕЩАНИЕ относится к классу комиссивных речевых актов. Общая иллокутивная цель комиссивов состоит в том, что говорящий берет на себя обязательство выполнить в будущем определенное действие: «Говорящий хочет, чтобы слушающий поверил в то, что говорящий хочет совершить в будущем некий акт»⁴ [Naras 1983: 209].

К классу комиссивов относится довольно большая группа моделей речевого поведения, таких как ОБЕЩАНИЕ, ПРЕДЛОЖЕНИЕ (ОФЕРТА), УГРОЗА, КЛЯТВА, ГАРАНТИЯ и др. [ср. Austin 1962, Katz 1977, Searle 1979, Серль 1986 и др.].

Е.В. Филимонова утверждает, что ОБЕЩАНИЕ — это единственная модель класса комиссивов, не имеющая пересечений с моделями других классов речевых актов и обнаруживающая все признаки, присутствующие в определении класса комиссивов. Таким образом, ОБЕЩАНИЕ можно рассматривать как прототипическую модель данного класса [Филимонова 2003: 9, Антонова 2004: 11—12].

Так, МРП УГРОЗА и ПРЕДЛОЖЕНИЕ (ОФЕРТА) обнаруживают наряду с комиссивным компонентом также и директивное содержание, поскольку наряду с анонси-

⁴ “S(precher) will, dass H(örer) glaubt, dass S(precher) A(ktion) tun will“ — Здесь и далее перевод цитат выполнен автором.

рованными предстоящим действием говорящего во многих случаях побуждают также и слушающего к определенному действию или же реакции на слова говорящего:

- (1) *Стой, а то застрелю!* — сказал вдруг Зеленин.
- (2) *Wenn du mir jetzt nicht hilfst, kündige ich dir die Freundschaft.*
- (3) *Предлагаю Вам временно поселиться у меня.*
- (4) *Kann ich Ihnen ein Glas Wein anbieten?*

Важнейшие условия для успешного осуществления речевого акта обещания были сформулированы Дж. Серлем следующим образом [Searle 1970: 57—61, Серль 1999: 221—228, ср. также Rolf 1987: 88—91]:

- 1) предмет ОБЕЩАНИЯ должен быть представлен ясно;
- 2) пропозициональное содержание ОБЕЩАНИЯ должно относиться к будущему;
- 3) обещанное должно быть выгодным (бенефактивным) для адресата;
- 4) обещанное действие говорящего должно иметь смысл, то есть не должно быть само собой разумеющимся. Так, например, не имеет смысла обещание спать каждый день, если оба собеседника знают, что говорящий не болен.

Вышеприведенные характеристики оказывают влияние на структуру и формы реализации данной модели речевого поведения, как это будет показано далее.

1.2. Определение иллокутивного содержания модели с помощью семантических примитивов

А. Вежбицка рассматривает в своей ранней работе о речевых актах модель речевого поведения ОБЕЩАНИЕ (PROMISE) в сравнении с моделью ГАРАНТИЯ (GUARANTEE). Она указывает как на сходства, так и на различия между этими моделями. Так же, как и Серль, Вежбицка подчеркивает, что говорящий в обоих случаях берет на себя обязательство выполнения определенного действия в будущем и в соответствии с этим формулирует иллокутивную цель ОБЕЩАНИЯ следующим образом [Wierzbicka 1972: 138]:

- (a) Полагая, что ты желаешь, чтобы я совершил(а) Z,
- (b) не желая не делать того, что ты хочешь от меня,
- (c) желая побудить тебя думать, что я обязан сделать это,
- (d) я говорю: я сделаю Z⁵.

Определение МРП ГАРАНТИЯ отличается от приведенной выше дефиниции в двух аспектах: во-первых, в случае ГАРАНТИИ не обязательно, что говорящий сам выполнит желаемое действие; во-вторых, степень обязательства значительно выше [Ibid.: 137].

В своем более позднем Словаре английских речеактных глаголов Вежбицка формулирует коммуникативную цель глагола *promise* (\approx *обещать*) значительно более подробно и использует при этом принятую в данном словаре синтаксиче-

⁵ (a) Assuming that you want me to do Z,
(b) not wanting not to do what you want me to do,
(c) wanting to cause you to be able to think that I am obliged to do it,
(d) I say: I will do Z.

скую схему, согласно которой каждый пункт дефиниции должен начинаться с сочетания «Я + финитный глагол» [Wierzbicka 1987: 205]. Важное дополнение касается условия искренности обещания, сформулированного Серлем [ср. Searle 1970: 60], а именно, того, что говорящий должен выполнить данное обещание, иначе он потеряет доверие слушающего:

«Я хочу, чтобы мы думали, что если я не сделаю этого, люди не будут верить, когда я буду говорить, что я сделаю что-то»⁶ [Wierzbicka: op. cit.].

Это дополнение учтено также в дефиниции русского речеактного глагола *обещать*, предложенной М.Я. Гловинской [1993: 177].

Существенное изменение в более поздней дефиниции Вежбицкой касается степени очевидности обязательства при обещании, которая в новом определении снижена:

«Я знаю, что ты думаешь, что я могу не делать этого»⁷ [Wierzbicka: op. cit.]

Выше названные поправки были учтены в сформулированном нами определении иллокутивной цели МРП ОБЕЩАНИЕ. Наряду с этим было принято решение отказаться от применения в составе дефиниций символов (типа А, Z и др.), поскольку они не являются семантическими примитивами, и заменить их на соответствующие элементарные лексемы (этот, некий и пр.). В «Справочнике немецких коммуникативных глаголов» правило искренности сформулировано при характеристике коммуникативного типа ОБЕЩАНИЕ как

«Г(оворящий) хочет: С(лушающий) осознает: Г(оворящий) хочет сделать П(пропозицию)»⁸ [Narras et al. 2007: 226].

Аналогичным образом в предлагаемой нами дефиниции правило искренности сформулировано как направленное на адресата желание говорящего подтвердить его намерение:

- (а) Я знаю, что ты хочешь, чтобы я сделал это
- (б) Я знаю, что ты думаешь, что я могу этого не делать
- (с) Я хочу это сделать, так как ты этого желаешь
- (d) Я говорю: я хочу сделать это
- (е) Я хочу, чтобы ты поверил, что я сделаю это.

2. СТРУКТУРА МОДЕЛИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ОБЕЩАНИЕ

Можно выделить две основные субмодели, служащие для выражения обещания как в русском, так и в немецком языке:

(а) Эксплицитно перформативная модель с соответствующим перформативным глаголом, либо же синонимичной перформативной конструкцией: *Даю обещание, что этого больше не будет, Ich verspreche den Leuten, es wird sehr schön.*

(б) ИмPLICITно перформативная модель, преимущественно в форме повествовательного предложения без перформатива: *Я буду тебя регулярно посещать в больнице, Ich helfe dir morgen bei der Vorbereitung des Referats.*

⁶ I want us to think that if I don't do it, people will not believe anything that I say I will do.

⁷ I know that you think that I may not to do it.

⁸ S will: H erkennt: S will P tun.

2.1. Эксплицитно перформативная модель

Согласно Серлю, эксплицитно перформативная модель речевых актов класса комиссивов и, таким образом, также и МРП ОБЕЩАНИЕ, обладает глубинной структурой следующего вида:

I verb (you) + I Fut Vol Verb (NP) (Adv) [Searle 1979: 22] =
Я глагол (тебе) + Я Будущее Волитивный глагол (именная фраза) (Наречие) [Серль 1986: 189].

В соответствии с формулой модель может быть поделена на две части, первая носит название протазиса или «перформативного введения», а вторая — аподозиса или «встроенного дополнения» [ср. Hindelang 2004: 23].

Протазис включает перформативный глагол (в первом лице ед. числа изъявительного наклонения, настоящего времени, активного залога) как обязательную компоненту действия, личное местоимение (в первом лице ед. числа) как компоненту говорящего, а также местоимение или существительное как компоненту адресата [ср. Pisarek op. cit.].

Аподозис заключает в себе исключительно компоненту намерения, которая раскрывает содержание обещания и, таким образом, суть предполагаемого действия. Глагол в составе встроенного дополнения носит волитивный характер, так как выражает желание или намерение говорящего:

- (5) *Но если ты вернешь мне золото, я обещаю, что я уничтожу список и забуду о нём.*
- (6) *Ich verspreche euch, dass ich es euch mitteilen werde, sobald der Termin feststeht.*

Формой выражения компоненты намерения может быть инфинитив, инфинитивная группа или придаточное предложение:

- (7) *Обещаю тебе поехать к бабушке, только не в этот лагерь!*
- (8) *Ich verspreche, künftig mit mehr Respekt zu handeln.*
- (9) *Даю слово, что я посажу тебя на самолет, летящий прямо в Америку.*
- (10) *Ich verspreche, es wird eine Überraschung geben.*

Обещание может также касаться какого-либо объекта, явления или феномена и в этом случае компонента намерения выражается с помощью именной фразы в винительном падеже (*NP* в составе формулы):

- (11) *За это я обещаю тебе помилование.*
- (12) *Ich verspreche nicht in kürzester Zeit eine blühende Landschaft.*

Аподозис может в некоторых случаях также содержать обстоятельство, указывающее на то, что анонсируемое действие будет совершено в будущем, Серль обозначает это в составе формулы как (*Adv*):

- (13) *Я не обещаю, что завтра все будут жить как в малине.*
- (14) *Ich verspreche Ihnen, dass heute Abend sicher nichts aufgekocht wird.*

В непринужденной коммуникации возможна инверсия протазиса и аподозиса:

- (15) *Мы обязательно увидимся и, может быть, даже будем жить вместе, обещаю тебе.*
- (16) *Nun wird es nicht mehr lange dauern, ich verspreche es dir!*

Стилистически маркированными являются также высказывания со свободной постановкой составных частей эксплицитно перформативной модели, они характерны для разговорной речи:

- (17) *А племянницу твою мы поддержим, обязательно поддержим, это я тебе обещаю.*
(18) *Wir werden heiraten, das verspreche ich dir.*

Обязательными в составе высказывания, выражающего обещание, являются только компоненты действия и говорящего, остальные компоненты (адресата и намерения) употребляются факультативно. В русском языке компонента говорящего часто реализуется только в форме флексии глагола, личное местоимение при этом опускается:

- (19) *Обещаю биться за каждый мяч и демонстрировать все, что умею.*

Эллиптические перформативные формулы без компонента адресата и намерения, имеющие, как правило, реактивный характер, реализуются в немецком языке в форме второго причастия, тогда как в русском языке в данном случае употребляется финитный глагол в первом лице единственного или множественного числа настоящего времени, ср.:

- (20) нем. *Versprochen* — рус. *Обещаю/Обещаем* (без компонента адресата и намерения).

В немецком при этом и компонента говорящего остается невыраженной.

Перформативная формула может быть модифицирована с помощью модальных глаголов. Их употребление смягчает в известной степени степень обязательности говорящего, и поэтому модальные глаголы предпочтительны при реализации некатегоричного обещания:

- (21) *К 15-му сентября я могу обещать Вам вполне законченную повесть.*
(22) *Ich kann versprechen, dass wir die Vorfinanzierung sicherstellen.*

Хотя речевой акт ОБЕЩАНИЯ часто приводится в качестве типичного примера перформативного высказывания [ср. Austin 1962: 32, Searle 1970: 56 ff.], перформативная модель, как показывает анализ языкового материала, не может считаться прототипичным способом реализации данной модели речевого поведения.

2.2. ИмPLICITно перформативная модель

ИмPLICITно перформативная модель, не содержащая перформативных элементов, как правило, реализуется в форме повествовательного предложения без модализации:

- (23) *Я обязательно приглашу Вас на обед.*
(24) *Wenn du nicht willst, werde ich nie mehr seinen Namen erwähnen.*

Употребление модальных глаголов в составе имPLICITного высказывания с иллюкутивной целью ОБЕЩАНИЯ может способствовать тому, что данное высказывание будет восприниматься как ПРЕДЛОЖЕНИЕ:

- (23a) *Я могу/мог бы пригласить Вас на обед.*
(24a) *Wenn du nicht willst, dann könnte ich nie mehr seinen Namen erwähnen.*

Повествовательное предложение, реализующее имплицитную модель МРП ОБЕЩАНИЯ, согласно правилу пропозиционального содержания стоит, как правило, в будущем времени. В случае модализации, однако, модальные глаголы употребляются в настоящем времени изъявительного или сослагательного наклонения (см. примеры 23а и 24а).

3. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Дискурсивно обусловленные прагматические факторы реализации МРП ОБЕЩАНИЕ зависят от общих культурных различий, правил вежливости, а также от конкретной коммуникативной ситуации.

Согласно известной классификации Р. Льюиса [Lewis 2006: xviii—xix, 27—43, см. также Льюис 2001: 24—25, 63—76] все культуры можно разделить на три типа: моноактивные, полиактивные и реактивные. Немцы, по мнению Льюиса, являются типичными представителями моноактивной культуры, в то время как русские относятся к полиактивному типу.

При характеристике типов культур описывается также и отношение их представителей к различного рода обязательствам:

«Полиактивных людей не очень заботят расписания и пунктуальность. Они делают вид, что соблюдают их, особенно если на этом настаивают моноактивные партнеры, но считают, что реальность важнее, чем распорядок, устанавливаемый человеком»⁹ [Льюис 2001: 65].

В отношении к ОБЕЩАНИЮ это означает, что представители немецкой культуры, как правило, дают обещание только в том случае, если они полностью уверены в том, что они могут его выполнить. Эту особенность немецкой нации можно проиллюстрировать словами немецкого поэта Фридриха Рюккерта:

“Gib nicht zu schnell Dein Wort, so brauchst Du's nicht zu brechen! Viel besser ist es, mehr zu halten als versprechen”¹⁰ [Rückert 1868: 97].

Представители русской культуры, напротив, склонны к тому, чтобы сначала пообещать что-либо собеседнику под влиянием ситуации, и лишь потом осознать, что они не могут сдержать обещание. Часто неискренние обещания даются потому, что говорящему трудно признать, что он не в состоянии сделать то, что от него ожидают¹¹. Эта тенденция нашла также отражение в произведениях русской художественной литературы, напр.:

— *Ох, до чего же мне надоели эти звонки с просьбой выступить где-нибудь. Никак не могу научиться отказывать. Виляю, виляю, а потом сдаюсь или переносу на другой месяц. Но в другом-то месяце выполнить обещание надо!*

⁹ “Multi-active people are not very interested in schedules or punctuality. They pretend to observe them, especially if a linear-active partner insists. They consider reality to be more important than man-made appointments” (Lewis 2006: 30).

¹⁰ Не торопись дать слово, тогда тебе не нужно будет его нарушать! Гораздо лучше сдержать себя, чем пообещать.

¹¹ К схожим выводам приходит И. Эгнер (Egner 2002: 4), сравнивая коммуникативное поведение в западноевропейских и некоторых западноафриканских странах, представители которых также относятся к мультиактивному типу. Согласно наблюдениям автора, для африканцев не представляется возможным публично признать в том, что они не в состоянии выполнить то, что от них ожидают. Это означало бы для них полную «потерю лица». Поэтому они предпочитают давать вежливые (то есть неосуществимые) обещания.

— *А вы не отказывайтесь. Говорите сразу: приду, и не приходите. Я всегда так делаю* [Розов 2000: 44].

Следует, однако, отметить, что эти наблюдения характеризуют лишь общую тенденцию в поведении представителей каждой из культур и не должны абсолютизироваться. Безусловно, среди русских есть много людей, твердо держащих свои обещания, а среди немцев встречаются необязательные партнеры.

Такие прагматические факторы, как возраст, пол, социальная дистанция, регион проживания, на реализацию МРП ОБЕЩАНИЕ существенного влияния не оказывают. Обещание может дать ребенок родителям, подчиненный начальнику, студент профессору и наоборот. При этом различий в формах реализации практически не наблюдается:

- (25) *Папа, обещаю тебе поехать к бабушке, но только не в этот лагерь!*
- (26) *И теперь, мой народ, я обещаю не только мудро, но и добро и кротко править тобою!*
- (27) *„Ich verspreche dir, nicht wieder zu schnell zu fahren“, sagte sie einem der freudestrahlenden Nachwuchspolizisten.*
- (28) *US-Schwimmstar Michael Phelps hat sich für ein Foto entschuldigt, das ihn beim Marihuana-Rauchen zeigt: „Ich verspreche meinen Fans und der Öffentlichkeit, dass das nicht wieder vorkommt“.*

Такой фактор, как степень ответственности за обещанное действие, оказывает влияние на выбор перформативного глагола и может привести к тому, что МРП ОБЕЩАНИЕ будет замещена другой моделью речевого поведения.

Если говорящий хочет явно показать то, что он берет на себя определенное обязательство, он использует перформативные глаголы. Наивысшую степень ответственности за высказанное обещание выражают глаголы *клясться* в русском и *schwören / geloben* в немецком языке:

- (29) *Клянусь, завтра же я пускаюсь в дальний путь.*
- (30) *Ich schwöre, dass ich dich nie verlassen werde.*

В примерах (29) и (30) перформативное введение с глаголами *клясться* и *schwören* находится в фокусе высказывания, говорящий хочет подчеркнуть, что он абсолютно убежден в том, что осуществит задуманное, и намеревается таким образом донести свою уверенность до собеседника.

Перформативный глагол *обещать/versprechen* в тех же высказываниях выражал бы меньшую степень ответственности, обязательности и убежденности, поэтому он был заменен на другой комиссивный глагол. Если же говорящий не хочет явно подчеркивать тот факт, что берет на себя определенные обязательства, то он избегает употребления перформативных глаголов:

- (31) *Мы напечатает Вашу статью в следующем номере нашего журнала.*
- (31a) *Мы обещаем, что напечатает Вашу статью в следующем номере нашего журнала.*

Полная эксплицитная модель употребляется в таких случаях лишь в официальной коммуникации и сигнализирует о том, что между собеседниками существует определенная социальная дистанция. Ср. также в немецком:

- (32) *Ich komme morgen um 17 Uhr ins Café.*
- (32a) *Ich verspreche dir, dass ich morgen um 17 Uhr ins Café komme.*

В этих случаях пропозициональное содержание высказывания важнее, чем перформативное введение.

4. ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ

В составе коммуникативно-прагматического поля обещания могут быть выделены следующие группы:

4.1. Сопоставление центральных форм реализации

К ядру как русского, так и немецкого поля, относятся имплицитно перформативные высказывания (так называемые семантические перформативы — см. Галлямова 2010: 27) без перформативных глаголов или конструкций. Нередко иллокутивная сила высказывания усиливается с помощью модальных частиц, наречий и вводных фраз:

- (33) *Я точно смогу к тебе вырваться сегодня вечером.*
- (34) *Мы ни на йоту не будем вмешиваться в ваши дела, не сомневайтесь.*
- (35) *Sie bekommen ganz sicher Anfang Februar Texte zu Gesicht, die jeder Gymnasiast verstehen kann.*
- (36) *Ich schicke umgehend Hilfe, sobald ich im Dorf angelangt bin.*

В случае имплицитных перформативов, как показывают примеры (33)—(36), ассертивные речевые акты выражают иллокуцию обещания. Часто такие высказывания употребляются в составе речевых секвенций как реакция на запрос:

- (37) — *С тортиком то что решила?*
— *Тортик я приготовлю.*
- (38) — *Frau Schmidt, entschuldigen Sie bitte, aber ich warte immer noch auf mein Arbeitszeugnis.*
— *Ich mache das nächste Woche fertig!*

Эксплицитные перформативы также могут быть отнесены к центральным средствам, однако они употребляются только в тех случаях, когда говорящий желает подчеркнуть свою готовность выполнить некое действие в будущем:

- (39) *Поверьте, досадная ошибка произошла совершенно случайно, и мы обещаем впредь внимательнее относиться к цифрам телефонных номеров.*
- (40) *Но чтоб тебе было спокойнее, я обещаю: сегодня или завтра я найду ее, поговорю и разберусь с этим делом.*
- (41) *Wir versprechen den Banken, unsere Schulden zu tilgen.*
- (42) *Ich verspreche dir, alles anzunehmen, was du von mir verlangst!*

Существует лишь небольшое количество интенсификаторов, употребляющихся для усиления перформативной формулы. В русском языке это наречие *точно*, в немецком — *fest*, в разговорной речи метафорически могут также употребляться наречия *железно* / *eisern*:

- (43) *Ich werde Sie, das verspreche ich **fest**, weiterempfehlen.*
- (44) *Но **точно** обещаю: мы сможем вас удивить!*
- (45) *Ich verspreche euch **eisern**, dass ich den Mörder finde.*
- (46) ***Железно** обещаю главу на следующих выходных.*

Редкое употребление лексических интенсификаторов связано с тем, что, как уже упоминалось, усиление иллокутивной силы ОБЕЩАНИЯ может происходить за счет перехода к смежной модели речевого поведения, ср.:

- (47) *Ich verspreche, dass ich nach meinem Rücktritt auch nicht wiederkommen werde.
Ich versichere, dass ich nach meinem Rücktritt auch nicht wiederkommen werde.
Ich schwöre, dass ich nach meinem Rücktritt auch nicht wiederkommen werde.*
- (48) *Обещаю тебе, что больше никогда не буду ссориться с тобой.
Завещаю тебя, что больше никогда не буду ссориться с тобой.
Клянусь тебе, что больше никогда не буду ссориться с тобой.*

Для того, чтобы подчеркнуть искренность обещания, употребляются наречия *искренне, правда / ehrlich, aufrichtig*:

- (49) *Люда, я тебе правда обещаю, что больше ни-ни, ни капли.*
- (50) *Also ich verspreche ehrlich, sollte ich jemals wieder einen Schluck trinken, gehe ich freiwillig in eine Selbsthilfegruppe.*

В обоих языках существуют именные варианты перформативной формулы с синонимическими существительными: *дать обещание / ein Versprechen geben*:

- (51) *Считаю себя виновным в нарушении дисциплины и даю обещание, что этого больше не будет.*
- (52) *Ich gebe mein Versprechen, dass ich mein Bestmögliches dazu beitrage.*

Для выражения обещания употребляется также устойчивое глагольно-именное сочетание *брать (давать) обязательство / eine Verpflichtung übernehmen*, в русском языке нередко с оттенком иронии:

- (53) *Беру обязательство посмотреть в ближайшем будущем фильмы «Великий Гэтсби» и «Волк с Уолл Стрит», а то вдруг Ди Каприо уйдет из мира...*

Имплицитно перформативные высказывания также могут иметь именной характер: *дать слово, честное слово, что... / ein Wort geben, Ehrenwort, dass...*:

- (54) *Даю слово себе и его памяти, что сделаю все, чтобы измениться.*
- (55) *Sie haben mein Ehrenwort, dass ich nur mit Ihnen zusammen sein werde.*

4.2. Сопоставление периферийных форм реализации

4.2.1. Модифицированные и стилистически маркированные синонимы перформативного глагола

Особенностью немецкого языка является то, что в современном немецком языке наряду с нейтральным перформативом *versprechen* существует его синоним *verheißten*, относящийся к возвышенному стилю и употребляющийся преимущественно в религиозном контексте (ср. Wonneberger / Hecht 1986):

- (56) *In einem Traum erschien ihr der heilige Franziskus von Assisi und sprach zu ihr: „Fasse Mut, ich verheiß dir und den Deinen den Sieg“.*

За пределами религиозных текстов глагол *verheißten* употребляется в значении «торжественно взять на себя обязательство» и придает высказыванию патетическую окраску:

- (57) *Ich verheiß dir, o Königin! Ich verheiß dir alles zu tun, was dir gefällt, und alles zu wirken, was deine Ehre verbreitet.*

В разговорной речи глагол *verheißten* может употребляться для выражения иронии:

- (58) *Ich habe euch hier noch nie gesehen, aber ich verheißte euch einen schönen Abend in meinem Etablissement.*

В русском языке отсутствует синоним высокого стиля к перформативному глаголу *обещать*, однако в русском есть синонимы сниженного стиля *обещаться* и *сулить*, употребляющиеся в разговорной речи, последний является устаревшим:

- (59) *Этот человек меня любит, я вижу его чистую душу и обещаюсь быть ему женой.*
 (60) *Можно сулить избирателям достаток и справедливость, обещать, что жизнь наладится, но кто же этого не делает сегодня?*

4.2.2. Косвенные средства выражения ОБЕЩАНИЯ

В функции ОБЕЩАНИЯ могут выступать речевые акты других моделей речевого поведения. В этих случаях первичная иллокуция выражается косвенно.

Косвенное обещание может реализоваться следующим образом:

- а) с помощью речевого акта, содержащего перформативный глагол, не относящийся к классу комиссивов;

В таких высказываниях чаще всего употребляются глаголы говорения:

- (61) *Я хочу тебе сообщить, что ты можешь рассчитывать на мою финансовую поддержку.*
 (62) *Ich sage dir doch, dass ich dir das Geld geben werde.*

В обоих примерах употребляются перформативные глаголы класса ассертивов (*сообщать, sagen*). Во втором примере пропозициональное содержание аподозиса, а также частица *doch* указывают на то, что истинная иллокутивная цель выходит за рамки простого сообщения.

- б) с помощью вопросительного предложения;

Вопросительные предложения редко употребляются для выражения обещания. Прежде всего, в этой функции могут выступать риторические вопросы, например:

- (63) — *Ich würde mich so freuen, wenn du mitfahren würdest!*
 — *Kann ich da etwa nein sagen?*
 (64) — *Посиди здесь. Только, ради бога, ничего не трогай!*
 — *Да что я — враг самому себе?*

5. РЕАКЦИИ НА ОБЕЩАНИЕ

Наиболее частой реакцией на обещание является выражение благодарности, так как согласно условиям успешности речевых актов обещанное должно быть выгодно для говорящего. В случае обещания-реакции, инициированной просьбой или намеком, выражение благодарности является единственно возможной реакцией. При этом употребляются такие выражения как *спасибо, благодарю, никогда не забуду, весьма обязан* и др. / *danke, ich weiß das zu schätzen, das ist sehr nett von dir* и др.:

- (65) — *Ich verspreche, dass ich dieses Feuer in dir immer unterstützen werde.*
 — *Danke. Ich weiß das zu schätzen.*

- (66) — *Прошу Вас, заклинаю, не говорить ему ни слова.*
— *Хорошо, я ничего не скажу.*
— *Благодарю, благодарю Вас!*

В том случае, если обещание инициировано требованием или приказом, реакция на него, как правило, отсутствует совсем. Негативная реакция встречается крайне редко: она может возникать при недоразумениях, либо же в тех случаях, когда адресат передумал.

6. ВЫВОДЫ

Анализ модели речевого поведения ОБЕЩАНИЕ с помощью предложенной методологии выявил следующие особенности ее реализации в русском и немецком языках.

1. Состав ядра коммуникативно-прагматического поля ОБЕЩАНИЯ в немецком и русском языках схож; к центру поля в обоих языках относятся преимущественно имплицитно перформативные высказывания.

2. Периферия поля отличается в области стилистически маркированных синонимов перформативного глагола. Если в немецком языке существует синоним *verheißten*, относящийся к возвышенному стилю и употребляющийся преимущественно в религиозном контексте, то в русском, при отсутствии синонимов высокого стиля, наличествуют просторечно-разговорные синонимы *обещаться* и *сулить*.

3. В обоих языках периферийные формы реализации ОБЕЩАНИЯ охватывают повествовательные высказывания, включающие перформативные глаголы класса ассертивов, а также риторические вопросы.

4. Эллиптические перформативные формулы МРП ОБЕЩАНИЯ реализуются в немецком языке в форме второго причастия, тогда как в русском языке в данном случае употребляется финитный глагол в первом лице единственного или множественного числа настоящего времени.

5. В ходе анализа были выявлены коммуникативно-прагматические различия, обусловленные разными типами культур. Представители русской культуры склонны давать обещания в таких коммуникативных ситуациях, в которых носитель немецкого языка скорее воздержится от осуществления этого речевого акта. Это связано с тем, что немцы, представляющие моноактивный культурный тип, как правило, перед тем как дать обещание, должны полностью увериться в том, что оно выполнимо. Для русских же, как представителей полиактивной культуры, более важно, дав обещание, «сохранить лицо», не показать, что они не в состоянии сделать то, что от них ожидают.

© Е.Г. Которова, 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Антонова А.В. *Интенция обещания и средства ее выражения в английском языке*: Автореф. дисс. канд. филол. наук. Самара: Самарский гос. пед. университет, 2004. [Antonova, A.V. (2004) *Intentsiya obeshchaniya i sredstva ee vyrazheniya v angliiskom yazyke*. (Intention of Communication and its means of expression in English): Avtoref. diss. kand. filol. nauk. Samara: Samarskii gos. ped. Universitet. (In Russ).]

- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. *Собрание сочинений*. М.: Русские словари, 1996. Том 5: Работы 1940—1960 гг. С. 159—206. [Bakhtin, M. M. (1996) Problema rechevykh zhanrov. (Problems of Speech Acts) / Bakhtin, M.M. *Sobranie sochinenii*. Moscow: Russkie slovari. Raboty 1940—1960. Vol 5, 159—206. (In Russ).]
- Галлямова Н.Ш. Речевой акт «обещание, клятва» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический, функционально-прагматический аспекты // *Язык и культура*. 2010. № 3. С. 16—31. [Gallyamova, N. Sh. (2010) Rechevoi akt “obeshchanie”, “klyatva” v russkoi yazykovoi kartine mira: lingvokul'turologicheskii, funktsional'no-pragmaticheskii aspekty. (Speech Act “Promise”, “Oath” in Russian Linguistic Worldview: Intercultural and Pragmatic Aspects). *Yazyk i kul'tura*, 2, 16—31. (In Russ).]
- Гашева О.В. *Речевой акт обещания в современном французском и английском языках: семантико-прагматический и грамматический аспекты*: Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург: Уральский гос. пед. университет, 2007. [Gasheva, O. V. (2007) Rechevoi akt obeshchaniya v sovremennom frantsuzskom i angliiskom yazykakh: semantiko-pragmaticheskii i grammaticheskii aspekty. (*Speech Act of Communication in French and English: Semantic and Pragmatic Aspects*): Avtoref. dis. kand. filol. nauk. Ekaterinburg: Ural'skii gos. ped. universitet. (In Russ).]
- Гладров В., Которова Е.Г. Контрастивное изучение моделей речевого поведения // *Жанры речи*. 2015. № 2. С. 15—19. [Gladrov, V., Kotorova E.G. (2015) Kontrastivnoe izuchenie modelei rechevogo povedeniya. (Contrastive Study of Speech Behaviour Models). *Speech Genres*, 2, 15—19. (In Russ).]
- Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Под ред. Е.А. Земской, Д.Н. Шмелёва. *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. М.: Наука, 1993. С. 158—218. [Glovinskaya, M. Ya. (1993) Semantika glagolov rechi s tochki zreniya teorii rechevykh aktov. In E.A. Zemskoi, D.N. Shmeleva (eds.) *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt*. (Russian Language in its functioning. Communicative-pragmatic Aspect). Moscow: Nauka, 158—218. (In Russ).]
- Дементьев В.В. *Теория речевых жанров*. М.: Знак, 2010. [Dement'ev, V. V. (2010) *Teoriya rechevykh zhanrov*. (Theory of Speech Acts). Moscow: Znak. (In Russ).]
- Дементьев В.В. Некоторые методологические принципы изучения речезанровых заимствований // *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. Том 20, № 1. С. 7—24. [Dement'ev, V.V. (2016) Nekotorye metodologicheskie printsipy izucheniya Rechezhanrovyykh zaimstvovaniy. (Some methodological principles of Speech Acts Borrowings. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (1), 7—24. (In Russ).]
- Дубровская Т.В. *Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах*. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. [Dubrovskaya, T. V. (2014) *Rechevye zhanry “osuzhdenie” i “obvinenie” v russkoi i angliiskoi lingvokul'turakh*. (Speech Acts “Condemnation” and “Accusation” in Russian and English Linguo Cultures). Penza: Izd-vo PGU. (In Russ).]
- Кожина М.Н. Речевой жанр и речевой акт: некоторые аспекты проблемы. *Жанры речи* / под ред. В.Е. Гольдина и др. Вып. 2. Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1999. С. 52—61. [Kozhina, M. N. (1999) Rechevoi zhanr i rechevoi akt: nekotorye aspekty problemy. *Zhanry rechi* (Speech Acts). In V.E. Gol'dina and al. (eds.). Vyp. 2. Saratov: Izd-vo Gosudarstvennogo uchebno-nauchnogo tsentra “Kolledzh”. 52—61 (In Russ).]
- Комлева Е.В. Соотношение понятий «речевой жанр» и «речевой акт» (на материале немецких апеллятивных текстов) // *Теория и практика общественного развития*. 2011. № 5. С. 296—300. [Komleva, E.V. (2011) Sootnoshenie ponyatii «rechevoi zhanr» i «rechevoi akt» (na materiale nemetskikh apellyativnykh tekstov). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 5, 296—300. (In Russ).]

- Которова Е.Г. Коммуникативно-прагматическое поле как метод комплексного описания способов реализации речевых актов // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2013. Вып. 1 (1). С. 58—67. [Kotorova, E. G. (2013) Kommunikativno-pragmatischeskoe pole kak metod kompleksnogo opisaniya sposobov realizatsii rechevykh aktov. (Communicative-pragmatic Field as a Complex Method of Description of Speech Acts Realization). *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 1 (1). 58—67. (In Russ).]
- Ларина Т.В., Щелчкова Е.Б. Речевой акт приглашение и проблемы понимания: межкультурный аспект // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. Новосибирск. 2013. Том 11. С. 73—79. [Larina, T.V., Shchelchikova, E.B. (2013). Rechevoi akt priglashenie i problemy ponimaniya: mezhkul'turnyi aspekt. (Speech Act “Invitation” and Problem of Understanding: intercultural aspect). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. Novosibirsk, Vol. 11. 73—79. (In Russ).]
- Льюис Р.Д. *Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию*. 2-е изд. М.: Дело, 2001. [L'yuis, R. D. (2001) *Delovye kul'tury v mezhdunarodnom biznese. Ot stolknoeniya k vzaimoponimaniyu*. (International Business Cultures. From Confrontation to Mutual Understanding). Moscow: Delo. (In Russ).]
- Розов В.С. Режиссер, которого я люблю. // *Театр Анатолия Эфроса: Воспоминания, статьи*. Сост. М.Г. Зайонц. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2000. [Rozov, V.S. (2000). *Rezhisser, kotorigo ya lyublyu* // *Teatr Anatoliya Efrosa: Vospominaniya, stat'i*. (Theatre of Anatolii Efros. Memories and Articles). Sost. M. G. Zaionts. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr. (In Russ).]
- Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 170—222. [Serl', Dzh. R. (1986) *Klassifikatsiya illokutivnykh aktov* (Classification in Illocutionary Acts). *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, Вып. XVII. Moscow: Progress. 170—222. (In Russ).]
- Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // *Зарубежная лингвистика*. Вып. 2. М.: Прогресс, 1999. С. 210—228. [Serl', Dzh. R. *Chto takoe rechevoi akt?* (What is Speech Act?). *Zarubezhnaya lingvistika*, Вып. 2. Moscow: Progress. 210—228. (In Russ).]
- Фенина В.В. *Речевые жанры small talk и светская беседа в англо-американской и русской культурах*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов: Саратовская гос. академия права, 2005. [Fenina, V. V. (2005) *Rechevye zhanry small talk i svetskaya beseda v anglo-amerikanskoi i russkoi kul'turakh*. (Speech Act “small talk” in Anglo-American and Russian Cultures): Avtoref. dis. kand. filol. nauk. Saratov: Saratovskaya gos. akademiya prava. (In Russ).]
- Филимонова Е.В. *Прототипическая картина класса комиссивов (на материале английского и русского языков)*: Дисс. канд. филол. наук. Уфа: Башкирский гос. университет, 2003. [Filimonova, E.V. (2003) *Prototipicheskaya kartina klassa komissivov* (na materiale angliiskogo i russkogo yazykov). (Prototype view of commissive in English and Russian): Diss. kand. filol. nauk. Ufa: Bashkirskii gos. Universitet. (In Russ).]
- Шеловских Т.И. *Речевой акт совета: функционально-прагматический анализ (на материале французского и русского языков)*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: Воронежский гос. университет, 1995. [Shelovskikh, T. I. (1995) *Rechevoi akt soveta: funktsional'no-pragmatischeskii analiz* (na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov). (Speech Act “Advice” in English and French: functional-pragmatic analysis): Avtoref. dis. kand. filol. nauk. Voronezh: Voronezhskii gos. universitet. (In Russ).]
- Austin, J. L. (1962) *How to do things with words*. Oxford: Clarendon Press.
- Carbaugh, D. (2005) *Cultures in conversation*. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates.
- Egner, I. (2002) The speech act of promising in an intercultural perspective. *SIL electronic working papers*. Available at: Online: <http://www-01.sil.org/silewp/2002/001/SILEWP2002-001.pdf>.

- Eslamirasekh, Z. (1993) A cross-cultural comparison of the requestive speech act realization patterns in Persian and American English. *Pragmatic and language learning*, Vol. 4. pp. 85—103.
- Félix-Brasdefer, J. C. (2009) Pragmatic variation across Spanish (es): Requesting in Mexican, Costa Rican and Dominican Spanish. *Intercultural Pragmatics*, 6 (4). 473—515.
- Harras, G. (1983) *Handlungssprache und Sprechhandlung*. Berlin: Walter de Gruyter.
- Harras, G., Proost, K., Winkler, E. (2007) *Handbuch deutscher Kommunikationsverben*. Berlin et al.: Walter de Gruyter.
- Hindelang, G. (2004) *Einführung in die Sprechakttheorie*. Tübingen: Niemeyer.
- Katz, J. J. (1997) *Propositional structure and illocutionary force*. New York: Thomas Y. Crowell.
- Kotorova, E. G. (2014) Describing cross-cultural speech behavior: a communicative-pragmatic field approach. *Procedia. Social and behavioural sciences*, 4 (154). pp. 184—192.
- Lewis, R. D. (2006) *When cultures collide: Leading across cultures*. 3rd ed. Boston: Nicholas Brealey Publishing.
- Murphy, B., Neu, J. (1996) My grade's too low: The speech act set of complaining. *Speech acts across cultures: Challenges to communication in second language*. In S. M. Gass, J. Neu (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter. 191—216.
- Olshain, E., Cohen, A. D. (1983) Apology: A speech act set. *Sociolinguistics and language acquisition*. In N. Wolfson, E. Judd (eds.). Rowley, MA: Newbury House. 18—35.
- Pisarek, L. *Речевые действия и их реализация в русском языке в сопоставлении с польским (экспрессивы)*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1995.
- Rolf, E. (1987) Verballhornungen der Handlungsanalyse. Bemerkungen zur Diskussion um den Handlungsbegriff in der ZGL 12 und 13. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 15 (1). 83—92.
- Rose, K. R. (1992) Method and scope in cross-cultural speech act research: A contrastive study of requests in Japanese and English. PhD Dissertation. University of Illinois at Urbana-Champaign. Available at: <http://www.ideals.illinois.edu/handle/2142/21525>.
- Rückert, F. (1986) *Die Weisheit des Brahmanen*. 6-te Auflage. Leipzig: Verlag von S. Hirzel.
- Searle, J. R. (1979) *Expression and meaning*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Searle, J. R. (1979) *Speech acts. An essay in the philosophy of language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sbisà, M., Turner, K. Introduction. *Pragmatics of speech actions*. In Sbisà M., Turner K. (eds.). Berlin et al.: Walter de Gruyter, 2013. 1—21.
- Wierzbicka, A. (1972) *Semantic primitives*. Frankfurt am Main: Athenäum Verlag.
- Wierzbicka, A. (1987) *English speech act verbs: A semantic dictionary*. Sydney et al.: Academic Press.
- Wierzbicka, A., Goddard, C. (2014) *Words and meanings: Lexical semantics across domains, languages and cultures*. Oxford: Oxford University Press.
- Wonneberger, R., Hecht, H. P. (1986) *Verheißung und Versprechen. Eine theologische und sprachanalytische Klärung*. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1986.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Национальный корпус русского языка — <http://www.ruscorpora.ru>
IDS-Korpora — <https://cosmas2.ids-mannheim.de/cosmas2-web/>
LIMAS-Korpus — <http://www.korpora.org/Limas/>

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 08 октября 2016

Дата принятия к печати: 20 ноября 2016

Для цитирования:

Которова Е.Г. «Обещание» как модель речевого поведения: методика контрастивного анализа (на материале русского и немецкого языков) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 2. С. 405—423.

Сведения об авторе:

Елизавета Георгиевна Которова, доктор филологических наук, профессор, Зеленогурский университет (Польша), Институт германской филологии, заведующая кафедрой лексикологии и прагмалингвистики / Национальный исследовательский Томский политехнический университет, профессор кафедры иностранных языков Энергетического института. *Сфера научных интересов*: прагмалингвистика, лексическая семантика, контрастивная лингвистика, проблема межъязыковой эквивалентности, языки аборигенов Сибири (кетский язык). *Контактная информация*: e-mail: e.kotorova@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-405-423

**«PROMISE» AS SPEECH BEHAVIOR PATTERN:
METHOD OF CONTRASTIVE ANALYSIS
(Based on Russian and German)**

Elizaveta G. Kotorova

Zielona Góra University
al. Wojska Polskiego 71A, 65-762, 65783 Zielona Góra, Poland
Tomsk Polytechnic University
634050, Томск, Россия, проспект Ленина, дом 30

Abstract. The present paper aims to provide a new methodology for contrastive analysis of basic units of intra- and intercultural communication and exemplify it using the analysis of the speech behavior pattern of PROMISE. In contrast to the other existing terms used for a basic unit of communication behavior, such as *speech act* (J. Austin and J. Searle), *speech genre* (M. Bakhtin), the author suggests employing a new one, namely, *speech behaviour pattern* (SBP). The illocutionary content and general organization of SBP can be considered universal, while its realization in a language is culturally conditioned and therefore may vary significantly in different language communities. When analyzing SBP, one needs to single out and describe the following components: 1) the communicative aim of SBP or its illocution in terms of Natural Semantic Language, 2) the structure of SBP including lexical and grammatical characteristics of the major components of utterances that realize the given pattern, 3) situational-pragmatic factors that influence the realization of SBP, 4) the communicative-pragmatic field reflecting the hierarchical organization of SBP, consisting of the prototypical core and gradually formed periphery, and 5) the perlocutionary effect of SBP, i.e. description of possible reactions to utterances realizing the given pattern. Using the proposed methodology, the author provides a contrastive analysis of the SBP of PROMISE in German and Russian. The study is based on the existing corpora of the two languages.

Keywords: *speech behavior, promise, intercultural communication, contrastive linguistics, Russian, German*

Article history:

Received: 08 October 2016

Revised: 15 November 2016

Accepted: 20 November 2016

For citation:

Kotorova, E. (2017). “Promise” as Speech Behavior Pattern: Method of Contrastive Analysis (Based on Russian and German Languages). *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2), 405—423.

Bio Note:

Elizaveta G. Kotorova, Dr., Professor at University of Zielona Góra (Poland), Institute for German Studies, Head of the Department for Lexicology and Pragmalinguistics / Professor of Department of Foreign Languages at National Research Tomsk Polytechnic University. *Research interests*: Pragmalinguistics, Lexical Semantics, Contrastive Linguistics, Interlingual Equivalency, Ket Language. *Contact information*: e-mail: e.kotorova@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-424-437

ЛОГОЭПИСТЕМЫ В КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТАХ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

Н.В. Гладкая

Донецкий национальный университет
83001 Донецк, Украина, ул. Университетская, 24

В статье рассматриваются наиболее распространенные механизмы создания креолизованного текста в сфере интернет-коммуникации, анализируются его функции, воздействие на адресата и влияние логоэпистемных единиц прецедентных феноменов на представителей той или иной лингвокультуры. Актуальность темы обусловлена необходимостью создания системы базовых моделей формирования креолизованных текстов для более полного изучения типов связей (автосемантических и синсемантических) между вербальными и невербальными компонентами, что позволит глубже проникнуть в природу комического эффекта и определить степень его влияния на реципиентов. Особое внимание было уделено роли и значению визуальной информации в интернет-коммуникации. Важное место в нашем исследовании уделено явлению пресуппозиции, которая рассматривается многими учеными. В работе мы опирались на теории Н.Д. Арутюновой (1973) и В.З. Демьянкова (2005). Пресуппозиция предшествует высказыванию, она предполагает наличие у слушающих фоновых знаний и включает ситуативный контекст. Жанр демотиватора позволяет обыгрывать пресуппозиции, так как прецедентные элементы, включенные в его состав, отражают специфику современной социокультурной ситуации. Сам жанр демотиватора можно считать прецедентным феноменом, то есть регулярно воспроизводимым и хорошо известным всем представителям определенного социально-культурного пространства. Для достижения наибольшего успеха демотиватор должен содержать диссонанс между надписью, бросающейся в глаза, и изображением. В статье предпринята попытка классифицировать логоэпистемы, которые, являясь сжатым текстом, содержат в себе национально-культурные особенности, и показать, что их употребление с прецедентным текстом вызывает у реципиента определенный ассоциативный ряд. В исследовании были использованы методы контекстуального анализа, сопоставительный и статистический методы, метод дискурса-анализа.

Ключевые слова: импликатура, логоэпистема, интернет-коммуникация, пресуппозиция, фрейм-сценарий, прагматический потенциал

1. ВВЕДЕНИЕ

Принято считать, что человек — существо социальное. Поэтому общение (коммуникация) составляет неотъемлемую часть нашей жизни, отличающую нас от представителей животного мира. Зачастую самоцелью разговора является простое удовлетворение своих коммуникативных потребностей. Однако по своей природе коммуникация довольно сложный процесс со своей четко очерченной спецификой: наличие общего информационного поля, средств кодификации, понятных для обеих сторон общения, активность участников коммуникации и т.д. Кроме того, для обмена информацией и воздействия на реципиента коммуникатор (человек, направляющий информацию) должен четко продумать мысль, которую хочет выразить и передать, чтобы она впоследствии была корректно интерпретирована и вызвала должную реакцию.

В последнее десятилетие лингвистический интерес к невербальным средствам коммуникации значительно возрос. Этому способствовало интернет-пространство, которое в современном обществе играет значимую роль. Являясь уникальной виртуальной средой, Интернет предоставляет неограниченные возможности своим пользователям.

Интернетом пользуются более 35% жителей всей Земли, таким образом, мы все находимся в общем медиапространстве. Это пространство тесно объединено с нашей личной и социальной жизнью. В этом смысле возникает проблема языковых барьеров и преодоления лингвокультурных особенностей между представителями разных стран. На данный момент визуализированная информация является одной из самых успешных попыток преодоления языковых барьеров. При помощи невербальной информации легче воздействовать на реципиентов, а также она с легкостью поддается кодированию и декодированию. Таким образом, интернет-общение привело к нейтрализации оппозиции устной и письменной речи и созданию особого типа речи — речи интернет-дискурса (Рогачева 2009).

Важным шагом является разграничение понятий «дискурс» и «коммуникация». Следует отметить, что проблемой изучения дискурса занимались как зарубежные, так и отечественные ученые (Э. Бенвенист, З. Харрис и М. Фуко, Е.Н. Галичкина, Д.В. Галкина, Л.Ю. Иванова, В.Ю. Нестерова). Однако определения данного явления и подходы к его изучению кардинально отличаются, это связано с полисемичностью термина.

К примеру, первоначальное определение *дискурса*, выдвинутое Бенвенистом, определяется как «речь в аспекте ее производства». Понятие «виртуального дискурса» охватывает более широкие сферы: это и область его появления, распространения, развития, а также графические, орфографические, стилистические и пунктуационные особенности. Не вызывает сомнений, что интернет-дискурс — особый тип общения, реализуемый в глобальной сети, это дает возможность с одной стороны рассматривать данный термин как разновидность коммуникации, а с другой — как ситуацию коммуникации (Van Dijk 2009, Weiss & Wodak 2003).

Нет сомнений, что наиболее специфичной, яркой и выигрышной чертой компьютерной сетевой коммуникации является возможность установления обратной связи отправителя текста с его получателем, т.е. *интерактивность* (англ. *interaction* — «взаимодействие»). Этот термин отсылает нас к сфере профессионального программирования, где он подразумевает под собой реакцию виртуального объекта (интерфейса) на те или иные действия пользователя. При этом с одной стороны интерактивность рассматривается как взаимодействия субъекта (человека) с неодушевленным объектом, содержащим информационный ресурс: веб-страницей, электронной почтой, блогом и т.д., а с другой — возможность установления и поддержания речевого контакта между разными субъектами. Таким образом, формируется интернет-коммуникация (интерактивный полилог).

В современной сети Интернет широкой популярностью пользуются именно визуальные формы общения, так как научно доказано, что большую часть информации о мире человек воспринимает именно благодаря зрению, т.е. визуально. Одной из подобного рода визуальных форм общения являются так называемые

креолизованные тексты (мемы, демотиваторы, интернет-комиксы, эдвайсы и проч.), т.е. тексты состоящие из двух частей: вербальной (языковой) и невербальной. Появление подобного рода текстов в интернет-дискурсе обуславливается общими тенденциями интернет-коммуникации: сжатость текста (для экономии времени), наличие feedback (обратной связи, т. е. возможности дальнейшего распространения понравившегося текста, цитаты), оценочность (возможность выразить свое отношение к тексту в категориях нравится / не нравится / репост), объединение текста и изображения.

Причиной популярности является их развлекательно-юмористический характер. В процессе коммуникации человек опирается на опыт и знания о мире, соотносит производимую речь с действительностью. Для восприятия креолизованных недостаточно одного чувства юмора, адресат должен уметь извлекать из комического текста имплицитный смысл того или иного высказывания. Процесс восприятия креолизованного текста можно представить в виде двойного декодирования: когда мы извлекаем скрытую (имплицитную) информацию изображения и накладываем ее на вербальный концепт текста, все это приводит к созданию единого смысла креолизованного текста. Глобализация сети Интернет обеспечивает постоянное расширение круга коммуникантов, тем и гипертекстуальности.

2. ЛОГОЭПИСТЕМЫ В КРЕОЛИЗОВАННОМ ТЕКСТЕ ДЕМОТИВАТОРА

Жанр демотиватора соединил в себе как традиционные, так и новые культурные свойства. Исследователи отмечают, что языковая личность в интернет-пространстве чрезвычайно креативна в выборе и использовании речевых средств общения. Такая нестандартность, как правило, проявляется в стремлении достичь комического эффекта. Игра является одной из основных форм коммуникации в сети Интернет, причем она формирует особое виртуальное пространство со своими характерными качествами: обособленностью от времени и пространства, эмоциональность (как правило, позитивная), свобода самовыражения и т.д. Игровой компонент служит реализации творческих целей, которые предполагают эксперименты над языком, выводят его за рамки общепринятых норм и канонов. Как правило, для создания комического эффекта используется смысловая неоднозначность. Ежедневно мы имеем дело с тысячами фрагментов различной информации, но только некоторую часть мы помним, а еще меньшим количеством этой информации мы можем поделиться с кем-то еще. Это потому, что способность запоминания ограничена, т. е. время, в течение которого мы можем говорить с другими людьми или написать текст, ограничено, и в то же время внимание, которое мы можем получить от других собеседников, также ограничено.

Таким образом, демотиваторы передают только самое интересное, наиболее запоминающееся, самое полезное, отражают культурные стереотипы и явления современной действительности, которые актуальны и интересны для интернет-пользователей. Демотиваторы можно отнести к прецедентным феноменам, обладающим культурной коннотацией и содержащих в себе информацию о том тексте,

информационном ресурсе, культурном феномене или историческом событии, который послужил источником для его появления.

Таким образом, демотиватор несет в себе определенный скрытый, имплицитный смысл, который адресат может понять не сразу, а в результате некой мыслительной операции, кроме того, интерпретация полученной информации может быть разной. Имплицитная информация не имеет своего собственного, прямого вербального выражения, ее содержание не получает непосредственного словесного воплощения, но оно становится известным, доступным для адресата сообщения благодаря речемыслительной операции импликации (вывода), извлечения невысказанного из высказанного, то есть из компонентов семантики, представленных в значении материально-языковой формы единиц речи или их элементов. Этот вывод может зависеть от многих факторов: воспитания реципиента, его культурного уровня, фоновых знаний, общей экстралингвистической информации и др. Поэтому для максимально полного понимания демотиватора крайне важна пресуппозиция: адресат формирует определенный смысл на основе личного опыта и фоновых знаний, только в этом случае коммуникативный эффект будет достигнут.

В нашем исследовании представляется уместным понимать явление пресуппозиции в качестве компонента смысла текста, являющегося предварительным знанием необходимым для адекватного восприятия текста. Иными словами, пресуппозиция когнитивно предшествует высказыванию и предполагает у слушающих наличие фоновых знаний. Понятие пресуппозиции включает в себя как контекст, так и ситуацию, в которой сделано некоторое высказывание. Жанр демотиватора позволяет обыгрывать пресуппозиции, так как прецедентные элементы, включенные в его состав, отражают специфику современной культурной ситуации. Как отмечалось ранее, жанр демотивационного постера можно считать прецедентным феноменом, то есть регулярно воспроизводимым и хорошо известным всем представителям социально-культурного пространства (прецедентным может выступать известная фраза, герой сериала или кино, медийные персонажи и т.д.). Именно прецедентность является одним из основных факторов межкультурного общения, а социальные сети обеспечивают необходимую для этого коммуникацию. Благодаря культурной коннотации, которая присуща креолизованным текстам, коммуникант может распознать прецедентный феномен.

Трансформированные прецедентные высказывания (логоэпистемы) создают эффект языковой игры, каламбура, когда его вербальная и визуальная составляющая обыгрывают разные значения одного и того же слова (Бабина 2013). К числу прецедентных высказываний можно отнести различные цитаты, афоризмы, пословицы, трансформированные крылатые выражения, поговорки.

Вслед за И.В. Захаренко мы отметим, что структура прецедентного высказывания имеет три уровня: 1) *поверхностное значение* — складывается из суммы значений составных элементов высказывания; 2) *глубинное значение* — представляет собой нечто большее, что образует «лексико-семантическую структуру высказывания»; 3) *системный смысл* — сочетание «глубинного смысла», знаний и пред-

ставлений о прецедентном тексте или ситуации, которые лежат в основе данного высказывания (Захаренко 1997). То есть благодаря прецедентным высказываниям мы можем получить в сжатом виде ту или иную информацию о культурологических особенностях определенного народа, о тексте-источнике или каком-либо событии.

Как отмечалось выше, жанр демотиватора представляется наиболее актуальным для отображения реалий современной жизни, так как в нем соединены вербальная составляющая, которая предполагает сконцентрированную в нескольких фразах мысль, идею и иконический компонент. При этом для достижения наибольшего успеха демотиватор должен содержать диссонанс между надписью, бросающейся в глаза, и изображением.

Демотиватор обладает культурной коннотацией, благодаря которой адресат может идентифицировать прецедентный феномен. В теории П. Грайса информация, передаваемая в речевом акте, делится на две части: «что сказано» («what is said») и «что имелось в виду» («what is meant»), в какой оппозиции и находится импликатура (Грайс 1985). Импликатурами являются значения, выходящие за пределы того, что сказано. В комическом тексте импликутуры создают «эффект обманутого ожидания». При этом под ними понимаются не все возможные выводы того или иного высказывания, а только те минимальные, которые помогают реализовать корректное понимание сообщения.

Логоэпистемические единицы чаще всего используют в креолизованных текстах, так как они служат маркерами определяющими ход мыслей реципиента, стимулируют формирование ассоциативных связей, а также являются смыслодержательной частью коммуникации. Логоэпистемы функционируют как сжатый, сконцентрированный текст, поэтому новое его содержание выражается через призму национально-культурных представлений о жизни, а это способствует развитию эмоциональности их смыслового содержания. Таким образом, за ними всегда стоит какой-либо текст, высказывание, прецедентная ситуация.

В нашем исследовании мы рассмотрим прецедентные феномены, которые являются показателем *когнитивно-тезаурусного уровня*. Когнитивно-тезаурусные импликутуры проявляются в случае, когда взаимодействие семантики известной части сообщения с когнитивными знаниями реципиента (знаниями тематики сообщения и фоновыми знаниями о мире) порождают понимание, основанное на смысловом заключении. Такая особенность характерна и для логоэпистемных единиц.

Комический эффект во многих демотиваторах можно интерпретировать исходя из фреймов-сценариев. Самый распространенный прием комического — резкая смена фреймов.

В случае прецедентности фрейма-образа активизируется, как правило, не вся базовая часть фрейма, а только его элементы. Поэтому условно мы можем выделить несколько типов отношений, которые возникают между логоэпистемой и прецедентным текстом, а также их связь с иконическим компонентом демотиватора.

Вслед за Е.Н. Канаевой мы выделяем логоэпистемные единицы по признаку автономности/связности с текстом-источником (Канаева 2010). Таким образом,

к структурно связанным с текстом-источником относятся известные цитаты, строчки из песен, названия произведений и т.д. Например, в демотиваторе *Перемен требуют наши сердца* (рис. 1) иконический компонент отсылает нас к одному из значений слова *перемена* — ‘перерыв между занятиями в учебном заведении’, а вербальный компонент подразумевает прямое значение данного слова — ‘наступившее в ком- чем-н. изменение, поворот к чему-н. новому, появление чего-н. нового’ (Бабина 2013).

Рис. 1

В то же время данный пример содержит в себе четкую концептуально-прагматическую составляющую, т.е. он может быть понят только теми адресатами, которые знакомы с русской культурой, в частности русским роком и личностью Виктора Цоя, так как вербальный компонент содержит цитату из одноименной песни музыканта. Следовательно, простого наличия изображения и текста в демотиваторе для его правильного понимания недостаточно: нужна культурологическая основа.

Изображение как важнейший компонент креолизованного текста несет значительную функциональную нагрузку. «Оно является сильным зрительным возбудителем, притягивает к себе внимание адресата, вызывает готовность вступить в коммуникативный контакт» (Данилова 2013).

Следующая разновидность — логозипистемные единицы, связанные с ситуацией-источником, указывают на определенную прецедентную ситуацию. В демотиваторе *И тебя, Брут* (рис. 2) трансформированный вербальный компонент отсылает нас к историческому факту, иконическая часть заставляет нас расширить ассоциативный ряд, тем самым реализовывая «эффект обманутого ожидания» и вызывая комическую реакцию.

«Эффективность коммуникации в этом случае прямо зависит от умения интернет-пользователя осуществить экспликацию скрытых культурных коннотаций мема, восстановить те ассоциативные связи, которыми обеспечен комический эффект» (Бугаева 2011).

Рис. 2

К последней «автосемантической» (Канаева 2007) группе можно отнести различные пословицы, поговорки и т.д., которые утратили связь с первоисточником и приобрели новое значение благодаря смысловой и вербальной трансформации. В демотивационных постерах формируются контексты, в которых происходит пересечение семантических полей, и, как следствие, совмещение значений разных языковых единиц, имеющих тождественный план выражения. Это является основой для языковой игры, которая формируется на стыке вербальной и иконической части. На рисунке 3 надпись гласит, что *Бесплатный сыр бывает только для второй мышки*.

Происходит взаимодействие семантики известной части сообщения с когнитивными знаниями реципиента (знаниями тематики сообщения и фоновыми знаниями о мире) порождают понимание, основанное на смысловом заключении.

Отличие демотиватора *И тебя, Брут* (рис. 2) от демотиватора *Бесплатный сыр* (рис. 3) заключается и в оппозиции реального и ирреального изображения иконического компонента, подкрепляющего вербальную часть. То есть, несмотря на ассоциативную связь с реальным историческим фактом (рис. 2), демотиватор может быть корректно интерпретирован только при взаимодействии вербальной и иконической части. В демотиваторе *Бесплатный сыр* (рис. 3) вербальная философская составляющая, выводимая в процессе импликации, может быть корректно интерпретирована и вне соотносительности с изображением.

Иконический компонент изображения (рис. 3) отсылает нас к прямому назначению мышеловки — ловля грызунов. Однако вербальный компонент заставляет нас обратиться к когнитивным знаниям, в частности сначала узнать логоэпистему, затем воспроизвести в памяти первоначальный текст текста, сопоставить исходное значение с производным, а затем только осмыслить трансформированный вербальный компонент и его философское смыслоддержание. Таким образом, мы получаем «эффект обманутого ожидания», а смысловое заключение является результатом взаимодействия семантики сообщения со знаниями слушающего о мире.

Рис. 3

Рис. 4

Кроме того, важно отметить, что трансформированную логоэпистемную единицу *Бесплатный сыр бывает только для второй мышки* мы можем воспринять без соотнесения с визуальной составляющей, т.е. вербальный компонент является автономным, а следовательно, изображение только усиливает глубинное философское содержание, не вызывая диссонанса между вербальной и визуальной частью демотиватора.

В демотиваторе *Курс молодого отца* (рис. 4) вербальный компонент заставляет нас обратиться к когнитивным знаниям, в частности сначала узнать логоэпистему, затем воспроизвести в памяти первоначальный текст (*Курс молодого бойца*), сопоставить исходное значение (*Курс молодого бойца — начальный период прохождения службы в учебных заведениях Минобороны России, МЧС России, МВД России, ФСИН России и др.*) с производным (*Курс молодого отца — трудности, с которыми столкнется молодой отец в воспитании ребенка, в частности разбросанные игрушки Lego*), а затем только осмыслить трансформированный вербальный компонент и его философское смысло содержание. Иконический компонент служит иллюстрацией трансформированной логоэпистемы, при этом в отличие от демотиватора *Бесплатный сыр бывает только для второй мышки* (рис. 3) вербальный компонент на рис. 4 обладает широкими полисемичными связями, поэтому восприятие и должный комический эффект достигается только в единстве с иконическим компонентом. Мы получаем «эффект обманутого ожидания», а смысловое заключение является результатом взаимодействия семантики сообщения со знаниями слушающего о мире.

В следующих примерах (рис. 5; рис. 6) изображение призвано вызвать определенные ассоциации у адресата, углубить концептуальное содержание текста.

В демотиваторе № 5 адресат может реализовывать метафорическое выражение «чистота и порядок», обозначающее отвлеченные понятия, соотнеся его с конкретными людьми, представителями определенных профессий (милиционер и дворник).

Рис. 5

Рис. 6

Если рассматривать процесс построения данного высказывания с перспективы его автора, становится очевидным, что он основывается на содержании пресуппозиции, преследуя следующую коммуникативную цель: достижение восприятия адресатом имплицитной информации как факта, общепризнанного и не требующего комментариев. Однако следует отметить, что разграничение пресуппозиций довольно нечеткое, поэтому часто языковые явления относятся к различным типологическим структурам. Таким образом, в когнитивно-прагматическом плане демотиватор *Чистота и порядок* (рис. 5) относится и к лингвистической пресуппозиции, которая опирается на знания, содержащееся в самом языке, и к коннотативной пресуппозиции, которая связана с побочными значениями слов и выражений, и к коммуникативной, которая основывается на представлении говорящего о степени осведомленности адресата речи (Арутюнова 1973, 1990, Кацнельсон 1972). То есть для правильной интерпретации вербального компонента адресат должен хорошо владеть русским языком, понимать уместность данного высказывания и учитывать культурные особенности.

Иконический компонент рис. 6 отсылает нас сразу к нескольким ассоциативным рядам: во-первых — особенности поведения животных в дикой природе, во-вторых — всем известная история «дружбы» тигра Амура и козла Тимура в Приморском сафари-парке. Для усиления ассоциативной игры автор использует в демотиваторе вербальный компонент «Не трогай! Это на Новый год», который вызывает в памяти реципиентов картины предновогодней суеты, заполненного едой холодильника и невозможности есть эти продукты до начала празднования.

В то же время данный пример содержит в себе четкую концептуально-прагматическую составляющую, имплицитный смысл, т. е. он может быть понят только теми адресатами, которые либо сами являются представителями русской культуры либо знакомы с национальными особенностями русских граждан.

Демотиватор находится на стыке когнитивной и коммуникативной пресуппозиций. Для корректной интерпретации вербального и иконического компонента адресат должен обладать определенными фоновыми знаниями и знаниями в облас-

ти языка. Смысл любой коммуникативной единицы определяется относительно конкретной ситуации (в данном случае иконический компонент указывает на то, что в природе в непосредственной близости друг от друга находятся тигр и козел, при этом хищник не трогает представителя млекопитающих), а внутренним фактором, обуславливающим действие пресуппозиции в тексте, является неоднородность смысловой структуры высказывания, которая расчленяется на пресуппозицию и сообщение (т.е. выражение «*Не трогай! Это — на Новый год*» воспринимается как некое сообщение, однако данное высказывание предполагает наличие предварительных фоновых знаний, без которых невозможно адекватно воспринять смысл демотиватора).

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С развитием информационных возможностей формы коммуникации заметно меняются, а сфера ее распространения заметно увеличивается, это ведет к появлению новой терминологии в сфере интернет-общения. «Интернет стал переломным моментом в истории человеческой коммуникации, которая не менялась в течение пяти тысяч лет» (Thimbleby 1996). Именно в этой среде устная и письменная речь аккумулировались в отдельное явление, которое получило название «интернет-дискурс». Данный феномен вызывает интерес как зарубежных, так и отечественных ученых, поэтому подходы к рассмотрению данного явления кардинально отличаются. Тем не менее, мы определили, что понятие «интернет-дискурс» охватывает широкие сферы: это и область его появления, распространения, развития, а также графические, орфографические, стилистические и пунктуационные особенности.

Не вызывает сомнений, что интернет-дискурс — особый тип общения, реализуемый в глобальной сети, это дает возможность, с одной стороны, рассматривать данный термин как разновидность коммуникации, а с другой — как ситуацию коммуникации. Кроме того, для интернет-дискурса характерно отсутствие видимой социальной, гендерной и возрастной градации, а отсутствие временных и пространственных границ позволяет взаимодействовать друг с другом пользователям, вне зависимости от их географического положения и времени.

Жанр демотиватора представляется наиболее актуальным для отображения реалий современной жизни, так как в нем соединены вербальная составляющая, которая предполагает сконцентрированную в нескольких фразах мысль, идею и иконический компонент. При этом для достижения наибольшего успеха демотиватор должен содержать диссонанс между надписью, бросающейся в глаза, и изображением. Кроме того, данный жанр отличает высокая прагматическая функция, которая выражается на уровне пресуппозиций. Пресуппозиция не только способствует раскрытию имплицитного смысла высказываний или подтекста отдельных частей высказывания, но также сама пресуппозиция может основываться на знании имплицитного смысла предыдущего высказывания и подтекста предшествующих отрезков текста. Демотиватор, как один из наиболее часто используемых видов креолизованного текста, представляет сложное образование, в кото-

ром объединяются и синтезируются вербальные и невербальные элементы и образуют визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, целью которого является комплексное воздействие на адресата. В таком случае информационная составляющая невербальных средств намного превышает вербальные. Процесс восприятия креолизованного текста можно представить в виде двойного декодирования: когда мы извлекаем скрытую (имплицитную) информацию изображения и накладываем ее на вербальный концепт текста, все это приводит к созданию единого смысла креолизованного текста (демотиватора). В статье осуществлена попытка классификации логоэпистемных единиц, которые являются неотъемлемой частью демотиватора. Логоэпистемы представляют собой сжатый текст, который содержит в себе национально-культурные особенности, а употребление логоэпистемных единиц с прецедентным текстом или ситуацией вызывает у реципиента определенный ассоциативный ряд. Приведенная классификация представляется пока недостаточно разработанной, а границы между представленными явлениями недостаточно четкие, а это обеспечивает целесообразность дальнейшего исследования данной темы.

© Н.В. Гладкая, 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова Н.Д. *Понятие presupposition в лингвистике* // Известия АН СССР, серия литературы и языка. М.: 1973. Т. 32. Вып. 1. С. 84—90. [Arutjunova, N.D. (1973) *Ponjatie presuppozicii v lingvistike*. (Presupposition in Linguistics). Izvestija AN SSSR, serija literatury i jazyka. Moscow: 32 (1), 84—90. (In Russ).]
- Арутюнова Н.Д. *Дискурс* // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136—137. [Arutjunova, N.D. (1990) *Diskurs* // *Lingvisticheskiy enciclopedicheskiy slovar* / red. V. N. Yarceva. Moscow: Sov. Enciclopedia, 136—137. (In Russ).]
- Бабина Л.В. *Об особенностях демотиватора как полимодального текста* // Филологические науки. Вопросы теории и практики. М.: 2013. № 2 (20). С. 28—33. [Babina, L. V. (2013) *Ob osobennostjah demotivatora kak polimodal'nogo teksta*. (Demotivators as a polymodal text). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Moscow: 2 (20). 28—33. (In Russ).]
- Бугаева И.В. *Демотиваторы как новый жанр в Интернет-коммуникации: жанровые признаки, функции, структура, стилистика*. 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2011/10Bugaeva.pdf> [Bugaeva, I. V. (2011) *Demotivatory kak novyy zhanr v Internet-kommunikacii: zhanrovye priznaki, funkcii, struktura, stilistika*. (Demotivators as a new genre of Internet Communication: genres features, functions, structure and stylistics). Rezhim dostupa: <http://www.rastko.rs/filologija/stil/2011/10Bugaeva.pdf>
- Грайс Г.П. *Логика и речевое общение* // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. С. 217—237. [Grajs, G.P. (1985) *Logika i rechevoe obshhenie*. (Logics and Speech Communication). *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. Vyp. 16. Moscow: Progress, 217—237. (In Russ).]
- Данилова Ю.Ю. *Типы креолизованных текстов в современном лингвосоциуме* / Ю.Ю. Данилова, Д.Р. Нуриева // Елабужские филологические чтения: Мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. с междунар. участием (РТ, Елабуга, 17—18 октября 2013 г.). Елабуга: Изд-во ЕИ КФУ, 2013. С. 49—52. [Danilova Ju. Ju. (2013). *Tipy kreolizovannyh tekstov v sovremennom lingvosociume* / Ju. Ju. Danilova, D. R. Nurieva // *Elabuzhskie filologicheskie chteniya: Mat-ly Vserossijskoj nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem* (RT, Elabuga, 17—18 oktjabrja 2013 g.). Elabuga: Izd-vo EI KFU, 49—52. (In Russ).]

- Демьянков В.З. *Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка* / В.З. Демьянков // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т.М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. В.Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34—55. [Demiankov V. Z. (2005) *Text I diskurs kak terminy I kak slova obydenogo yazyka*. (Text and Discourse as Terms and Ordinary words). In V.Z. Demiankov (ed.). *Yazyk. Lichnost. Text: sb.st. k 70-let T.M. Nikolaevoy / In-t slavianovedenia RAN; otv. Red. V.N. Toporov*. Moscow: Yazyki slavianskykh kultur, 34—55. (In Russ).]
- Захаренко И.В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко, Д.Б. Гудков, В.В. Красных, Д.В. Багаева // *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 1. М.: МАКС-Пресс, 1997. С. 100—115. [Zaharenko, I. V. (1997) *Precedentnoe vyskazyvanie i precedentnoe imja kak simvolj precedentnyh fenomenov*. In I. V. Zaharenko, D. B. Gudkov, V. V. Krasnyh, D. V. Bagaeva (eds). *Yazyk, soznanie, kommunikacija*. (Language, Mind, Communication). Vyp. 1. Moscow: MAKS-Press, 100—115. (In Russ).]
- Канаева Е.Н. *Текстовые функции логоэпистемы (на материале газетных заголовков)*: автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.10 „Русский язык” / Е.Н. Канаева. М.: 2007. С. 19. [Kanaeva, E. N. (2007) *Tekstovye funkcii logojepistemy (na materiale gazetnyh zagolovkov)*: avtoref. diss. na soiskanie uch. stepeni kand. filol. nauk: spec. 10.02.10 „Russkij yazyk” / E. N. Kanaeva. Moscow: 19. (In Russ).]
- Кацнельсон С.Д. *Типология языка и речевое мышление* [Текст] / С.Д. Кацнельсон. Л.: Наука, 1972. С. 80—89. [Kacnel'son, S.D. (1972) *Tipologija jazyka i rechevoe myshlenie* [Tekst]. (Language Typology and Speech Mind). S.D. Kacnel'son. Leningrad: Nauka, 80—89. (In Russ).]
- Рогачева Н.Б. Язык и стиль вторичных речевых жанров: на материале Интернет-общения / Н.Б. Рогачева // *Жанры речи*: Сб. науч. статей. 12-й Саратов: Изд. центр «Наука», 2009. Вып. 6. Жанр и язык. С. 127—150. [Rogacheva, N.B. (2009) *Yazyk i stil' vtorichnyh rechevyh zhanrov: na materiale Internet-obshhenija*. (Language and Style of Second Speech Acts). *Zhanry rechi*: Sb. nauch. statej. Saratov: Izd. centr «Nauka», Vyp. 6. Zhanr i jazyk. 127—150. (In Russ).]
- Селютин А.А. Жанры как форма коммуникативного выражения онлайн-личности / А.А. Селютин // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск: 2009. № 35 (173). С. 138—141. [Seljutin, A.A. (2009) *Zhanry kak forma kommunikativnogo vyrazhenija onlajnovoj lichnosti*. (Genres as a form of communicative expression of online personality). *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Cheljabinsk: 35 (173). 138—141. (In Russ).]
- Сорокин Ю.А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция. Под ред. Ю.А. Сорокина, Е.Ф. Тарасова. *Оптимизация речевого воздействия*. М.: Наука, 1990. С. 180—186. [Sorokin, Ju. A. (1990) *Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaja funkcija*. (Creolised Texts and its communicative functions. In Ju. A. Sorokin, E.F. Tarasov (eds). *Optimizacija rechevogo vozdejstvija*. M.: Nauka, 180—186. (In Russ).]
- Усачева О.Ю. Интернет-коммуникация как лингвистический феномен // Язык и культура. (Научный журнал). Киев: 2007. Вып. 9. Т. VII (95). С. 83—90. [Usacheva, O.Ju. (2007) *Internet-kommunikacija kak lingvisticheskij fenomen*. (Internet Communication as Linguistic Phenomena). *Yazyk i kul'tura*. (Nauchnyj zhurnal). Kiev: Vyp. 9. T. VII (95). 83—90. (In Russ).]
- Усачева О.Ю. Коммуникативная специфика виртуального текста (на материале интернет-форумов). *Предложение, Текст. Речевое функционирование языковых единиц*: Межвуз. сб. науч. тр. Елец: Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2003. С. 142—150. [Usacheva, O. Ju. (2003) *Kommunikativnaja specifika virtual'nogo teksta (na materiale internet-forumov. Predlozhenie, Tekst. Rechevoe funkcionirovanie jazykovykh edinic*. (Sentence, Text, Speech Functioning of Language Units). *Mezhvuz. Sb. nauch. Tr. Eleck: Elec. Gos. Un-t im. I. A. Bunina*, 142—150. (In Russ).]

- Ушакова Г.Д. Особенности виртуального общения посредством чатов // *Филологический журнал*. 2004. Вып. 12. С. 59—61. [Ushakova, G. D. (2004) Osobennosti virtual'nogo obshhenija posredstvom chatov. (Features of Virtual Chatting). *Filologicheskij zhurnal*. Vyp. 12, 59—61. (In Russ).]
- Федосюк М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // *Жанры речи*. Саратов: 1997. Вып. 1. С. 66—88. [Fedosjuk, M. Ju. (1997) Issledovanie sredstv rechevogo vozdejstvija i teorija zhanrov rechi. (Study of Speech Impact means and Speech Genres Theory) *Zhanry rechi*. Saratov: Vyp. 1. 66—88. (In Russ).]
- Чернявская В.Е. *Дискурс и дискурсивный анализ: традиции, цели, направления*. В.Е. Чернявская // *Стереотипность и творчество в тексте*. Пермь: 2002. С. 122—135. [Chernjavskaja V.E. (2002) *Diskurs i diskursivnyj analiz: tradicii, celi, napravlenija*. (Discourse and Discursive Analysis: traditions, goals and directions). In V. E. Chernjavskaja (ed.) *Stereotipnost' i tvorcestvo v tekste*. Perm': 122—135. (In Russ).]
- Шмелёва Т.В. *Модель речевого жанра* // *Жанры речи*. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 103—111. [Shmeljova T. V. (1997) *Model' rechevogo zhanra*. (Model of Speech Genre). *Zhanry rechi*. Saratov: 1, 103—111. (In Russ).]
- Baran, A. (2012) *Visual humor in the Internet* [electronic resource]: <http://www.folklore.ee/pubte/eraamat/eestipoola/baran.pdf>
- Blackmore, S. (1999) *The Meme Machine*. Oxford: Oxford University Press.
- Crystal, D. (2002) *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press. 272 p.
- Dawkins, R. (1976) *The Selfish Gene*. Oxford: Oxford University Press, 306.
- Harris, Z. (1953) *Methods in Structural Linguistics*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Lauren, E. *Mach, Cat pictures and communication the phenomenon of Internet memes*. St. Gregory's University [electronic resource]: https://www.academia.edu/6991739/Cat_Pictures_and_Communication_The_Phenomenon_of_Internet_Memes
- Shifman, L. (2013) *Memes in Digital Culture*. Essential Knowledge The MIT Press Essential Knowledge series: MIT Press, 200.
- Thimbleby, H. (1996) *Internet, discourse and interaction potential*. London: Middlesex University.
- Van Dijk, T. (1998) *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: SAGE Publications.
- Van Dijk, T. (2009) *Society and Discourse: How Social Contexts Influence Text and Talk*. Cambridge, Cambridge University Press, 287.
- Weiss, G., Wodak, R. (2003) *Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity*. Palgrave Macmillan Ltd, 321.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 06 июня 2016

Дата принятия к печати: 20 декабря 2016

Для цитирования:

Гладкая Н.В. Логоэпистемы в креолизованных текстах интернет-дискурса // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 2. С. 424—437.

Сведения об авторе:

Гладкая Наталья Витальевна, ассистент кафедры русского языка ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», аспирант. *Сфера научных интересов*: дискурс-анализ, интернет-дискурс, теория текста, креолизованные тексты, лингвопрагматика. *Контактная информация*: e-mail: nata-gladkaya25@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-424-437

LOGOEPISTEMS IN CREOLISED TEXTS OF INTERNET DISCOURSE

Natalia V. Gladkaya

Donetsk National University
24, Universitetskaya str., 8300, Donetsk, Ukraine

Abstract. This article discusses the most common mechanisms of creolised text formation in the Internet communication, analyses its functions and impact on recipients representing different cultures. The interest to the topic is caused by the necessity of the systematisation of basic models of creolised text formation. This system enables to study the types of connections between verbal and nonverbal components and to see the nature of the comic effect and its impact on recipients. The focus is made on the role of visual information in the Internet communication. The article analyses the phenomenon of presupposition basing on the theory of Arutyunova (1973) and Demyankov (2005). Presupposition precedes the statement, it involves background knowledge of the audience, and includes situational context. Demotivators may challenge presuppositions as precedent elements included in its composition may reflect the specificity of the modern sociocultural context. The genre of demotivator can be viewed as a precedent phenomenon that is regularly reproduced and well known to all members of a social and cultural group. For a greater effect of demotivators there should be a dissonance between the words and image. The article suggests a classification of logoepistemes (compressed texts containing culture-specific characteristics) and show that their use creates a specific associative array with the recipient. The study implements methods of contextual, comparative and discourse analyses.

Keywords: *implicature, logoepistema, Internet communication, presupposition, frame script, pragmatic potential*

Article history:

Received: 06 June 2016

Revised: 10 September 2016

Accepted: 20 December 2016

For citation:

Gladkaya, N. (2017). Logoepistemes in Creolised Texts of Internet Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2), 424—437.

Bio Note:

Natalia V. Gladkaya, postgraduate student of the Department of Russian language, at Donetsk national University. *Research Interests:* Discourse-Analysis, Internet Discourse, Text Theory, Creolised Texts, Linguistic Pragmatics. *Contact information: e-mail:* nata-gladkaya25@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-438-440

REVIEW of Marklen E. Konurbaev (2016)
THE STYLE AND TIMBRE OF ENGLISH SPEECH AND LITERATURE.
Palgrave Macmillan.
ISBN 978-1-349-57827-6

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Marklen E. Konurbaev (2016)
THE STYLE AND TIMBRE OF ENGLISH SPEECH AND LITERATURE.
Palgrave Macmillan.
ISBN 978-1-349-57827-6

The purpose of this book is to present an aspect of reading which is virtually overlooked in language and literature teaching: the way that a text sounds and, quite literally, communicates the writer's voice. Professor Konurbaev makes a through and passionate case that ignoring the oral dimension of a text obscures reading comprehension and literary appreciation. He is keen to acknowledge his debt to his supervisor and mentor the late Olga Akhmanova of Moscow State University, quoting her maxim of "Above all, listen to the implied sound message of the text in your mind's ear" in the Preface (p. ix). Olga Akhmanova would certainly not have been disappointed in this book as a continuation of her legacy, inter alia, to linguistics, stylistics, which all too often occupies an uncomfortable middle ground between linguistics proper and literature (Verdonk, 2002), and pedagogy.

Some readers may be unfamiliar with the term *timbre* and this is defined in the Introduction as the holistic image of the text forged by the interface of foregrounding, or prominence, and backgrounding, the ongoing and cumulative narrative. The premise, in line with functional linguistics, is that language is an open system of communicating meaning and that a choice of form has implications for meaning. Writers shape texts to manipulate the readers' response and they rely on the sensitivity of language to multiple often competing interpretations. This is a long way from the "slot and filler" linguistics, sentences parsed with almost no consideration of the words they contain, of which John Sinclair (1991) famously accused Generative Linguistics. Professor Konurbaev makes an interesting analogy with ancient Greek theatre where the actors acted as a foreground to the background of the chorus, the latter adding perspective to the unfolding action.

The first chapter enlarges on this basic understanding of *timbre* with the notion of *timbre strings*, "mental association[s] drawn in the course of reading between the words of the text" (p. 10). Meaning is created in a text through recognising and inferring the relationship between these observable elements and the writer's intention, which can never be fully grasped because the chain of associations always has a degree of the

tenuous. The “structural” timbre strings are the most obvious as they can be described linguistically but there is a whole body of connections which very loosely fall under pragmatics, for example awareness of socio-cultural conventions and schema. The complex textuality captured by timbre strings is well illustrated (pp. 19—20) by a reference to a Stephen Fry work. The skillful analysis of the extract points out the subtleties and tensions in the text as Fry expresses his voice and challenges the reader to disambiguate competing versions of the reality of interpretation. This use of a corpus of authentic texts is a feature of the book throughout and surely one of its strongest recommendations.

This Chapter One very broadly fits into the first of two halves of *The style and timbre of English speech and literature*. The first half, Chapters One to Six, offer a detailed rationale for Professor Konurbaev’s thesis and draw on a range of disciplines. The most interesting for me personally was Chapter Four, “A Glimpse of the Brain: The Mechanism of Mental Audition” and its insights into the world of neuroscience. As a practicing teacher, it confirmed my ardent belief, considered rather old-fashioned these days (cf. Harmer, 2009), that reading aloud is a valid classroom activity. The second half of the book, Chapters Seven to Ten, put the argument into context by examining four functional styles of English, from everyday speech to high literature. Much of the content in this part of the book could be used with students as classroom tasks, enhancing its value to teachers.

To demonstrate what I have pointed out as the book’s key achievement, the exploitation of a corpus of authentic material, consider an extract from Dickens’ *A Tale of Two Cities*, analysed on p. 182. Dickens describes the execution scene at the end of the book.

She kisses his lips; he kisses hers; they solemnly bless each other. The spare hand does not tremble as he releases it; nothing worse than a sweet, bright constancy is in the patient face. She goes next before him — is gone; the knitting-women count Twenty-Two. ‘I am the Resurrection and the Life, saith the Lord: he that believeth in me, though he were dead, yet shall he live: and whosoever liveth and believeth in me shall never die’. The murmuring of many voices, the upturning of many faces, the pressing on of many footsteps in the outskirts of the crowd, so that it swells forward in a mass, like one great heave of water, all flashes away. Twenty-Three (Dickens, 1859/1974).

As Professor Konurbaev points out, the understatement of the narrative (note the simple Subject-Verb-Object clauses in the first sentence) belies the emotiveness of the scene. The biblical reference is where “the timbre gushes out” and reconnects the reader to the terrible pathos. Professor Konurbaev makes the crucial point that the “[t]he text does not belong to anyone” — how can it when all the words are unsaid? The meaning is loaned to each and every reader and each reading may well reveal new timbres to be discovered, wherein probably lies one of the main joys of reading.

The style and timbre of English speech and literature is an important book for anyone with a serious interest in text, and I would extend that interest to languages other than English. For me, the outstanding feature of the book is the wealth of examples used to support the arguments made, sources ranging from to Alistair Cooke’s *Letters from America* to *The Koran*, via *Shakespeare* and *Ishiguro*. Above all, it provides a convincing

argument that language has endless potential as a vehicle of communication but that this needs to be unlocked through analysis which is sensitive to the many manifestations, explicit and latent, of vocalised meaning. Reading *The style and timbre of English speech and literature* is a first step to true recognition of this.

© Wayne Rimmer, 2017

REFERENCES

- Dickens, C. (1859/1974) *A Tale of Two Cities*. Moscow: Progress Publishers.
Harmer, J. (2009) Is reading aloud allowed?, *English Teaching Professional* 65/4.
Sinclair, J. (1991) *Corpus, concordance and collocation*. Oxford: Oxford University Press.
Verdonk, P. (2002) *Stylistics*. Oxford: Oxford University Press.

For citation:

Rimmer, W. (2017) Review of Marklen E. Konurbaev (2016) *The Style and Timbre of English Speech and Literature*. Palgrave MacMillan. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2), 438—440.

Bio Note:

Wayne Rimmer, Co-ordinator of IATEFL PronSIG (Kent, UK). Contact Information: e-mail: PronSIG@iatefl.org

Для цитирования:

Rimmer W. Review of Marklen E. Konurbaev (2016) *The Style and Timbre of English Speech and Literature*. Palgrave MacMillan // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 2. С. 438—440.

Сведения об авторе:

Уэйн Реймер, координатор IATEFL PronSIG (Кент, Великобритания). Контактная информация: e-mail: PronSIG@iatefl.org

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-441-445

**ICLE: INTERNATIONAL CONFERENCE
ON LANGUAGE AND EMOTION
Madrid, Spain, 23RD—25TH November 2016**

**МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЯЗЫК И ЭМОЦИИ»,
Мадрид, Испания, 23—25 ноября 2016 г.**

The International Conference on Language and Emotion (ICLE) was organized by the EMO-FunDETT research group and hosted by the Universidad Nacional de Educación a Distancia (UNED) on their campus in Madrid on 23rd—25th November 2016, with Professors Laura Alba-Juez (UNED) and Mercedes Díez Prados (University of Alcalá) as chairs of the organizing committee.

EMO-FunDETT is a research group integrated by researchers from different countries whose main area of research is found within discursive-pragmatic studies from a functional perspective, focusing on the study of the relationships between language and emotion. ICLE allowed the research group to share their own findings on the topic while welcoming all contemporary and interdisciplinary approaches to the matter.

The conference brought together over 70 researchers and scholars from 19 countries: Argentina, Australia, Austria, Belgium, Estonia, Finland, Germany, Greece, Ireland, Italy, Israel, the Netherlands, Poland, Portugal, Russia, Spain, Switzerland, United Kingdom and the United States. All participants gathered for the 8 plenary talks at the conference, and 60 papers were presented in parallel sessions. The conference also offered an invited talk — “Emotional intelligence as a personal characteristic that affects communicative competence” — by Juan-Carlos Pérez-González (UNED), and a workshop on Eye-Tracking by Paulina Burczynska, from SensoMotoric Instruments GmbH.

A very special and touching moment took place at the opening of the conference when due homage was paid to Geoff Thompson (1945—2015), sorely missed late member and mentor of the EMO-FunDETT group, whose work enlightened many of the findings being made public at ICLE.

The first plenary was presented by Ad Foolen, Faculty member at Radboud University, Nijmegen (1975—2015). In his lecture ‘Laterality in language, emotion, and the body’, he illustrated how many words and idiomatic expressions are emotionally loaded, with examples having to do with the left and right part of the body, in particular the hands. Cross-culturally, the right side is the ‘right’ side, the left one is ‘sinister’. This difference in evaluation is, of course, linked to the fact that the majority of people are right-handed. This right-handedness, in turn, is linked to a strong role for the left brain hemisphere with regard to manual activities. He also provided the audience with an overview of recent literature that is relevant for the challenge to untangle the lateral puzzle.

Jean Marc Dewaele, Birkbeck College, London, UK, in his lecture ‘How hard is it to recognise emotions in a native and in a foreign language?’ discussed the challenge of communicating emotions when the communication happens in a foreign language. He considered questions that have received very little attention to date: why do some people struggle more to recognise emotions than others? Is it harder to recognise an emotion in a foreign language? Recent research on monolingual and multilingual participants from across the world suggests that Emotion Recognition Ability of basic emotions is linked to a number of cultural, linguistic, psychological and sociobiographical factors such as having acquired two languages from birth. These findings have pedagogical implications and consequences for all areas of life where emotional interactions happen in a lingua franca.

In the third plenary, Monika Bednarek, Senior Lecturer in Linguistics at the University of Sydney, brought together her research interests in corpus linguistics, media discourse and Appraisal. Her lecture ‘Revisiting swear/taboo words — with focus on their use in US televisual narratives’ dealt with the use of ‘bad’ language in American English — in particular, what are commonly called ‘swear words’, ‘taboo words’, ‘curse words’ or ‘profanity’. Drawing on The Sydney Corpus of Television Dialogue (SydTV), as well as additional data, she proposed a new categorisation of the potential linguistic strategies around the use of swear/curse/taboo words, which shows how scriptwriters negotiate a number of language-external and -internal constraints to do with language use in 21st-century televisual narratives.

Ruth Breeze and Manuel Casado-Velarde (University of Navarra, Spain), in their lecture “Emotions in Spanish Phraseology. A Crosslinguistic Approach from English” approached the study of emotions from phraseology. With a view to laying the foundations for a comparative onomasiological dictionary of phraseology in the field of the emotions, their work sets out some initial proposals for classifying various notional fields in Spanish and English (the absence of emotions, the inability to speak as a result of an emotional impact, emotional control and lack of control).

Ian Wood, (National University of Ireland, Galway, Ireland) in “MixedEmotions: Mining Emotions in Big Data” presented the H2020 MixedEmotions project, which is building a big data platform for emotion detection from multiple modalities (audio, video, image and text). The intention is to make current state of the art emotion detection technologies available to European small to medium enterprises (SME’s). This talk presented an overview of the project and its capabilities, focusing on current research challenges and opportunities for emotion detection from text.

Javier de Santiago Guervós (University of Salamanca, Spain), in his lecture “Léxico, emoción y relato en la retórica del discurso persuasivo”, which could be translated as “Lexicon, emotion and narrative in the rhetoric of persuasive discourse” discussed the idea that analyzing discourse involves its deconstruction in order to arrive at the origin of the idea intended by its author. In this talk two fundamental aspects were analyzed in the persuasive process: the selection of the lexicon seeking an emotional response by the recipient and the use of stories, which may facilitate the emotional interpretation of the message.

Barry Pennock-Speck, senior lecturer at the Universitat de València — Estudi General and member of IULMA, presented the seventh plenary, under the title ‘Persuasion and Emotion: Exploring face and facework in educational settings’. He provided an overview of the face/facework framework devised by Goffman, (1956, 1967) and its development and modification by Brown and Levinson (1987) and Penman (1990). From this framework, he discussed on the connections between emotion, persuasion and face in interactions between teachers and students and peer-to-peer interactions. Finally, he looked at the connection between face and persuasion, particularly between teachers and students.

The eighth plenary, by Francisco Yus, Professor of Pragmatics at the University of Alicante, Spain, and director of IULMA, marked the end to the scientific programme of the conference. In his lecture entitled ‘The phatic Internet. Networked feelings and emotions across the propositional/non-propositional and the intentional/unintentional board’, Professor Yus argued that the extent of the phatic feelings and emotions generated through sustained virtual interactions cannot be reduced to their status as proposition-centered weak implicatures, and the analysis has to be extended across the propositional/non-propositional board (and across the intentional/unintentional board) with the addition of the term phatic effects, which are devoid of the qualities of intentionality and propositional shape, but are nevertheless essential to understanding why many users spend hours exchanging (apparently) irrelevant content.

Two main themes covered the 60 presentations: “Language and Emotion *at Work*”, which included 45 papers on general topics on language and emotion, and “Persuasion *at Work*”, with 15 papers on emotion as a persuasive resource in discourse.

Papers related to “Language and Emotion” were grouped in 13 panels exploring a wide and diverse range of perspectives and disciplines. The “Emotion and Humor” panel explored the difference between humor and mirth, and the reversal of negative emotions in US presidential discourse. The talks in the “Comparative studies on Emotion” panel compared conceptualizations in European and Brazilian Portuguese, the interplay between cultural background and language in German and Japanese, impoliteness in Russian and English literary discourse, lexicalization of emotion in English and Spanish, and the portrayal of emotion through vocabulary in the Estonian language. “Emotion in different texts and contexts” gathered papers on emotion and offence in law, the deregulation of emotions in politics, emotion and intersemiosis in graphical abstracts, the political discourse of Flora Tristan, and the emphatic communication in health services contexts and its placebo effect for patients. A presentation suggesting the revision of Martin & White’s affect and judgement subsystems based on corpus analysis and emotion research was the contribution to the “Evaluation and Emotion” panel. “Emotion in Spanish” included talks on types of verbal impoliteness and emotion, a cognitive and interdisciplinary classification of emotions in European Spanish phraseology, and epistemic modality and evidentiality in the expression of opinion. Regarding the “Emotion and para/extra-linguistic features” panel, presentations explored prosody and affective emotional responses, and emotion and oral skills in second language assessment. Talks on an intercultural perspective on stance, emotion and politeness in the article review genre, and the emotional and educational consequences of (im)politeness in the class-

room were given as part of the “Emotion and (im)politeness” panel. “Emotion in the Media” gathered papers on the media and the use of emotion in the projection of stance, a contrastive annotation study of interpersonal discourse markers and generic variation in journalistic texts, the verbalization of emotions in collaborative newswriting, love discourse in sitcoms, and emotion and representation in newspapers’ advice columns. Presentations from the “Narration and Emotion” panel explored a cross-linguistic study on prosodic and gestural expressions in storytelling, the multimodal representation of emotion in digital storytelling, and a mixed viewpoint and Blending Approach to traumatic emotional discourse. The “Emotion and Syntax/Grammar” panel included talks on the syntax of emotional expletives in English, interjections in present-day English, and markers of epistemic (un)certainly in English and German. Papers on structural equations, and language and identity were included in the “Interdisciplinary Studies on Emotion” panel. Presenters in the “Emotion and Language-Learning/Education” panel discussed teachers’ emotional multimodal discourse, learners’ responses to emotion prompts in lexical tasks, students’ face-loss concerns in spoken L2 workshops, emotion and interpersonal features in teaching, the assessment of EFL learners’ ability to express emotions, and emotion talk in a university setting. Finally, emotions on corporative twitter, cyberemotion in students’ digital discourse, and responses to negative online feedback were explored in “Emotion on the web”.

“Persuasion” papers were presented in 4 different panels. “Persuasion in the world of politics and economy” explored topics such as the persuasive effect of emotions in political discourse and as a mass-controlling device, the telltale quality of financial analysts’ recommendations, repetition and recontextualization in TV commercials, and a phraseological approach to the interpretation of customers’ wishes in hotel websites. In the “Persuasion and Audience” panel, participants discussed the interplay between fiction, evaluation and persuasion, and how attention is called for in nursing conference presentations. The “Persuasion in different texts and contexts” panel introduced talks on the discursive construction of newsworthiness in journalistic Facebook, emotion and persuasion in soccer, and (un)desirability and evidentiality in adverbs of strong perception. Finally, the “Business Persuasion” panel gathered papers exploring contrasting televised business pitches in Spanish and English, negotiation and turn-taking strategies, a socio-linguistic approach to persuasive discourse, linguistic elements for argumentative strength, the interplay between emotion and rationality in entrepreneur discourse, and non-verbal communication in business discourse.

We hope the ICLE Conference has contributed to the comprehension of human nature through the exploration of emotions from a discursive-pragmatic approach and want to thank all those who participated in the event and made it possible.

© Carmen Santamaría-García, David Ferrer-Revull, 2017

For Citation:

Santamaría-García, C., Ferrer-Revull, D. (2017). *International Conference on Language and Emotion, Madrid, Spain, 23—25 November 2016. Russian Journal of Linguistics, 21 (2), 441—445.*

Bio Notes:

Carmen Santamaría-García, PhD, Associate Professor of English Language and Linguistics at the Modern Languages Department of Alcalá University, member of the EMO-FunDETT research group. *Research Interests:* Sociolinguistics, Pragmatics and Discourse Analysis. *Contact information: e-mail:* Carmen.santamaria@uah.es

David Ferrer-Revull is a third-year PhD student of Applied Linguistics at the Faculty of Philology, Universidad Nacional de Educación a Distancia (UNED), Spain, member of the EMO-FunDETT research group. *Research interests:* Discourse Analysis, Pragmatics, Humor Studies. His current research on humor and leadership is funded by the Spanish Ministerio de Economía y Competitividad. *Contact information: e-mail:* davferrer@flog.uned.com.

Для цитирования:

Santamaría-García C., Ferrer-Revull D. International Conference on Language and Emotion, Madrid, Spain, 23—25 November 2016 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 2. С. 441—445.

Сведения об авторах:

Кармен Санта-Мария Гарсиа, доктор, доцент кафедры современных языков, Университет Алькала (Испания), член исследовательской группы EMO-FunDETT. *Сфера научных интересов:* социолингвистика, прагматика, дискурс-анализ. *Контактная информация: e-mail:* Carmen.santamaria@uah.es

Давид Феррер-Ревул, аспирант кафедры прикладной лингвистики филологического факультета Национального университета дистанционного образования (UNED) (Мадрид, Испания), член исследовательской группы EMO-FunDETT. *Сфера научных интересов:* социолингвистика, прагматика, дискурс-анализ, изучение юмора. Его исследовательский проект по изучению юмора поддерживается Министерством экономики Испании (Spanish Ministerio de Economía y Competitividad). *Контактная информация: e-mail:* davferrer@flog.uned.com.

DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-446-450

**THE FIFTH LIBERAL ARTS INTERNATIONAL CONFERENCE:
REINVENTING OURSELVES: INNOVATION AND THE LIBERAL ARTS,
Doha, Qatar, 29—31 January 2017**

**ПЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ: «ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ
СВОЕГО „Я“ И ИННОВАЦИИ В СФЕРЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК»,
Доха, Катар, 29—31 января 2017 г.**

Since 2013 the Liberal Arts Program at Texas A&M University at Qatar has been hosting an annual international conference exploring interdisciplinary approaches to selected topics in arts, humanities and social sciences. This year the conference theme was ‘Reinventing ourselves: innovation and the Liberal Arts’ and took place from 29—31 January 2017 in the Student Center Hamad Bin Khalifa, situated in Education City on the outskirts of Doha.

The 2017 Liberal Arts International Conference (LAIC2017) featured a number of keynote lectures, thematic sessions and panel discussions. The conference was officially opened by Professor César Malavé, Dean of Texas A&M University at Qatar, who highlighted the importance of liberal arts research and education in the formation of future global professionals and leaders. In addition, Professor Zohreh R. Eslami, Chair of the Liberal Arts Program, further contextualised the issue, giving the floor to the members of the Organising Committee, this year chaired by Dr Phillip Gray.

The opening keynote lecture was given by Professor Roger Griffin (Oxford Brookes University, UK), entitled ‘Retooling the humanities to prevent self-extinction: a liberal arts perspective’, looking into the causes and consequences of the inadequacy and failure of the Western concept of Enlightenment Humanism. What is suggested as a possible solution is a form of transcultural humanism that will depart from a Euro-centric and anthropocentric models of the past, bringing together academic, religious and secular elites world-wide.

Professor Alastair Pennycook (University of Technology Sydney, Australia), who gave the second keynote lecture, entitled ‘Disinvention and reinvention: rethinking language and ourselves’, put forward a new model of communication. The model takes into account the requirements of post-modernity, impacting profoundly on our linguistic identity and, consequently, on the design and delivery of language education across levels and domains.

LAIC2017 featured several thematic sessions, clustering around topics in education, politics, religion, etc, but linguistic perspectives on innovation in liberal arts had quite a prominent presence in the conference programme. Some of these sessions saw the par-

participation of distinguished members of the European Network for Intercultural Education Activities (ENIEDA), a transnational collaborative network committed to setting up and sustaining exploratory dialogue within, across and beyond disciplinary and geographical boundaries on topics pertaining to interculturality. One such thematic session was entitled ‘Language and innovation’, featuring presentations by Dr Łukasz Grabowski (Opole University, Poland; ENIEDA Network) and Dr Jagoda Granić (University of Split, Croatia; ENIEDA Network). Dr Grabowski, whose presentation was entitled ‘New methods, old problems: innovation in descriptive translation studies research’, showed how computational tools, electronic text corpora and quantitative research methods have recently changed and transformed the landscape of descriptive research in translation studies. Dr Granić, on the other hand, presenting the paper ‘Reconstructing identities in a transnational world’, elaborated on the theoretical underpinnings of the process of identity reconstruction in a globalised, transnational world, highlighting the social semiotic component of language and communication. The session ended with a presentation by Dr Sara Hillman and Emilio Ocampo Eibenschutz (Texas A&M University at Qatar), who presented preliminary results of their ongoing research project on language and identity attitudes among Qatari Arabic-English bilingual speakers.

Two additional thematic sessions deserve to be singled out. More specifically, a session on Interdisciplinary approaches to innovation in religion studies, featuring a presentation by another prominent ENIEDA Network member. Namely, Dr Monika Kopytowska (University of Łódź, Poland; ENIEDA Network) presented her work in the area of cognitive approaches to Critical Discourse Analysis and Proximization Theory, championing a new model for understanding the interface between religion, media and social cognition. In her presentation entitled ‘Media, technology and the sacred: a new perspective on (mediated) religious experience’ Dr Kopytowska put forward new insights into the role that language plays in mediating the experience of religious practitioners. The role of liberal arts in issues in global crises was discussed during the final session of the conference, featuring the participation of Dr Noémie Hermeking (Eberhard Karls Universität Tübingen, Germany; ENIEDA Network), who highlighted the importance of well-developed intercultural skills and awareness for professionals and volunteers dealing with refugee and immigrant communities in Germany. Dr Hermeking’s approach, elaborated in her presentation entitled ‘Refugee crisis and diasporas — intercultural training for organisations working with the newly arrived in Germany’, although essentially anthropological, is highly relevant to a variety of fields, most notably intercultural pragmatics and communication, crucially informing post-modern requirements of effective competency-based education.

Innovative approaches to intercultural communication were given a prominent role in a separate thematic panel entitled ‘Where next for intercultural education? Towards a sustainable post-method model’. The panel was organised by Dr Svetlana Kurteš (Texas A&M University at Qatar; ENIEDA Network) and saw the participation of Professor Tatiana Larina (Peoples’ Friendship University of Russia; ENIEDA Network) as an invited speaker. Dr Kurteš and Professor Larina elaborated on the current state of affairs in linguistic and intercultural education, taking the post-method pedagogy as their anchor point. The concept of interculturality was deconstructed from the point

of view of intercultural pragmatics and current theoretical and methodological approaches therein. The panellists argued that the adequate development of intercultural awareness requires cross-curricular presence and a joint effort across educational levels, sharing examples of best practice from their own pedagogical experience. An engaging and lively discussion ended the session, including contributions from Professors Griffin and Pennycook as well.

Participants (Picture 1) agree that LAIC2017 was not only another successfully organised academic conference, but also a great networking opportunity, providing a unique forum for an engaging and focused cross-disciplinary dialogue. A medium-sized event with respect to the number of participants, the conference persuasively demonstrated its pluralistic ethos, represented by the linguistic, cultural and geographical diversity of its participants. Apart from the delegates coming from several higher education institutions in Qatar and the United States of America, there were also representatives from a number of European countries (UK, France, Netherlands, Russia, Poland, Croatia, Slovakia, Macedonia, Latvia, Lithuania, Denmark) and further afield (e.g. Brazil, Algeria, Australia, Pakistan, India, Sri Lanka). This was also highlighted in the closing remarks by Professors Malavé and Eslami, who also expressed their hope in the continued future success of LAIC conferences.

Two noteworthy post-conference events were convened for and by the members of the ENIEDA Network, who welcomed this unique opportunity to explore possible collaborative avenues with the colleagues from the Liberal Arts Program at Texas A&M University at Qatar.

Picture 1: LAIC 2017 Conference participants

On Wednesday, 1 February 2017 Dr Monika Kopytowska and Dr Łukasz Grabowski conducted a workshop for the students taking a course in Foundations of Education in a Multicultural Society, offered by Texas A&M University both at its main campus in College Station, Texas and Qatar. The workshop, entitled ‘Presenting for and interacting with intercultural audiences’ gave the students an exciting opportunity to have some hands-on experience in aspects of intercultural communication, contextualising them within appropriate theoretical frameworks and then testing their validity through a number of effective and well-chosen role-play activities, illustrating instances of successful communicative events in intercultural settings.

The second post-LAIC event took place on Thursday, 2 February 2017, aiming primarily to inform the colleagues from the Liberal Arts Program about the activities, achievements and mission of the ENIEDA Network and identify possible common denominators in research and practice that could be further explored and developed collaboratively. Dr Svetlana Kurteš gave a short introductory presentation entitled ‘ENIEDA Network: linguistic and intercultural education going beyond disciplinary and geographical borders’, providing a platform for a lively and fruitful round table discussion that followed on (Picture 2).

Picture 2: ENIEDA Round Table at TAMUQ

© Svetlana Kurteš, Zohreh R. Eslami, 2017

For Citation:

Kurteš, S., Eslami, Z. (2017). The Fifth Liberal Arts International Conference: *Reinventing Ourselves: Innovation and the Liberal Arts*, Doha, Qatar, 29—31 January 2017. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2), 446—450.

Bio note:

Svetlana Kurteš, Dr, Professor, currently affiliated with Texas A&M University at Qatar, Vice President of the European Network for Intercultural Education Activities (ENIEDA), member of several professional and scholarly associations and editorial boards of academic journals, a Fellow of the Higher Education Academy, UK. *Research Interests*: interdisciplinary approaches to communication, culture and society and issues surrounding their practical applications and pedagogical implications. *Contact information: e-mail: svetlana.kurtes@enieda.eu*

Zohreh R. Eslami, Dr, Professor, Chair of Liberal Arts Program of Texas A&M University at Qatar and Professor in the Department of Teaching, Learning and Culture of Texas A&M University, USA, member of the International Advisory Board of the European Network for Intercultural Educational Activities (ENIEDA), member of the editorial board of *Russian Journal of Linguistics*. *Research Interests*: Persian Pragmatics and Politeness, Intercultural and Instructional Pragmatics, L2 Content Literacy Development, Linguistic Development and Assessment of English Language Learners. *Contact information: e-mail: zohreh.eslami@qatar.tamu.edu*

Для цитирования:

Kurteš, S., Eslami, Z. The Fifth Liberal Arts International Conference: *Reinventing Ourselves: Innovation and the Liberal Arts*, Doha, Qatar, 29—31 January 2017 // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. № 2. С. 446—450.

Сведения об авторах:

Светлана Куртеш, доктор, профессор, научный сотрудник Техасского университета А&М в Катаре, вице-президент Европейской ассоциации по межкультурному образованию (ENIEDA), член различных международных организаций в сфере профессиональной деятельности, член ряда международных научных организаций и редколлегий научных журналов, член Академии высшего образования (Великобритания). *Сфера научных интересов*: междисциплинарные подходы к коммуникативистике, культура и общество, методика преподавания. *Контактная информация: e-mail: svetlana.kurtes@enieda.eu*

Зохрэ Еслами, доктор, профессор, заведующая кафедрой преподавания, изучения языков и культур Техасского университета А&М в Катаре (Доха, Катар). *Сфера научных интересов*: межкультурная прагматика, член Европейской ассоциации по межкультурному образованию (ENIEDA), член редколлегии журнала *Вестник Российского университета дружбы народов*. *Серия: Лингвистика*. *Сфера научных интересов*: прагматика (персидский язык), теория вежливости, межкультурная прагматика, методика преподавания второго иностранного языка, формирование культурных компетенций в рамках изучения иностранного языка. *Контактная информация: e-mail: zeslami@tamu.edu*

ПАМЯТИ О.А. КРЫЛОВОЙ
IN MEMORY OF OLGA A. KRYLOVA

10.03.1937 — 29.12.2016

В самом конце 2016 г., 29 декабря, ушла из жизни Ольга Алексеевна Крылова — профессор кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов, действительный член Международной академии наук педагогического образования (МАНПО), академик Российской академии естественных наук (РАЕН). Эти высокие звания свидетельствуют о том, что педагогическая и научная деятельность Ольги Алексеевны получила при жизни широкое официальное признание: ей было присвоено звание Почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации, в 2010 г., в год юбилея университета, она была награждена Орденом Дружбы.

Но, безусловно, долгая и плодотворная жизнь прекрасного преподавателя и выдающегося русиста не укладывается в рамки официальных званий и наград. Уход из жизни Ольги Алексеевны — это большая личная потеря для многих из нас, ведь половина (если не больше) профессорско-преподавательского состава филологического факультета — это бывшие студенты Ольги Алексеевны. Под ее руководством было защищено 15 кандидатских и две докторских диссертации, но даже те из нас, кто не был ее аспирантом, обязаны ей своим становлением в ас-

пирантуре: ведь более 20 лет она была руководителем аспирантуры на факультете, и именно в эти годы (совпавшие с перестройкой в стране и в образовании) были заложены основы новых направлений и программ постдипломного образования на факультете.

Нельзя не вспомнить многолетний труд Ольги Алексеевны в Диссертационном Совете по филологическим наукам: там много лет звучал ее характерный, неповторимый голос.... именно ее оценка оказывалась важной для всех как свидетельство научного авторитета среди младших коллег. Ее участие в работе Совета всегда было активным, оценки научных результатов — доброжелательны и одновременно «пристрастны», так как ее научному мышлению были присущи те строгость, ясность и четкость, которые она хотела видеть и у молодых исследователей.

Работе на филологическом (раньше историко-филологическом) факультете нашего университета была отдана, действительно, вся жизнь Ольги Алексеевны. Она пришла в университет вскоре после окончания аспирантуры, которую закончила в МГПИ им. В.И. Ленина (ныне МПГУ) в 1964 г., защитив диссертацию, посвященную исследованию порядка слов в сложном предложении, которая на всю жизнь определила самый важный объект ее научных интересов — русский синтаксис в его сложном коммуникативном ракурсе. Продолжением работ, посвященных порядку слов, стали работы по актуальному членению предложения, и впоследствии сложилась авторская научная концепция русского синтаксиса в коммуникативном аспекте — новаторская для своего времени, закладывающая основы дискурсивного описания русского языка задолго до появления в отечественной лингвистике этого научного направления.

В известной и многократно переизданной монографии «Коммуникативный синтаксис русского языка» (последнее издание: УРСС, 2009) с коммуникативной точки зрения рассматриваются не только простое предложение, но и словосочетание, сложное предложение и текст. Здесь было предложено оригинальное и научно обоснованное решение целого ряда спорных синтаксических проблем — категория предикативности и способы ее оформления; инверсия и ее типы; нейтрализация на синтаксическом уровне, типология текстов и многое другое.

60—70-е годы — это годы интенсивного развития филологического образования в Университете дружбы народов им. П. Лумумбы. Уже была создана известная в Советском Союзе и за его пределами база практического преподавания русского языка как иностранного (РКИ), но преподавание теоретических дисциплин студентам-филологам и аспирантам еще находилось в стадии становления. О.А. Крылова внесла огромный вклад в развитие теоретической лингвистики в рамках той кафедры, на которой она проработала много лет, кафедры общего и русского языкознания. Научный статус кафедры сегодня результат и ее многолетних усилий.

Научный авторитет Ольги Алексеевны способствовал укреплению связей кафедры с Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН, в котором она в течение целого ряда лет была членом Орфографической комиссии: это были сложные годы (начиная с 90-х) перестройки норм русского языка в период общей

«перестройки» страны. Новая ситуация требовала от русистов не только осмысления новых тенденций, но и конкретной кодификационной деятельности.

Человек безупречной языковой культуры, Ольга Алексеевна, принимая все новое и интересное, неустанно, подвижнически боролась с неряшливостью в языке — как в научном, так и в обиходном. И за пределами Орфографической комиссии продолжался ее неустанный просветительский труд за сохранение интеллигентного облика русской речи — в разговорах с коллегами, студентами и аспирантами, в статьях и докладах, а главное — в рамках курса «Стилистика современного русского языка».

Много лет О.А. Крылова читала не только курс синтаксиса русского языка, но и курс функциональной стилистики, основы которой были ей разработаны. В этом базовом курсе органично соединились, с одной стороны, теоретическое описание системы функциональных стилей языка и стилистических ресурсов русской речи, с другой, — их дидактическое представление в системе заданий и упражнений. Книга «Лингвистическая стилистика», состоящая из двух частей, вышла в 2008 г. в издательстве «Высшая школа», была награждена Золотой медалью ВВЦ РФ и стала базовым учебником для многих поколений студентов-филологов и за пределами РУДН. Сегодня ее можно с уверенностью назвать классическим учебником.

Среди научных трудов по стилистике русского языка, конечно, нужно назвать работы, в которых Ольгой Алексеевной и ее учениками был выделен и описан церковно-религиозный стиль русского языка и такая его жанровая разновидность, как современное церковное послание.

Последней научно-методической работой Ольги Алексеевны Крыловой, написанной ей в соавторстве с молодыми коллегами, стало учебное пособие с названием, которое сразу привлекает внимание: «Синтаксические сюжеты: спорные и нерешенные вопросы русского синтаксиса». Эта книга вышла в 2016 г. в издательстве «Русский язык». И хотя Министерство образования и науки определило ее как «учебное пособие», сами авторы в предисловии пишут, что это «не совсем обычная книга, так как ее жанр определить довольно затруднительно». Один из рецензентов пособия удачно определил этот новый жанр как «учебную книгу», и Ольге Алексеевне понравилось это определение. Действительно, книга включает в себя и материалы лекций, и выдержки из научных трудов, и контрольные вопросы и задания. И что самое важное, в этой книге в увлекательной форме представлены спорные, концептуально неоднозначные проблемы русского синтаксиса, в доступной, «учебной» форме показана сложность синтаксических единиц.

Ольга Алексеевна была человеком широкого кругозора: она очень много читала, любила не только классическую, но и современную литературу и разбиралась в ней, любила театр и классическую музыку, интересовалась политикой. Она обладала потрясающей работоспособностью: даже в перерывах между занятиями все время была чем-то занята — проверяла работы студентов и аспирантов, что-то писала... Эти качества — живой интерес к тому, что происходит в мире и культуре,

высокая работоспособность и высокий профессионализм, удивительная дисциплина в сочетании с равнодушием к людям и их проблемам — создавали ее неповторимый облик и давали ощущение встречи с Личностью, даже в тех случаях, когда ваши оценки и мнения не совпадали с ее строго аргументированной точкой зрения.

«Лицом к лицу лица не увидать...»... Но сегодня, из XXI в. мы можем объективно оценить высокие достижения русистики середины XX-го в., выразить свою признательность и уважение целому поколению замечательных русистов — поколению наших Учителей, преемниками которых мы являемся, заложивших в своих трудах основы тех направлений, теорий и вузовских курсов, в которых и с которыми мы сегодня работаем. К этому замечательному поколению принадлежит Ольга Алексеевна Крылова — выдающийся ученый-русист, замечательный преподаватель, коллегами и учениками которой нам посчастливилось быть.

***Коллеги и ученики —
преподаватели филологического факультета РУДН***